

ГРАММАТИКА
ТАНГУТСКОГО
М.В. СОФРОНОВ ЯЗЫКА

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

М. В. СОФРОНОВ

ГРАММАТИКА
ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

КНИГА 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Ответственный редактор

Н. И. Конрад

"Грамматика тангутского языка" представляет собой результат реконструкции тангутского языка на основании материалов, обнаруженных русским исследователем Центральной Азии П.К.Козловым в "мертвом городе" Хара-Хото.

В первой книге дается систематическое описание всех аспектов тангутского языка: письменности, фонетики, морфологии и синтаксиса. Наряду с этим кратко излагается история исследований по дешифровке тангутского языка.

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Грамматика тангутского языка" представляет собой продолжение исследования, предпринятого совместно с Е.И.Кычановым¹.

Эта монография состоит из двух книг: "Книга 1. Грамматика", "Книга 2. Материалы для фонетической реконструкции".

В книге 1 рассматриваются все разделы грамматики: письменность, фонология, морфология, синтаксис. К сожалению, разделы получились весьма неравными по объему. Такое соотношение величин разделов соответствует нынешним представлениям об указанных частях науки о тангутском языке. Некоторое оживление тангутских исследований в последнее время позволяет надеяться, что объединенными усилиями ученых разных стран знания по всем указанным разделам будут быстро расширяться.

В книге 2 приводятся материалы для фонетической реконструкции и индекс тангутских иероглифов с реконструированным чтением.

Работа над грамматикой была уже закончена, когда был опубликован 1 том "Исследований по тангутскому языку" Т.Нисиды². Поэтому результаты его труда не могли быть использованы в этой монографии. Нам при-

¹ М. В. Софронов, Е. И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, М., 1963.

² 西田龍雄: 西夏語の研究, I, 東京, 1964.

шлось ограничиться беглым изложением основных идей этой книги в разделе об истории тангутских исследований.

Эта монография не была бы завершена, если бы не помощь и поддержка моих коллег. Приношу глубокую благодарность Е.И.Кычанову, оказавшему мне большую практическую помощь, особенно в начале работы. Сердечно благодарю проф. Ж. Клосо́на за детальный разбор "Исследований по фонетике тангутского языка". Его идея о важности диахронического подхода к реконструкции тангутской фонетики была мною использована и по мере возможности развита в этой грамматике. Пользуюсь случаем, чтобы принести проф. Ж. Клосо́ну благодарность за микрофильм его рукописного словаря тангутского языка. Я искренне благодарен В.С. Колоколову, Е.И.Кычанову, К.Б.Ке́пинг, познакомившим меня с подготовленными к изданию тангутскими переводами "Лунь юя", "Мэн цзы", "Сяо цзина", "Сунь цзы" еще до их опубликования. Приношу самую горячую благодарность заведующей отделом восточных рукописей ЛО ИНА М.П.Волковой за помощь при работе с материалами тангутского фонда.

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ

Реконструкция тангутского языка состоит из реконструкции фонетики, реконструкции грамматики, раскрытия значений иероглифов.

Для решения этих задач требуется установить процедуру реконструкции, которая должна выдерживаться на протяжении всей работы. Процедура реконструкции в принципе одинакова для всех указанных выше задач. Она состоит из двух частей.

Первой частью процедуры является установление тождества некоторого тангутского текста с иноязычным. Следует различать два плана тождества. В случае перевода тангутского текста на иностранный язык имеет место тождество в плане содержания, в случае транскрипции некоторого тангутского текста с помощью иной письменности имеет место тождество в плане выражения.

Любая реконструкция может начаться только при наличии некоторых отождествленных текстов. Для реконструкции фонетики необходимы иноязычные тексты, тождественные в плане выражения; для реконструкции грамматики и раскрытия значений иероглифов необходимы иноязычные тексты, тождественные в плане содержания.

Второй частью процедуры является установление соответствий между частями отождествленных текстов. Практически имеет смысл различать

соответствия на уровне предложений и соответствия на уровне морфем.

Устанавливая соответствия на уровне предложения, можно реконструировать грамматику, установив соответствия на уровне морфемы, можно раскрыть значения тангутских иероглифов.

Такова общая процедура реконструкции тангутского языка. Однако в каждой части реконструкции имеются свои приемы, которые следует изложить отдельно.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Реконструкция фонетики тангутского языка представляет собой особую задачу, отличающуюся от реконструкции фонетики языка, пользующегося алфавитной письменностью.

Иероглифическая письменность отличается от алфавитной прежде всего самим принципом обозначения. Алфавитное письмо передает план выражения обозначаемой лингвистической единицы, а иероглифическое — ее план содержания. По элементам фонетического письма можно судить о произношении передаваемой лингвистической единицы, а по элементам иероглифа (при наличии соответствующей подготовки) — о значении. Таким образом, иероглифическая письменность обычно не содержит в себе никакой информации относительно произношения обозначаемых ею лингвистических единиц.

Для реконструкции фонетики языка, пользующегося иероглифической письменностью, необходимо иметь в наличии иноязычные транскрипции, сделанные с помощью известных письменностей. Однако иноязычные транскрипции являются необходимым, но еще не достаточным условием реконструкции.

Всякая сколько-нибудь последовательная транскрипция представляет собой как бы отображение фонологической системы одного языка на фонологическую систему другого. Поскольку соответствующие фонемы связаны друг с другом акустическим сходством, фонемы транскрибируемого языка могут передаваться с помощью вариантов фонем транскрибирующего языка, и наоборот. В связи с этим возможно, что иноязычная транскрипция мо-

жет одинаково передавать различные единицы транскрибируемого языка и, наоборот, по-разному передавать одинаковые.

Поэтому очевидно, что первой проблемой фонетической реконструкции языка, передаваемого иероглифической письменностью, является проблема тождества транскрибируемых единиц: всегда ли одинаковая транскрипция обозначает фонетически тождественную единицу транскрибируемого языка.

Адекватная реконструкция фонетики языка, передаваемого иероглифической письменностью, — это реконструкция, которая учитывает звуки, различаемые самими носителями реконструируемого языка, а не те, которые воспринимали создатели транскрипций. Это означает, что реконструкция фонетики языка, пользующегося иероглифической письменностью, должна основываться на двух видах источников: внутренних и внешних¹. Внутренние источники (фонетические таблицы и фонетические словари, составленные тангутскими филологами) указывают группы одинаково произносимых, но различных по значению иероглифов. Внешние источники (иноязычные транскрипции тангутских текстов) представляют собой иноязычные транскрипции иероглифов. Во внутренних источниках иероглифы отождествляются фонологически.

Однако отождествление одинаковых по своему фонологическому составу слогов, которые в тангутском языке обозначаются одним иероглифом, не исчерпывает значения внутренних источников. Не менее важной для реконструкции является также внутренняя их структура, потому что каждый элемент внутренней структуры должен иметь свою фонетическую интерпретацию.

Таким образом, после установления групп одинаковых по фонологическому составу слогов основной задачей фонетической реконструкции становится выявление соответствий между структурой внутренних источников и фактами иноязычных транскрипций.

Следует различать общую и частную фонетическую реконструкцию. Зависимость между общей и частной реконструкциями соответствует зависи-

¹ Подробнее см. гл. II, разд. "Источники реконструкции".

мости между теоремами существования и конструктивными теоремами. В первом случае утверждается существование некоторого явления, а в другом — его внутренняя структура.

При общей реконструкции рассматриваются данные транскрипций, относящиеся к крупным фонологическим классам внутренних источников в целом: к главам "Гомофонов" или к рифмам "Вэньхая". В результате анализа цепей фаньце¹ и начальных согласных транскрипций мы можем судить о составе тангутского консонантизма. В результате анализа вокалических частей транскрипций, относящихся к определенной рифме "Вэньхая", мы можем судить о тангутском вокализме. При общей реконструкции наибольшее значение имеет суммарное количество транскрипций, относящихся к указанным классам, независимо от их распределения по подклассам. Общая реконструкция дает нам сведения относительно состава тангутского консонантизма и вокализма, но не отвечает на вопрос о том, как читаются иероглифы, образующие указанные классы.

При частной реконструкции рассматриваются данные, относящиеся к минимальным фонологическим классам внутри "Вэньхая" и "Гомофонов", т.е. к отдельным группам. Задача частной реконструкции заключается в установлении чтения отдельных иероглифов или групп иероглифов, различаемых во внутренних источниках. Иначе говоря, частная реконструкция — это приложение результатов общей реконструкции к минимальным фонологическим классам "Вэньхая" и "Гомофонов". Частная реконструкция существенно упрощается, если исходить из "Вэньхая": каждая рифма содержит слоги с одинаковой вокалической частью. Это дает нам возможность освободиться от частной реконструкции гласных.

Итак, основное содержание частной реконструкции — определение начального согласного слогов, обозначенных отдельными иероглифами или группами иероглифов в "Вэньхая". Для слогов ровного тона эта задача выполняется без всякого труда, потому что каждой группе указано чте-

¹ Подробнее см. гл. II, разд. "Согласные тангутского языка".

ние по фаньце. Как известно, текст раздела восходящего тона "Вэньхая" утерян и лишь частично восстановлен на основании других источников. При этом фаньце большинства групп раздела восходящего тона остается неизвестным. Некоторое количество таких фаньце мы находим в фрагментах рукописного словаря без названия, но они относятся лишь к небольшому числу групп. Другая часть групп реконструируется на основании первого издания "Гомофонов". При образовании групп иероглифов в первом издании "Гомофонов" учитывался только фонемный состав слогов, в результате чего во многих группах объединены слоги ровного и восходящего тонов. Поскольку слоги ровного тона нам известны по "Вэньхаю", можно легко выделить соответствующие слоги восходящего тона и воспользоваться фаньце группы ровного тона. Остальная часть групп реконструируется на основании внешних источников. Здесь различаются два случая: когда группа имеет транскрипции, приходится вопреки принятой процедуре реконструировать непосредственно по транскрипции, а когда группа транскрипций не имеет, она остается без реконструкции до тех пор, пока не будут найдены фаньце или транскрипции.

Проблемы, которые возникают при рассмотренных видах реконструкции, весьма различны. О частной реконструкции, видимо, можно было бы не говорить, если бы в нашем распоряжении находился полный текст "Вэньхая". Но при имеющихся в наличии внутренних источниках частная реконструкция становится самостоятельной проблемой.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Для осуществления грамматической реконструкции имеется достаточное количество текстов на тангутском языке, переведенных с хорошо известных китайских оригиналов. Таким образом, мы располагаем тангутскими текстами, содержание которых известно.

Цель грамматической реконструкции состоит в том, чтобы выявить грамматические категории тангутского языка и указать их систему.

В принципе процедура грамматической реконструкции ничем не отли-

чается от процедуры фонетической реконструкции. Поскольку грамматические категории языка определяются по соответствующим служебным морфемам, процедура грамматической реконструкции должна состоять из двух ступеней: инвентаризация служебных морфем тангутского языка на основании указаний внутренних источников и их интерпретация на основании параллельных текстов.

Инвентаризация служебных морфем облегчается тем, что в "Гомофонах" и "Вэньхае" при иероглифах, обозначающих служебные морфемы, имеются специальные пометы. В некоторых случаях такие пометы отсутствуют, потому что эти морфемы имеют не только служебное, но также и знаменательное значение. Поэтому данные внутренних источников могли бы послужить отправной точкой исследований по грамматике тангутского языка.

В действительности же грамматическая реконструкция проходила иначе. Она началась задолго до обнаружения тангутских словарей, поэтому к началу нашей работы список служебных морфем тангутского языка был в основном известен. Этот список выявлен в работах по грамматической реконструкции путем непосредственного сопоставления соответствующих предложений тангутского и китайского языков. Т.Нисида в своей докторской диссертации подробно описал этот метод¹. В связи с этим обстоятельством нам пришлось ограничиться сверкой полученного списка служебных морфем по внутренним источникам. При этом оказалось, что путем непосредственного сопоставления выявлено больше служебных морфем, чем отмечено во внутренних источниках, потому что тангутские филологи считали служебными, вероятно, только те морфемы, которые не имели собственного знаменательного значения.

Интерпретация служебных морфем происходит следующим образом. Рассматривается некоторое количество примеров, содержащих служебную

¹ См. 西田龍雄: 西夏語と西夏文字, - «中央アジア古代語文獻. 西域文化研究» 第四, 1961, 421-424 頁 (далее: Т. Нисида, Тангутский язык...).

морфему, подлежащую реконструкции. По китайскому параллельному тексту устанавливается план содержания каждого из примеров. Общий элемент плана содержания рассмотренных примеров должен соотноситься с общим элементом плана выражения, т.е. со служебной морфемой, подлежащей реконструкции. В некоторых случаях примеры делятся на несколько групп, причем внутри каждой группы имеется отличный от других общий элемент плана содержания. Здесь можно говорить о том, что реконструируемая служебная морфема неоднозначна. Количество значений морфемы соответствует количеству указанных групп.

Для грамматической реконструкции существенно не только значение служебной морфемы, но также и ее дистрибутивные свойства. Служебные морфемы определенным образом связаны со знаменательными: они могут находиться перед знаменательной морфемой или после нее. Сила связи служебных морфем со знаменательными может быть различной: в одном случае между ними не могут находиться ни служебные, ни знаменательные морфемы, а в другом — между ними могут находиться любые или строго определенные морфемы.

Если в наличных примерах служебная морфема встречается только перед связанной с ней знаменательной морфемой, то мы говорим, что она ориентирована на начало знаменательной морфемы. Если в наличных примерах служебная морфема встречается только после связанной с ней знаменательной морфемы, то мы говорим, что она ориентирована на конец знаменательной морфемы.

Служебные морфемы, ориентированные на начало знаменательных и характеризующиеся сильной связью, мы назовем префиксами, а служебные морфемы, ориентированные на конец знаменательных и характеризующиеся сильной связью, мы назовем суффиксами. Остальные служебные морфемы, характеризующиеся слабой связью, мы назовем предлогами, послелогами и пр. Служебные морфемы, относящиеся к предложению в целом, называются союзами или конечными частицами.

Для раскрытия значений иероглифов нужны те же материалы, что и для грамматической реконструкции. Отличие от грамматической реконструкции состоит только в том, что после идентификации тангутского предложения с соответствующим китайским устанавливается значение не служебных, а знаменательных морфем. Раскрытие значений иероглифов — первая задача, которую решили исследователи тангутского языка. Усилиями исследователей 20-х и 30-х годов были раскрыты значения большого числа тангутских иероглифов. Эта работа продолжается и сейчас, о чем будет более подробно сказано в разделе об истории тангутских исследований.

Обычно в числе задач реконструкции тангутского языка упоминается также исследование структуры тангутской письменности. Как нам представляется, в методическом отношении исследование структуры письменности не является задачей по дешифровке и в сущности ничем не отличается от исследования структуры любой иероглифической письменности, в том числе и письменности живого языка, пользующегося иероглифической письменностью.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

У тангутских исследований довольно длительная история, насчитывающая около ста лет. Этот предмет не является главной темой нашей работы, кроме того, уже имеется несколько трудов в этой области¹, поэтому иссле-

¹ См.: Н. А. Невский, Тангутская филология, кн.1, М., 1960, стр.19-32; Е. И. Кычанов, Звучат лишь письмена, М., 1965, стр.13-20,81-129. По истории исследования письменности см.: Е. И. Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности, — КСИНА, № 68, М., 1964, стр.126-131; Н. И. Конрад, О тангутском языке и тангутской письменности, — ВЯ, 1961, № 3, стр.115-125.

дования начального периода мы изложим лишь в общих чертах и более подробно рассмотрим их современное состояние.

Первый тангутский текст, который поступил в распоряжение европейских ученых, был надписью на воротах Цзюйюн Гуань. Тангутская надпись была одной из шести надписей одного и того же содержания, сделанных на разных языках. Из текстов на других языках явствовало, что надпись была составлена в 1345 г. Тангутская надпись состояла из двух частей: одна из них была написана большими иероглифами, другая - малыми. Каждая из частей делилась на две секции.

А. Уайли, взявшийся за дешифровку, установил, что секции, написанные большими иероглифами, представляет собой транскрипцию санскритского дхарани, оригинал которого имеется в санскритской части шестязычной надписи. Публикуя результаты своей работы, он высказал предположение, что исследованная им надпись сделана малым чжурчженским письмом и, следовательно, язык надписи - чжурчженский¹. Эту работу продолжил Э. Шаванн. Он поставил в соответствие все знаки тангутской транскрипции дхарани с ее санскритским оригиналом. Так было определено чтение больших тангутских иероглифов надписи². Э. Шаванн не считал достаточно убедительным предположение о чжурчженском малом письме и высказал гипотезу, что письменность этой надписи была письменностью государства Си-Ся. Гипотеза Э. Шаванна была в общем столь же вероятна, как и гипотеза А. Уайли. Требовались прямые свидетельства в пользу первой или второй.

В конце прошлого века Г. Девериа обнаружил надпись того же письма, что и на воротах Цзюйюн Гуань. Надпись находилась в храме Даюньсы в Лянчжоу (провинция Ганьсу). Из параллельного китайского текста бы-

¹ См. A. Wylie, On an ancient buddhist inscription at Keu-Yung-Kwan, - JRAS, new ser., vol. V, pt 1, 1870, pp. 14-44.

² См. "Documents d'époque mongole de XIII et XIV siècles", édites par le prince Roland Bonaparte, Paris, 1895, p. X.

ло видно, что надпись была сделана в 1094 г. и написана письмом государства Си-Ся. В 1898 г. лянчжоуская надпись была издана¹.

К исследованию тангутского языка были привлечены не только эпиграфические, но также и нумизматические источники. С. Бушель исследовал тангутские монеты и определил значение сорока иероглифов, встречающихся на них².

На этом завершается начальный период исследований тангутского языка. Главным признаком этого периода является скудость материала: в распоряжении исследователей находились только две надписи и двенадцать монет. Недостаток материала не помешал сделать очень важные научные выводы. Результаты этого периода исследований состоят в следующем: был определен характер тангутского письма, было установлено предположительное чтение иероглифов, встречающихся в транскрипции дхарани, было раскрыто значение сорока знаков.

В результате первого периода исследований тангутского языка было установлено, что тангутская письменность представляет собой письменность иероглифическую, потому что каждый ее знак имел собственное чтение и значение. При этом чтение знаков не зависело от состава и числа образующих элементов. Этот важный вывод был сформулирован в более поздних работах М. Мориса, Ло Фу-чана, А. Бернхарди и Э. фон Цаха, Б. Лауфера, А. И. Иванова.

Начало второго периода исследований тангутского языка совпадает с наступлением XX столетия. М. Морис получил неполный экземпляр тангутского перевода *Saddharma-pundarika-sūtra*³. На листке бумаги, приклеенном к

¹ G. Devéria, L'écriture du royaume de Si-Hsia ou Tangoure, - "Memoires presentes par divers savants a l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres", 1 ser., vol. XI, pt. 1, Paris, 1898, pp. 147-176.

² См. S. W. Bushell, The Hsi-Hsia dynasty of Tangut, their money and peculiar script, - JNCB, new ser., vol. XXX, 1895-1896, pp. 142-160.

³ Об обстоятельствах приобретения этой книги см.: Е. И. Кычанов, Звучат лишь письмена, стр. 18.

титальному листу, было написано китайское название этой сутры - 妙法蓮花經. М. Морис предположил, что китайское название на отдельном листке представляет собой китайский перевод тангутского названия книги. Сверка китайского текста с тангутским подтвердила это предположение. Так был идентифицирован первый большой тангутский текст.

Сравнив тангутский текст первых трех страниц книги с соответствующим китайским, М. Морис раскрыл значение 141 тангутского иероглифа вполне определенно и значение 14 иероглифов предположительно. Большим достижением М. Мориса было то, что он впервые определил значение не только иероглифов, обозначающих знаменательные морфемы, но также и иероглифов, обозначающих служебные морфемы. Было определено значение 15 служебных морфем тангутского языка. М. Морис установил, что для тангутского предложения характерен строгий порядок слов: подлежащее предложения находится на первом месте, прямое дополнение - на втором и глагол - в конце предложения¹.

Работа М. Мориса, опубликованная в 1904 г., открывала дорогу для исследований по грамматике и лексике тангутского языка. Однако вопрос о чтении иероглифов по-прежнему оставался открытым. В тексте, исследованном М. Морисом, было 75 санскритских слов в тангутской транскрипции. Значительная часть транскрибирующих их тангутских знаков уже встречалась в транскрипции дхарани из надписи в Цзюйюн Гуане. Кроме того, выяснилось одно интересное обстоятельство: иероглифы, встречающиеся в транскрипции, не встречаются в связанном тексте. Таким образом, оказывалось, что у иероглифов, чтение которых было определено, не было известно значение, а у иероглифов, значение которых было определено, чтение не было известно. В результате этого было трудно получить целостное представление о тангутском языке.

¹ См. M. Morisse, Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-Hia, - "Memoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres", 1 sér., vol. XI, pt 2, Paris, 1904, pp. 313-379.

На примере трех страниц тангутского текста М. Морис показал, что проблема раскрытия значений иероглифов и реконструкции грамматики может быть успешно решена при наличии достаточного количества текстов. Однако никакое количество текстов не было в состоянии продвинуть вперед исследования по фонетике тангутского языка. Без реконструкции фонетики не могло быть определено место тангутского языка среди других языков центральной Азии, а материал тангутского языка не мог быть достаточно эффективно вовлечен в научный оборот.

Через четыре года после появления в свет работы М. Мориса П. К. Козлов обнаружил мертвый город Хара-Хото и открыл субурган, где хранилась тангутская библиотека. находка была передана на хранение в Географическое общество, а затем в Азиатский музей. При разборе тангутской библиотеки проф. А. И. Иванов обнаружил учебное пособие по китайскому языку для тангутов, которое также могло служить пособием по тангутскому языку для китайцев. Эта книга называлась *mi² za¹ ngwu¹ ndzje¹ mbu¹ pa² ngu² nie²* "Тангутско-китайский своеобразный перл в руке" (далее "Перл"), Тангутский текст этой книги был транскрибирован по-китайски, а китайский текст - по-тангутски. Значение этой находки было огромно. До этого в распоряжении исследователей тангутского языка были только тангутские транскрипции санскрита, где, естественно, могли встретиться только те звуки тангутского языка, которые имелись в санскрите. Теперь же в руках исследователей появились иноязычные транскрипции самого тангутского языка. Таким образом, открывалась возможность приступить к последовательной реконструкции фонетики тангутского языка, имея в своих руках материалы, которые сами по себе могли обеспечить успех фонетической реконструкции.

В 1909 г. А. И. Иванов опубликовал статью с очень кратким описанием "Перла" и небольшим словарем из 324 слов тангутского языка в китайской транскрипции и тангутским шестидесятилетним циклом летосчисления. Статья заканчивалась кратким обзором грамматических правил тангутского языка, повторяющим с некоторым уточнением то, что уже было известно

из работы М. Мориса. К статье прилагалась публикация одной страницы "Перла"¹.

Транскрипция тангутских иероглифов в "Перле" была осуществлена средствами иероглифической письменности. Это обстоятельство породило новые проблемы и поставило реконструкцию тангутской фонетики в зависимость от состояния исторической фонетики и исторической диалектологии китайского языка, которые в то время делали первые шаги. Поэтому А.И. Иванов был вынужден пойти на довольно грубое упрощение, допустив, что произношение китайских иероглифов транскрипции существенно не отличалось от их произношения в современном пекинском диалекте.

В "Перле" существовало два вида китайской транскрипции. Один тангутский иероглиф мог транскрибироваться как одним китайским иероглифом, так и двумя. Транскрипция двумя иероглифами получила название биномной. Биномы могли представлять собой транскрипцию двусложного чтения тангутского иероглифа или передачу чтения одного слога с помощью двух других. А.И. Иванов предположил, что биномы передают двусложное чтение иероглифов, и при этом ошибочно читал их слева направо, между тем как тангуты придерживались общего с китайцами правила начертания справа налево. На эту ошибку спустя 18 лет указал Э. фон Цах².

Несмотря на это, статья А.И. Иванова послужила основанием для большой работы Б. Лауфера, в которой выясняется положение тангутского языка среди других языков центральной Азии. Сравнивая китайские транскрипции тангутских иероглифов с материалами синитических языков, Б. Лауфер приходит к выводу, что тангутский язык относится к числу синитических. Наиболее близкими тангутскому, т.е. языку си-ся, он называет языки ло-ло и мо-со. На основании данных А.И. Иванова он установил существо-

¹ См. A. Ivanov, Zur Kenntniss der Hsi-Hsia Sprache, Mit 1 Tafel, - "Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg", SPb., 1909, S. 1221-1233.

² См. E. von Zach, Ueber einen Störende Fehler in den bisherigen Hsi-Hsia Studien, - "Orientalistische Literaturzeitung", Bd XXXI, 1927, S. 4.

вание внутри синитических языков группы, которую он назвал си-ло-мо, по первым слогам названий трех языков, образующих ее¹.

Работу М. Мориса продолжил Ло Фу-чэн, который в 1914 г опубликовал исследование тангутского перевода *Saddharma-pundarika-sūtra* и небольшой тангутско-китайский словарь, куда вошли иероглифы, содержащиеся в доступных ему частях этой сутры и на опубликованной А.И.Ивановым странице из "Перла"². В том же году его брат Ло Фу-чан опубликовал небольшую работу³, наиболее важным разделом которой является раздел, посвященный тангутской письменности. Ло Фу-чан первый сформулировал мысль о идеографическом характере тангутской письменности. Однако, как мне представляется, он переоценивал степень сходства тангутской письменности с китайской. Ему удалось выделить несколько ключей, по функции напоминающих китайские ключи. Тем самым он положил начало исследованию семантической структуры тангутских иероглифов.

Одновременно с Ло Фу-чаном над той же проблемой работали в Европе А.Бернхарди и Э.фон Цах. Независимо от Ло Фу-чана они пришли к тем же выводам⁴.

В 1923 г. А.И.Иванов опубликовал статью о тангутской письменности, где высказал предположение о связи тангутского письма со стилем начертания "чжуань" китайских иероглифов⁵.

¹ См. B. Laufer, *The Si-Hia language. A study in Indo-Chinese philology*, - "Toung Pao", 2 ser., vol. XCII, 1916, pp. 1-126.

² См. 羅福菴: *西夏譯蓮花經考釋*, 京都, 1911; 羅福菴: *西夏國書類編*, 京都, [s. a].

³ См. 羅福菴: *西夏國書略說*, - «待時軒叢刊», 上海, 1937.

⁴ См. A. Bernhardt und E. von Zach, *Einige Bemerkungen über Si-hia-Schrift und Sprache*, - "Ostasiatische Zeitschrift", 1918-1919, № 3-4.

⁵ См. 伊鳳閣: *西夏國書說*, - «國學季刊» 第一卷, 第四号, 1929-1930.

Второй период исследований тангутского языка характеризуется широкой диапозона тем опубликованных работ. Внимание исследователей этого периода привлекают все аспекты изучения тангутского языка: транскрипция, грамматика, лексика, письменность, сравнительное изучение тангутского языка. В исследованиях этого периода приняло участие наибольшее по сравнению с последующими периодами количество авторов. Это было время распространения тангутских исследований вширь. Однако наиболее важными достижениями этого периода являются достижения в области изучения письменности.

Следующий, третий, период связан с именем Н.А.Невского.

В 1925 г. А.И.Иванов передал Н.А.Невскому копии с обнаруженных в тангутском фонде фрагментов рукописей с тибетской транскрипцией при каждом тангутском знаке. Это были уникальные образцы транскрипции тангутского текста средствами алфавитной письменности. Через год Н.А.Невский закончил исследование тибетских транскрипций тангутских иероглифов и издал их в виде словаря, содержащего иероглифы, встречающиеся во фрагментах¹. При каждом тангутском иероглифе были приведены все его тибетские транскрипции, а в некоторых случаях также и китайские транскрипции по "Перлу". Во многих случаях Н.А.Невский предлагает реконструкцию чтения иероглифа, сделанную на основании тибетской и китайской транскрипций. Однако предложенная фонетическая реконструкция не могла быть систематической, потому что в этой работе Н.А.Невский не учитывал еще не известных ему внутренних источников реконструкции.

Работа Н.А.Невского над тибетскими транскрипциями имела огромное значение. Независимо от ценности предложенной им реконструкции его исследование содержало большой фактический материал, который мог быть использован для дальнейшей работы по фонетической реконструкции тангутского языка. Эта работа Н.А.Невского сделала возможным появление ряда других исследований по тангутской фонетике и до сих пор является

¹ См. N. Nevsky, A brief manual of Si-Hia characters with Tibetan transcription, "Research review of the Osaka Asiatic Society", Osaka, 1926, № 4.

единственным источником информации по тибетской транскрипции для зарубежных исследователей, потому что фрагменты с тибетской транскрипцией до сих пор не опубликованы.

В конце 20-х годов возникает интерес у исследователей к проблеме биномов в китайской транскрипции. Интерес этот не случаен, потому что от трактовки биномов зависели весьма важные решения, касающиеся реконструкции тангутского консонантизма, в особенности тогда, когда система фаньце еще не была исследована.

В средневековом Китае существовала хорошо разработанная система транскрипции иностранных языков. Слог иностранного языка мог передаваться в китайской транскрипции с помощью одного, двух или даже трех иероглифов. Транскрипция, осуществляемая с помощью двух иероглифов, называется биномной, а осуществляемая с помощью трех иероглифов – триномной. В китайской транскрипции тангутского языка встречаются только транскрипции с помощью одного иероглифа или с помощью бинома.

Имеются два типа биномов – биномы типа эрхэ и биномы типа фаньце.

Биномы типа эрхэ служат для передачи иноязычных слогов со стечением согласных в начале слога, которое было невозможно в среднекитайском языке. В этом случае начальный согласный первого слога совпадает с первым согласным транскрибируемого стечения, а второй слог обозначает второй согласный транскрибируемого стечения и вокалическую часть транскрибируемого слога.

Биномы типа фаньце служат для передачи слогов без стечения согласных: согласный первого слога совпадает с согласным транскрибируемого слога, а вокалическая часть второго – с вокалической частью транскрибируемого слога. Биномы этого типа имеют место в тех случаях, когда в транскрибируемом слоге встречаются дистрибутивно несоединимые в среднекитайском языке гласный и согласный. Обычно в китайской транскрипции при каждом биноме имеется особая помета, предписывающая читать его как эрхэ или как фаньце. Особенностью имеющейся в наличии китайской транскрипции тангутских иероглифов является то, что здесь биномы помет не имеют. Это обстоятельство существенно затрудняет их трактовку.

А.А.Драгунов сравнил китайскую биномную транскрипцию тангутских иероглифов с их тибетскими транскрипциями и пришел к выводу, что в китайской транскрипции имеются по меньшей мере два класса биномов: бином типа 尼卒 и остальные. Тибетская транскрипция тангутских иероглифов, транскрибируемых по китайским биномам типа 尼卒, свидетельствует о том, что первый элемент бинома - 尼 - служил для назализации последующего звонкого согласного¹. Таким образом, было доказано, что биномы этого типа представляют собой биномы типа эрхэ. А.А.Драгунов воздержался от оценки остальных биномов, потому что, вероятно, понимал необходимость для этого не только внешних, но также и внутренних данных.

В 1931 г. С. Вольфенден опубликовал краткую статью о тибетских транскрипциях тангутских иероглифов, где выдвинул гипотезу о существовании в тангутском языке стечений согласных в начале слога, как это имеет место в тибетском языке и в других синитических языках². Через три года он опубликовал обширное исследование, где доказывал на основании тибетских и китайских транскрипций существование около десятка стечений согласных в начале слога³. С. Вольфенден рассматривал китайские транскрипционные биномы как однородный материал. И поэтому он полагал, что закономерности, установленные в одной части материала, могут быть распространены на остальную часть его. В сущности он имел на это право, потому что цепи фаньце, которые являются единственным строгим критерием для различения транскрипционных биномов, еще не были исследованы. Его следует упрекнуть лишь в недостатке осторожности при распространении закономерностей, полученных в результате исследования биномов типа 尼卒, на остальные

¹ См. А.А. Драгунов, Биномы типа 尼卒 в тангутско-китайском словаре, - "Доклады Академии наук. Серия гуманитарных наук", 1929.

² См. S. Wolfenden, On the Tibetan transcriptions of Si-Hia words, - JRAS, 1931, pt 1, pp. 47-52.

³ См. S. Wolfenden, On the prefixes and consonantal finals of Si-Hia as evidenced by their Chinese and Tibetan transcriptions, - JRAS, 1934, pt 4, pp. 745-770.

биномы, так как остальные биномы могли относиться к типу эрхэ, что С. Вольфенден вполне мог предположить.

А. И. Иванов обнаружил в тангутском фонде тангутские толковые словари различной степени сохранности. Словарь "Гомофоны" сохранился почти полностью, между тем как словари "Вэньхай" и "Вэньхай ца лэй" лишь частично. "Гомофоны" (в дальнейшем выяснилось, что это было первое издание словаря) и "Перл" были изданы в Китае. Вместе с исследованием Н. А. Невского по тибетским транскрипциям эти книги долгие годы были единственным материалом, доступным для зарубежных исследователей тангутского языка.

В конце 20-х годов в Китае были обнаружены новые тангутские тексты. Часть их была приобретена Пекинской национальной библиотекой, часть — университетом в Киото. Пекинская библиотека приобрела тангутский перевод *Suvarṇaprabhasa-sūtra* и *Maha Mayurividyarājña-sūtra*. Эти две сутры вместе с несколькими исследованиями этнографического характера были изданы Ван Цзин-жу в трех томах под общим названием "Тангутские исследования"¹. Из трех томов исследования два занимает издание *Suvarṇaprabhasa-sūtra*. Небольшая *Maha Mayurividyarājñī* составляет часть первого тома. С лингвистической точки зрения наибольший интерес представляет издание *Suvarṇaprabhasa-sūtra*. Параллельно тангутскому тексту сутры даны китайский и тибетский варианты. Каждый тангутский знак сопровождается переводом на китайский язык. В некоторых случаях предлагается также и реконструкция чтения иероглифа. О фонетических реконструкциях Ван Цзин-жу трудно сказать что-либо определенное, потому что он нигде не говорит о причинах, побудивших его дать ту или иную реконструкцию. Все они представляют собой результат исследования, оставшегося неизвестным читателю. Ценность работы Ван Цзин-жу заключается в раскрытии значений значительного числа иероглифов. При внимательном изучении переводов служебных морфем тангутского языка выясняется грамматическая концепция автора.

¹ См. 王静如: 西夏研究, 第一辑, 北平, 1932; 第二, 第三辑, 北平 1933.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что переводы служебных морфем не всегда последовательны. При более внимательном изучении этого вопроса выясняется, что вполне последовательны переводы тех служебных морфем, значение которых было понятно Ван Цзин-жу; непоследовательны переводы тех служебных морфем, значение которых было ему не вполне понятно. Наконец, в тех случаях, когда Ван Цзин-жу не понимал значения служебной морфемы, он отказывался от перевода и против такой морфемы ставил транскрибирующий ее китайский иероглиф.

Однако, несмотря на некоторые непоследовательности в трактовке значений служебных морфем, исследование Ван Цзин-жу было шагом вперед в реконструкции тангутской грамматики и в раскрытии значений тангутских иероглифов. Не менее важно и то, что оно представляет собой также ценный и удобный материал для лингвистического исследования.

После возвращения в Советский Союз А.Н. Невский целиком посвятил себя тангутским исследованиям. Его исследовательские интересы были необыкновенно широки. Здесь мы затронем только его лингвистическую деятельность.

Н.А. Невский разыскал в тангутском фонде часть "Вэньхая" и несколько изданий фонетических таблиц. Таким образом в его руках сосредоточились все внутренние и внешние источники реконструкции тангутской фонетики.

Еще до своего возвращения Н.А. Невский приступил к описанию внутренних источников реконструкции тангутской фонетики, понимая их важность для решения этой проблемы. В 1927 г. вышла на английском языке статья о тангутских словарях¹. Его дальнейшее исследование внутренних источников так и не было опубликовано при жизни. Материалы, хранящиеся в рукописном фонде Н.А. Невского, свидетельствуют о том, что главной целью его

¹ См. N. Nevsky, Concerning Tangut dictionaries; «狩野教授还曆記念支那學論叢», 京都, 1927. На русском языке вышла в издании: Н. А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.95-106.

работы в 30-е годы становится фонетическая реконструкция. Н.А. Невский хорошо понимал, что основой успешной реконструкции могут быть только тангутские словари и фонетические таблицы. Для этого нужно было выяснить их устройство. Устройство "Гомофонов" было выяснено им и изложено в первой статье о тангутских словарях. Позднее было выяснено устройство "Вэньхая" и изложено в работе "Материалы для изучения тангутского произношения", которая была опубликована только после смерти Н.А. Невского в "Тангутской филологии"¹. В рукописи осталась неоконченная статья о фонетических таблицах². Описана только первая часть фонетических таблиц, не отличающаяся по своему устройству от китайских фонетических таблиц Сыма Гуана. Нет никакого сомнения, что Н.А. Невский знал также устройство и второй части - об этом свидетельствует одно беглое замечание в статье о наименовании тангутского государства³.

В качестве одной из подготовительных мер к фонетической реконструкции было составление "Перечня тангутских иероглифов ровного и восходящего тона"⁴. "Перечень" представляет собой конспект "Вэньхая" и содержит только фонологическую информацию: чтение по фаньце, указание места в фонетических таблицах, тон, иноязычные транскрипции. "Перечень" составлен на основе "Вэньхая", но сверен с "Гомофонами" и "Вэньхай бао юнем". К сожалению, "Перечень" обрывается на 54-й рифме восходящего тона. В подготовительных материалах имеются также списки иероглифов 60-й и 61-й рифм восходящего тона⁵. Как известно, в тангутском фонде имеется только первый том "Вэньхая", включающий в себя иерогли-

¹ См. Н. А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.107-131.

² Там же, стр.132-139.

³ Там же, стр.49.

⁴ См. Архив востоковедов ЛО ИНА АН СССР, фонд 69, оп.1, № 10-11.

⁵ Там же, фонд 69, оп.1, № 14, стр.521-530.

фы ровного тона. Иероглифы восходящего тона были приведены в "Вэньхай бао юне" и частично в одном из вариантов фонетических таблиц, где перечисляются иероглифы, относящиеся к соответствующим рифмам ровного и восходящего тонов¹. "Вэньхай бао юнь" исчез при таинственных обстоятельствах. Однако его существование не подлежит сомнению. Имеются лишь некоторые сомнения относительно полноты "Вэньхай бао юня": в подготовительных материалах к "Перечню", хранящихся в архиве Н.А.Невского, нет никаких сведений о иероглифах, принадлежащих рифмам, кроме тех, которые были перечислены выше. Поэтому не исключено, что соответствующие рифмы отсутствовали и в "Вэньхай бао юне". К сожалению, в указанном варианте фонетических таблиц часть рифм утеряна. Поэтому до сих пор нет возможности определить принадлежность нескольких десятков иероглифов к рифмам.

Судя по материалам, хранящимся в архиве, Н.А.Невский стоял на пути, который привел бы его к успешному завершению фонетической реконструкции. Если бы не безвременная гибель, Н.А.Невский закончил бы эту работу в начале 40-х годов.

Основным трудом Н.А.Невского по тангутскому языку, бесспорно, является словарь, над которым он начал работать, вероятно, еще в Японии. В словаре² Н.А.Невский собрал все полученные им результаты исследований по тангутскому языку. Здесь мы находим значительную часть фонологической информации, которая была собрана в "Перечне". Словарь пополнялся по мере привлечения новых текстов. При этом Н.А.Невский не просто записывал новые значения иероглифов, но также приводил соответствующую выдержку из текста. Это делает словарь собранием ценнейших материалов по лексике и грамматике тангутского языка. В некоторых случаях - глав-

¹ См. "Тангутские рукописи и ксилографы", сост. З.И.Горбачева и Е.И.Кычанов, М., 1963, инв. № 620-622, стр.50-51.

² См.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.169-601; кн.2, стр.7-683.

ным образом при малоупотребительных иероглифах - толкование иероглифа представляет собой указание места иероглифа в "Гомофонах". В других случаях, правда, довольно редких, в толкование иероглифа входят: указание места в "Гомофонах", иноязычные транскрипции, значение, чтение по фаньце, принадлежность к рифме, тон, перевод на китайский и тибетский языки, родственные слова в других синитических языках, приемы употребления. Обычно толкование иероглифов содержит только часть перечисленной выше информации. При иероглифах, обозначающих служебные морфемы, также часто приводится их значение с соответствующими примерами. Поэтому словарь можно считать работой не только по лексикологии, но также и по грамматике тангутского языка. В словаре имеются три вида толкований служебных морфем. В одних случаях значение служебной морфемы переводится на русский язык или дается пояснение на русском языке. В других случаях - только перечисляются китайские переводы соответствующей морфемы. Иногда же толкование исчерпывается указанием: "служебное слово" или "служебная частица". Во всех случаях при служебных словах имеются примеры их употребления.

После смерти Н.А. Невского исследования по тангутскому языку в СССР временно прекратились. Без новых публикаций замедлились исследования зарубежных тангутоведов.

В конце 30-х годов в Европе тангутским языком занимался только проф. Ж. Клосон. Результатом его исследования является тангутский словарь, где материал расположен по графической системе. Однако этот словарь не был издан. Рукопись его до сих пор хранится в библиотеке Школы восточных и африканских исследований¹.

После окончания войны возобновился разбор и инвентаризация тангутского фонда. Результаты этой кропотливой работы были опубликованы в 1963 г.².

¹ См. G. Clauson, The Future of Tangut (Hsi-Hsia) studies, - "Asia Major", new ser., vol. XI, pt 1, 1964, p. 55.

² См. "Тангутские рукописи и ксилографы", сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов, М., 1963.

В 1950 г. Т.Нисида начал заниматься тангутским языком под руководством проф. Исихама Дзюнтаро. В 1956 г. он опубликовал важную статью о методе фонетической реконструкции тангутского языка, в которой описал процедуру фонетической реконструкции, основывающуюся на "Гомофонах"¹. Эта процедура была применена в двух работах: в исследовании по тангутским числительным и в исследовании тангутской надписи на воротах Цзюйюнь Гуань². По поводу этих работ Т.Нисида пишет следующее: "Основная мысль, которую я проводил в указанных выше статьях, такова: иноязычные транскрипции и "Гомофоны" могут служить достаточным основанием для отрывочной реконструкции, но для реконструкции фонологической системы тангутского языка в целом этого материала недостаточно. Однако реконструкция станет возможной в том случае, если привлечь материалы "Вэньхая" и "Вэньхай бао юня"³.

Вероятно, по этой причине в свою первую монографию "Тангутский язык и тангутская письменность" Т.Нисида не включил раздел о фонетической реконструкции. В этой работе, вышедшей в свет в 1961 г., Т.Нисида дает подробный анализ тангутской письменности, как семантический, так и графический. В данной работе впервые в литературе по тангутскому языку вводится понятие графического элемента и схема соединения графических элементов в иероглиф⁴.

В монографии дается также краткий обзор грамматики тангутского языка. Т.Нисида начинает с определения грамматических отношений, которые могут возникать между двумя морфемами. Он выделяет три основных грамматических отношения - генитивное (отношение между двумя именны-

¹ См. 西田龍雄: 西夏語音再構成の方法, «言語研究», 1956, № 31, 67-71 頁 .

² См. 村田治郎: 居庸関, «京大工學部刊», 1958.

³ См. 西田龍雄: 西夏語の研究, I, 東京, 1964, 1X 頁.

⁴ См. Т. Нисида, Тангутский язык..., стр.391-462.

ми морфемами, из которых первая определяет вторую), атрибутивное (отношение между именной и качественной морфемами), комплетивное (отношение между именной и глагольной морфемами). В зависимости от способности быть первым или вторым членом указанных бинарных отношений Т.Нисида различает три основных "формальных класса" - существительное, прилагательное, глагол. Четвертый "формальный класс" образуют приглагольные структурные элементы - глагольные префиксы и суффиксы, пятый - "фразовые вспомогательные морфемы", шестой - наречия, седьмой - союзы.

В указанной монографии Т.Нисиды впервые в литературе по тангутскому языку предпринимается попытка выделения грамматических классов морфем, которую в целом следует признать удачной. Однако, как нам представляется, более разумным было бы общее различение "формальных классов" знаменательных и служебных морфем. Не во всех случаях достаточно строго решены проблемы дистрибуции. Так, служебная морфема 靛 *in'* трактуется как падежный суффикс, между тем как по наблюдениям Н.А.Невского, а также и нашим, эта морфема представляет собой глагольный префикс. Не всегда достаточно строго оценивается сила связи между морфемами. Так, например, Т.Нисида трактует морфему 純 *njwi²* как суффикс возможности, а морфему 緩 *kai²* как суффикс желательности¹. Как нам представляется, в обоих случаях можно говорить только о модальных глаголах, потому что они могут иметь глагольное оформление, как и все остальные глаголы: 補能委靛靛靛靛 (В III 318н) *mə² śja' liɛ² lln² a' kai²*

"Желаешь ли ты взглянуть на мощи Будды?".

Т.Нисида не пошел далее выделения основных грамматических классов тангутского языка. Структура самих классов осталась вне его поля зрения.

Огромное влияние на развитие исследований по тангутскому языку оказала публикация в 1960 г. научного наследия Н.А.Невского в виде двухтомного издания под общим названием "Тангутская филология", осу-

¹ См. Т.Нисида, Тангутский язык..., стр.436.

ществленная по инициативе акад. Н.И.Конрада после посмертной реабилитации Н.А.Невского. В "Тангутской филологии" собраны все основные труды Н.А.Невского, как опубликованные, так и неопубликованные¹.

Как уже говорилось, в рукописи словаря Н.А.Невского содержались указания о рифмах, к которым принадлежали иероглифы. Несмотря на то что такие указания были не при всех иероглифах, на основании материала словаря можно было составить представление о рифмах "Вэньхая". Это открывало дорогу к реконструкции тангутского вокализма.

Первой работой, основанной на данных "Тангутской филологии", является небольшое сообщение М.Хасимото о результатах реконструкции тангутского вокализма, без описания процедуры реконструкции². Впервые в литературе по тангутскому языку М.Хасимото предпринял попытку определить соответствующие рифмы ровного и восходящего тонов. Эта попытка не везде удалась, но в целом соотнесение рифм было проведено. Важным также является наблюдение М.Хасимото над зависимостью дэна (т.е. высоты медиали) китайских транскрипционных слогов от рифмы тангутского языка.

Для того, чтобы интерпретировать 105 рифм тангутского языка, М.Хасимото предположил существование в тангутском языке долгих гласных. При этом он ссылается на дхарани в некоторых тангутских сутрах, где санскритские долгие передаются без соответствующих диакритиков. Это предположение нам представляется маловероятным, потому что имеются другие тангутские сутры, в которых при передаче санскритских долгих используется диакритический знак долготы. Наиболее важным свидетельством отсутствия в тангутском языке фонологической долготы является тот факт, что в китайской и тибетской транскрипциях нет специальных указаний на долготу гласных, но М.Хасимото оставил этот факт без внимания.

¹ См. Н. А. Невский, Тангутская филология, кн.1-2, М., 1960.

² См. 橋本萬太郎: 文海の音韻組織についてタングート語音韻論, - "言語研究", 1962, № 41, 91-93頁.

В 1965 г. вышла статья М.Хасимото, в которой он подробно излагает процедуру своей реконструкции тангутского вокализма¹.

Таково было положение дел в исследовании тангутского языка в начале 1962 г., когда мы совместно с Е.И.Кычановым приступили к реконструкции тангутской фонетики. Наши обязанности были распределены следующим образом: я отвечал за лингвистическую часть работы, а Е.И.Кычанов - за палеографическую.

Первой задачей было установление структуры основных внутренних источников - второй части фонетических таблиц и "Вэньхай цза лэя". Подробное описание этих источников дано в "Исследованиях по фонетике тангутского языка"². После выполнения этой задачи структура всех внутренних источников стала в общих чертах ясна.

Следующей задачей было создание метода фонетической реконструкции. Метод фонетической реконструкции - это указание процедуры, обязательно приводящей от данных разных источников к реконструированному чтению. Была принята следующая принципиальная процедура реконструкции: установление групп или отдельных иероглифов, которые внутренние источники различают по некоторому фонетическому признаку, а затем их фонетическая интерпретация с помощью иноязычных транскрипций. Необходимость процедуры, исходящей из внутренних источников, вызвана тем, что иноязычные транскрипции в принципе не могут точно передавать все звуки транскрибируемого языка. Они могут по-разному обозначать не различающиеся и одинаково обозначать различные звуки транскрибируемого языка.

Приступая к реконструкции, мы пошли на следующие упрощения:

1) предположили, что внешние и внутренние источники реконструкции описывают одно и то же состояние тангутского языка;

¹ См. 橋本萬太郎: 文海の韻の音韻組織上つて; «東方學», 1965, № 30, 158-117頁.

² См. М. В. Софронов, Е. И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка.

2) предположили, что китайская и тибетская транскрипции передают одно и то же временное и ареальное состояние тангутского языка.

Иначе говоря, первый предварительный вариант реконструкции был создан без учета хронологических и ареальных моментов. Необходимость их учета выяснилась лишь позднее.

При реконструкции тангутского вокализма обнаружилось, что последовательность тангутских рифм в "Вэньхае" не случайна, а характеризуется своей макро- и микроструктурой. На основании иноязычных транскрипций и одного косвенного указания в первой части фонетических таблиц была установлена цикличность структуры тангутских рифм. Было обнаружено четыре цикла - один большой и три малых. Циклы составляют макроструктуру тангутских рифм. Внутри каждого цикла рифмы делятся на группы. Каждая рифма группы характеризуется сочетаемостью с согласными с внутренней стороны и транскрипциями китайских слогов определенного дэна - с внешней. Группы рифм образуют микроструктуру цикла.

Интерпретация циклов стала наиболее сложной проблемой реконструкции вокализма. В качестве первого варианта интерпретации было предложено различие в артикуляции. Гласные I малого цикла было предложено считать продвинутыми вперед, а гласные II малого цикла было предложено считать отодвинутыми назад. III малый цикл оставался без интерпретации.

В статье, написанной по материалам той же книги, дается новый вариант интерпретации циклов: поскольку артикуляционные отличия строго показать невозможно, было бы правильнее отказаться от артикуляционного различения циклов и ограничиться просто графическим указанием на принадлежность слова к одному из малых циклов¹. В дальнейшем после исследования системы фаянце было установлено, что главное различие между циклами состоит в консонантизме слогов, относящихся к ним.

В 1964 г. вышла книга Т.Нисиды "Исследования по тангутскому язы-

¹ См. M.V. Sofronov, E.I. Kuchanov, Researches concerning the phonetics of the Tangut language, - "Acta orientalia Hungarica", t. XVIII, 1965, pp. 353-354.

ку" с подзаголовком "Реконструкция тангутского языка и дешифровка тангутской письменности"¹. В "Вопросах языкознания" опубликована наша рецензия по поводу этой работы². Поэтому здесь кратко остановимся лишь на основных ее идеях.

В основе работы Т.Нисиды лежат материалы, опубликованные в "Тангутской филологии" Н.А.Невского. Т.Нисида более тщательно, чем М.Хасимото, обработал данные Н.А.Невского.

Наибольшего успеха Т.Нисида добился в реконструкции тангутского консонантизма. Вслед за С.Вольфенденем он полагает, что в тангутском языке в начале слога может находиться не только один согласный, но также и стечение двух согласных. Поэтому его реконструкция консонантизма делится на две части: реконструкция простых согласных и реконструкция стечений согласных. Реконструкция простых согласных весьма близка к реконструкции согласных, опубликованной в "Исследованиях по фонетике тангутского языка"³. Реконструкция стечения согласных нам представляется ошибочной, потому что не подтверждается системой фаньце в "Вэньхае". Причина этого заблуждения вполне понятна: Т.Нисида не имел в своем распоряжении тангутских фаньце.

В реконструкции тангутского вокализма Т.Нисида мог бы достичь большего успеха даже при наличном материале. Так, он реконструирует для второго и третьего дэнов только одну медиаль -i-, между тем как китайская транскрипция позволяла реконструировать особую медиаль второго дэна.

Т.Нисида обнаруживает цикличность структуры рифм, хотя и не говорит об этом явно. По мнению Т.Нисиды, гласные слога I малого цикла ха-

¹ См. 西田龍雄: 西夏語の研究, I, 京都, 1964.

² См. "Вопросы языкознания", 1964, № 4, стр.149-158.

³ См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, М., 1964, стр.70-112.

рактируются большей напряженностью при их артикуляции, а слоги II малого цикла - наличием конечного согласного -г. Что касается напряженности, то эту гипотезу пока проверить невозможно, что же касается конечного -г, то против такой реконструкции можно привести некоторые возражения.

Известно, что большинство тибетских транскрипций тангутских слогов II малого цикла характеризуются надписной $\text{ɣ}'$. В некоторых случаях встречаются также транскрипции с конечным $\text{ɣ}'$. Что означают в этих случаях конечные $\text{ɣ}'$, пока сказать невозможно, однако надписное $\text{ɣ}'$ должно читаться как согласный, предшествующий корневому согласному слога, и ни в коем случае не должно читаться как конечный согласный слога. Несмотря на ошибочную трактовку надписного $\text{ɣ}'$, несомненная заслуга Т.Нисиды состоит в том, что он впервые обратил внимание на то, что различие между циклами не обязательно заключено в вокализме слогов, но может быть также заключено в их консонантизме.

В 1964 г. вышла в свет очень важная статья Е.И. Кычанова о структуре тангутской письменности¹. В этой статье впервые предложен список простейших графических элементов: $\text{—}(\cdot), |, \perp, \top, \vee, \exists, \prime, \backslash$. Графические элементы Е.И.Кычанов складывает в "знаки, формирующие идеографообразующие элементы". Таких знаков насчитывается 83. "Знаки, формирующие идеографические элементы", образуются из основных графических элементов путем их "разнообразных комбинаций". "Идеографообразующие элементы" объединяются в идеографы. Е.И.Кычанов утверждает, что число установленных "идеографообразующих элементов" приближается к 650. В статье также приводится схема расположения "идеографообразующих элементов" в идеографах. Эта схема будет приведена ниже, в разделе о тангутской письменности. Идеи, изложенные в разделе о графической структуре тангутской письменности, весьма близки к идеям Е.И. Кычанова. Мы расходимся только в отношении числа и характера некоторых графических

¹ См. Е. И. Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности, - КСИНА, № 68, М., 1964, стр.126-150.

элементов. Так, как нам представляется, выделенные им графические элементы не всегда можно назвать простейшими, например, ψ и ζ состоят, как нам представляется, не из одной, а из двух черт. Так же логически не оправдано представление точки как варианта —, поскольку они функционально различны. Число комбинаций основных графических элементов действительно велико, но способов комбинаций всего три: сопоставление, касание, пересечение.

Несмотря на отмеченные непоследовательности, статья Е.И. Кычанова продвигает вперед графическое исследование тангутской письменности, она продолжает также традицию семантического ее исследования. Автор приводит 68 детерминативов тангутских иероглифов. Употребление первых десяти он иллюстрирует значительным количеством примеров.

В ближайшее время вряд ли можно ожидать появления принципиально новых работ по графическому анализу тангутской письменности, потому что такие работы должны быть связаны с выдвиганием новых принципов графического исследования. Наибольшие результаты можно ожидать от исследований по семантической структуре тангутских иероглифов, В частности, такие исследования должны окончательно уточнить список ключей или детерминативов, потому что лишь в результате полного исследования семантической структуры иероглифов можно сказать, какие графические элементы регулярно представляют один и тот же иероглиф во всех случаях его употребления, а какие могут представлять различные иероглифы. В последнем случае не исключена возможность семантической оценки круга знаков, которые может представлять графический элемент. Не исключено, что их значение будет иметь общие черты. Для того чтобы выполнить эту задачу, необходимо исследование экспликаций структуры иероглифов в словарях "Вэньхай", "Вэньхай цза лэй" и в рукописном словаре без названия.

Специального исследования заслуживают тангутские иероглифы фонетической категории. Число этих иероглифов невелико, однако они особенно важны при исследовании фонетики тангутского языка. Дело в том, что иероглифы фонетической категории представляют собой наиболее ранние опыты тождествования чтения знаков, предпринятые еще до составления фонетических слова-

рей. Поэтому результаты исследования иероглифов фонетической категории имеют непосредственное отношение к реконструкции наиболее раннего из доступных нам состояний фонетики тангутского языка — его состояния в момент создания тангутской письменности.

Главной целью нашей работы является изложение реконструкции грамматики тангутского языка в наиболее адекватном, с нашей точки зрения, виде. Поэтому при дальнейшем изложении мы будем избегать полемики с предшествующими работами. Однако для того, чтобы читатель мог составить себе представление о состоянии предшествующих тангутских исследований, ниже приводится сравнительная таблица толкований служебных морфем тангутского языка разными авторами (табл. 1).

Таблица составлена по работам Мориса, Ло Фу-чана, Ван Цзин-жу, Н.А. Невского и Т. Нисиды. Результаты А.И. Иванова, Б. Лауфера, А. Бернхарди и Э. фон Цаха не были включены ввиду того, что они ни в чем существенном не отличаются от результатов Мориса и Ло Фу-чана.

Результаты исследований китайских авторов приводятся на языке оригинала, потому что не всегда можно точно указать, какую именно функцию соответствующего служебного слова имели в виду китайские авторы. Как уже упоминалось выше, в словаре Н.А. Невского имеются три типа толкований служебных морфем: перевод значения морфемы на китайский язык, перевод ее значения на русский язык, помета "служебное слово". Помимо этого имеется один смешанный способ: толкование дается как по-китайски, так и по-русски. По той же причине мы сохраняем без изменения переводы на китайский язык. Русские толкования воспроизводятся полностью. Когда служебная морфема толкуется по-русски или по-китайски, то в том случае, если эти толкования тождественны, сохраняется русское толкование, в том случае, если они не тождественны, приводятся оба.

ИСТОЛКОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ МОРФЕМ ТАНГУТСКОГО
ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ГРАММАТИКЕ

мор- фемы	Морис	Ло Фу-чан	Ван Цзин-жу	Невский	Нисидэ
𪛗			從可	處所	
𪛘			可所	當可應所	суффикс долженст- вования
𪛙			所		
𪛚		所		各互處	
𪛛			者	человек, тот, кто...	
𪛜				起發生立自	
𪛝				префикс при тер- минах родства	
𪛞	суффикс множе- ственного числа		等	等	
𪛟			一	один, некий	
𪛠				числительная ча- стица длинных вещей, дорог.	
𪛡				числительная ча- стица колесниц, луков, замков и т.д.	

筵					числительная ча- стица домов (мо- настырей?)	
麗					числительная ча- стица для счета песен, слов и пр.	
效						
孺	суффикс роди- тельного и да- тельного падежа	為於	為之於	之與為於		суффикс родитель- ного и дательного падежа
孰	суффикс лока- тива		處所	於處所入		
報	суффикс инстру- менталиса	以	以而	以而		суффикс инструмен- тального падежа
臚			如	如於		
茲		與	與	и, с, вместе с		суффикс совместно- го падежа
黼	суффикс лока- тива		間中	丙中問		суффикс пребывания внутри
肩	суффикс лока- тива		中	中丙裡於		суффикс пребывания внутри
解		中	中	中		
孰			於中	中於從上		суффикс местного падежа

мор- фемы	Морис	Ло Фу-чан	Ван Цзин-жу	Невский	Нисиде
𪛗			上	上於在	
𪛘			間	間下	
𪛙			前	перед	
𪛚			前	перед	
𪛛			前	перед	
𪛜			及	後及并又復更逐外	
𪛝			際	между	
𪛞			边	邊際側	
𪛟				край, берег	
𪛠			外	вне	
𪛡			向方	方边向	
𪛢		以	隨以因	由因隨以故故	
𪛣			順		
𪛤			以	故緣為	

礙				為	быть	
惜				非	не быть	отрицание связи
度				其	быть, находиться	
終				慣習	но, тем не менее	суффикс длящегося действия
維				過	служебное слово	префикс совершенности действия
魏				所而乃		префикс, соответствующий китайскому 所
獲				進得便	частица прошедшего времени	префикс длительности действия
批				所	曾始初	
稜				已	конец, быть завершенным	суффикс завершения действия
穢					вспомогательная частица	
戮					已, хотя	префикс, обозначающий реализацию действия в скором будущем
殺				所	вспомогательная частица, выражающая пассив?	префикс, обозначающий направленность действия вниз

мор- фемы	Морис	Ло Фу-чан	Ван Цзин-жу	Невский	Нисида
榜		一		вопросительная частица	префикс начала дей- ствия
祀		令		令教	суффикс побуждения к действию
苑				взаимный, вза- имно	
辰		乃		если бы, пусть	суффикс объектного падежа
存		當		令當且假	
報		以當		служебное слово	
綉		同京願		вспомогательная частица	
嬾		願		служебное слово	
形				позволять, раз- решать	
統				частица предпо- ложения	
報		及		及并雖	
苑		當		當	суффикс повеления
威		可當應		служебное слово	суффикс увещева- ния
研		爾		如是	

慨			無不	не (отрицание)	отрицание действия
暇			未	еще не	
幾			無未不	нет	отрицание возможно-
幾			勿莫無		сти
極			最	極最甚	
許			許	несколько, не-	
者			者	которое количе-	
纒	соответствует китайскому 者		者	ство, степень	
報			一	者是乃	
姜				один, единствен-	суффикс утверди-
張				ный, частица	тельности
濟				время, когда	
亦		則	則	則	суффикс условной
亦		亦	亦	亦復雖	формы глагола
第		第	第	第	показатель поряд-
					ковых числительн.

Продолжение таблицы 1

мор- фемы	Морис	Ло Фу-чан	Ван Цзин-жу	Невский	Нисида
報			若或	если, или	
新			方	поэтому	
批			才所取	служебное слово	
報			乎	разве? неужели?	экспрессивный суф- фикс
發				вспомогательное слово (суффикс)	

Глава I

ТАНГУТСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Тангутская письменность представляет собой выдающееся явление в мировой истории письменности. Про нее можно с уверенностью сказать, что она является самой сложной иероглифической письменностью среди всех известных науке. Она имеет особое значение для теории письма, потому что представляет собой единственную в своем роде иероглифическую письменность, созданную вполне сознательно и не знавшую эволюции от простейших форм к более сложным. Ее исследование не только полезно для изучения самого тангутского языка, но также весьма поучительно с точки зрения выяснения общих закономерностей развития иероглифических письменностей.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Тангутская письменность была введена в действие указом тангутского императора Ли Юань-хао в 1036 г.

Ко времени ее создания уже существовала китайская и киданьская иероглифические письменности, а также тибетская и уйгурская письменности. Казалось бы, что естественным путем создания письменности для тангутского языка должно стать приспособление одной из указанных выше письменностей. Нет никакого сомнения в том, что создатели тангутской письмен-

ности знали о существовании письменностей сопредельных народов. Видимо, этим объясняются некоторые черты сходства тангутской письменности с китайской и киданьской, на которые указывает Е.И. Кычанов¹. Однако была создана собственная письменность. Возможно, такое решение было вызвано прежде всего политическими причинами. Тангутское государство, добившееся политической независимости, стремилось также и к независимости в области культуры. Для этого необходимо было создать собственную письменность. Так появилась тангутская иероглифическая письменность – самая сложная и самая поздняя из всех известных иероглифических письменностей, которую, вероятно, можно считать последним опытом такого рода.

До сих пор китайские материалы служат единственным источником наших сведений относительно истории создания тангутской письменности. Об этом упоминается в трех китайских исторических сочинениях и в мемуарах "Мэн ци би тань" знаменитого Шэнь Гуа. Все китайские источники сходятся в том, что инициатива создания письменности исходила от тангутского императора, но приводятся различные имена инициатора и исполнителей его воли. Большинство источников инициатором создания собственной письменности называет императора Ли Юань-хао, но в одном случае указывается имя его отца – Ли Дэ-мина. Что касается непосредственного создателя письменности, то "История династии Сун" называет имя Ели Жэнь-юна, а Шэнь Гуа в своих мемуарах приводит имя Юй-ци. Однако не исключено, что оба источника имеют в виду одно и то же лицо. Кстати сказать, свидетельство Шэнь Гуа носит скорее характер легенды. Там говорится о том, что император Ли Юань-хао приказал своему подданному Юй-ци создать тангутское письмо. Тот, уединившись в своем доме, работал много лет подряд и создал тангутскую письменность.

Наиболее полная информация относительно создания тангутской письменности содержится в "Истории династии Сун", где сказано: "Ли Юань-

¹ Е.И. Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности, стр.135-136

хао изобрел тангутское письмо и приказал Ели Жэнь-юну разработать его. Результаты его работы были изложены в 12 цзюанях. Форма знаков [такова, что каждый знак] полностью заполняет квадрат. Знаки похожи на китайские в стиле "бафэнь" и начертание их очень сложное. Всем подданным приказано во всех делах пользоваться тангутским письмом. При этом были переведены на тангутский язык "Сяо Цзин", "Эр-я", "Четырехсловная смесь иероглифов"¹.

Изучение оригинальных тангутских материалов, которые хранятся в фонде ЛО ИНА, почти полностью подтверждают свидетельства династийной истории.

Первое свидетельство относится к форме тангутских иероглифов. В самом деле, каждый тангутский иероглиф при условии правильного начертания полностью вписывается в квадрат. Подробнее об этом будет сказано в разделе о графической структуре тангутской письменности.

Второе свидетельство относится к сложности тангутских иероглифов. Тангутские иероглифы более сложны, чем китайские, и это очевидно каждому, кто попытается их сравнить. В двух китайских исторических сочинениях, где имеются упоминания о тангутской письменности, форма тангутских иероглифов сравнивается со стилем начертания китайских иероглифов "чжуань". Для человека, знакомого с тангутской письменностью, такое сравнение не покажется точным по следующему соображению. Говоря о сравнении со стилем "чжуань", следует иметь в виду, что аналогии в этом случае могут быть как по сложности, так и по характеру линий. Стиль начертания тангутских иероглифов в орфографических словарях более всего по характеру линий напоминает китайский стиль начертания "кай шу". Следовательно, сравнение со стилем "чжуань" может относиться только к сложности тангутских иероглифов, но не к характеру линий. Вероятно, сравнение со стилем "чжуань" появилось позднее и, вероятно: было вызвано стремлением к конкретизации указания "Истории династии Сун" о сложности тангутских иероглифов.

Третье свидетельство относится к переводам с китайского языка. Это

¹ Цит. по кн.: Т. Нисидэ, Тангутский язык..., стр.397.

место династийной истории также подтверждается имеющимися тангутскими материалами. Среди тангутских материалов, хранящихся в тангутском фонде ЛО ИНА, находится рукопись перевода "Сяо Цзина", о котором упоминает династийная история. Рукопись датирована 1095 годом¹. Вполне вероятно, что она представляет собой копию первого перевода этой книги. В Тангутском фонде имеется также словарь 須叡 *ndi² ndza¹* "Смесь иероглифов". В этом словаре содержатся слова тангутского языка, распределенные по предметным категориям: "Небо", "Земля", "Человек" и т.д., что было обычным для словарей такого рода². Этот словарь, видимо, не является точным переводом с китайского уже потому, что здесь имеется специальный раздел о тангутских именах и фамилиях. Династийная история указывает, что материал словаря был изложен в виде четырехсложных стихов. В связи с этим интересно отметить, что в этом тангутском словаре на каждой странице находится по 12 знаков.

Среди имеющихся тангутских материалов нет ни одного, который можно было бы назвать переводом китайского словаря "Эр-я". Несмотря на это мы, вероятно, можем полагать, что сведения о тангутской письменности и первых переводах на тангутский язык, содержащиеся в династийной истории, вполне достоверны, потому что подтверждаются тангутскими материалами.

Значительно менее ясным нам представляется указание относительно 12 цзюаней. Неясность этого места вызвана прежде всего неоднозначностью самого термина 卷 "цзюань", который может означать как целое сочинение, так и его часть. В зависимости от того, как понимать значение этого слова, можно дать два толкования указанного места династийной истории.

Вероятно, труд Ели Жэнь-юна представлял собой книгу из 12 глав, где излагались проблемы тангутской письменности.

¹ См. "Тангутские рукописи и ксилографы", № 2627, стр. 32.

² Там же, № 210, 4151, 6340, 8081, стр.48.

Но не менее вероятно также и то, что под двенадцатью цзюанями подразумеваются все книги на тангутском языке, написанные с помощью новой письменности.

Согласно первому предположению, наряду с указом императора было опубликовано одно сочинение в 12 главах, в которых содержались материалы как по самой тангутской письменности, так и по порядку ее применения. О содержании этого сочинения мы можем только строить догадки. Несомненно только одно: среди этих материалов должен был находиться список тангутских иероглифов с указанием их значений.

Согласно второму предположению, в число 12 цзюаней входят все сочинения на тангутском языке, имевшиеся к 1036 г., как оригинальные, так и переводные. В тексте династийной истории упоминаются только три переводных сочинения. Это означает, что материалы по тангутскому языку и письменности представляли девять отдельных сочинений. Японский исследователь тангутской письменности Т.Нисида полагает, что в число 12 цзюаней следует включить также некоторые фонетические словари, имеющиеся в тангутском фонде¹.

Ни одно из приведенных выше предположений не доказано. Даже если мы допустим равновероятность обоих предположений, совершенно очевидно, что минимальный вывод, который можно сделать на основании любого из них, состоит в том, что одновременно с указом императора о введении письменности были изданы какие-то материалы в виде одного или нескольких сочинений, в которых должен находиться список иероглифов с толкованием их значения и указанием по применению письма. В дальнейшем, в разделе о фонетической реконструкции, мы еще раз вернемся к проблеме первого списка тангутских иероглифов.

Мы вынуждены выяснять обстоятельства создания тангутской письменности по китайским историческим источникам. Однако вполне вероятно, что среди тангутских материалов, имеющих в нашем распоряжении, имеют

¹ См.: Т. Нисида, Тангутский язык..., стр.398.

ся более точные сведения по этому поводу, которые выяснятся при дальнейшем освоении их.

СТРУКТУРА ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Тангутскую письменность можно анализировать в двух аспектах: графическом и семантическом. При графическом анализе иероглиф рассматривается как совокупность отдельных элементарных черт. Целью графического анализа является выяснение общих графических принципов, которыми руководствовались создатели тангутской письменности. Отличительная черта тангутского письма состоит в том, что каждый иероглиф характеризуется оригинальной семантической структурой. При семантическом анализе иероглиф рассматривается как совокупность графических элементов, имеющих определенные связи с планом содержания.

В соответствии с изложенным мы различаем графическую и семантическую структуру тангутской письменности.

ГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Иероглиф является минимальной единицей тангутского письменного текста. Графически он сконструирован таким образом, что вокруг него может быть очерчен квадрат. Это графическое правило позволяет без труда отделять в тексте один иероглиф от другого и отличать целый иероглиф от его части. Каждый иероглиф отделен от соседних пробелом, который всегда бывает больше, чем пробел между частями иероглифов.

ГРАФЕМЫ

С точки зрения графической структуры тангутский иероглиф представляет собой упорядоченную совокупность графем. Графема представляет собой минимальную графическую величину, с помощью которой различаются графические элементы и в конечном счете иероглифы. Ни один иероглиф не может отличаться от другого на единицу, меньшую, чем графема.

Графемы тангутского языка представляют собой линии, характеризующиеся определенными геометрическими свойствами. Поэтому при исследо-

вании графем можно пользоваться некоторыми простейшими понятиями геометрии. Наиболее общим свойством, присущим всем графемам тангутского языка, является линейность: графема может быть либо прямой линией, либо углом определенной величины. В тангутской письменности нет ни одной графемы, которая бы характеризовалась кривизной.

Поскольку все графемы имеют смыслоразличительную функцию, можно говорить о видоизменениях в начертании графемы, которые приводят или не приводят к изменению значения иероглифа. В тех случаях, когда различные способы начертания одной и той же графемы не ведут к изменению значения иероглифа, мы будем говорить о вариантах графемы. Следует различать стилистические и позиционные варианты графем. Стилистические варианты обусловлены индивидуальным почерком, стилем начертания и в какой-то мере орудием письма. Позиционные варианты графем возникают в различном графическом окружении.

Таким образом, графему тангутского языка можно определить двумя эквивалентными способами: как класс непрерывных линий, являющихся составной частью иероглифа и обладающих одинаковой смыслоразличительной функцией, и как графический инвариант, который реализуется в составе иероглифа в виде позиционно обусловленных вариантов.

Следует специально остановиться на чисто технической особенности тангутских графем, обусловленной тем, что основным орудием письма была кисть. Некоторые графемы писались с утолщением в начале, некоторые — с утолщением в конце черты. Эта особенность не имеет существенного значения, но тем не менее постоянно соблюдается в орфографических словарях. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Мы различаем восемь графем, принимающих участие в образовании тангутских иероглифов.

1. Графема — представляет собой горизонтальную линию, направленную слева направо.
2. Графема | представляет собой вертикальную линию, направленную сверху вниз.

3. Графема \searrow представляет собой линию, направленную сверху вниз и слева направо. Насколько можно судить по орфографическим словарям, эта графема может реализоваться в двух вариантах: в тех случаях, когда эта графема бывает первой в составе графического элемента, она имеет начертание \searrow с утолщением в начале, а в тех случаях, когда эта графема бывает последней, она имеет начертание \swarrow с утолщением в конце.

4. Графема \swarrow представляет собой линию, направленную сверху вниз и справа налево.

5. Графема \nearrow представляет собой угол, направленный вправо. Предшествующая перегибу часть графемы всегда бывает горизонтальной. Величина угла может быть различной в зависимости от почерка или стиля начертания, но она никогда не бывает более 90° . Строгое соблюдение прямого угла обязательно только при соприкосновении этой графемы с правым концом графемы 1 и с верхним концом графемы 2. В последнем случае графема может иметь вариант \perp , который обычно встречается в правой части иероглифа.

6. Графема \nwarrow представляет собой угол, направленный влево. Предшествующая перегибу часть графемы никогда не бывает горизонтальной. Величина угла этой графемы изменяется весьма значительно. Когда эта графема находится в верхней части графического элемента, выдерживается угол около 90° , когда она находится в нижней части графического элемента, - величина угла всегда больше 90° .

7. Графема ∇ представляет собой угол, направленный вниз. Предшествующая перегибу часть обычно не бывает вертикальной. Величина угла всегда менее 90° . Эта графема встречается только в составе графических элементов ∇ и ∇ .

8. Графема \cdot представляет собой точку, с помощью которой различают графические элементы $\dot{\text{爻}}$ и $\dot{\text{爻}}$, $\dot{\text{𠂇}}$ и $\dot{\text{𠂇}}$ и т.п.

Черта \perp , встречающаяся только в правой части иероглифа, может быть графически интерпретирована двояко. Поскольку эта черта представля-

ет собой угол, обращенный влево, ее можно интерпретировать как одну из возможных реализаций графемы 6. Однако Т.Нисиды, исходя из внутренних связей этой черты с графемой 2, считает ее позиционным вариантом. В дальнейшем мы также будем придерживаться интерпретации \perp как графического варианта \lrcorner , но при этом все же будем иметь в виду, что такая интерпретация не является единственной.

Графемы тангутского языка могут быть описаны с помощью следующих дифференциальных признаков: прямолинейность, непрямолинейность, направленность вправо, направленность влево, направленность вниз. Характеристика графем по дифференциальным признакам может быть изложена в следующей таблице (табл.2).

Таблица 2

Дифференциальные признаки	Г р а ф е м ы							
	-		\	/	∟	<	v	·
Прямолинейность	+	+	+	+	-	-	-	0
Непрямолинейность	-	-	-	-	+	+	+	0
Направленность вправо	+	-	+	-	+	-	-	0
Направленность влево	-	-	-	+	-	+	-	0
Направленность вниз	-	+	+	+	-	-	+	0

ГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Графемы соединяются в более сложные графические комплексы, повторяющиеся в разных иероглифах. Эти комплексы носят название графических элементов. Графические элементы внутри иероглифа различаются прежде всего потому, что они отделены друг от друга пробелами. Ввиду того что графические элементы могут внутри иероглифа располагаться либо вертикально, либо горизонтально, возможны два вида пробелов: горизонтальные и вертикальные.

Однако этой характеристике пробелов недостаточно. Обращает на се-

бя внимание то, что в одних случаях пробелы проходят через весь иероглиф по вертикали или по горизонтали, между тем как в других случаях они проходят только через часть иероглифа. Так, например, в иероглифе *ria*¹ графические элементы , , отделены друг от друга вертикальными пробелами, а в иероглифе *phi*² графические элементы и отделены друг от друга горизонтальным пробелом. В обоих случаях пробелы проходят через весь иероглиф. В графическом элементе мы также можем четко различить его части, разделенные пробелами, причем эти пробелы проходят не через весь иероглиф, а заканчиваются при встрече с перпендикулярно направленным пробелом.

Следует специально отметить, что любая часть рассматриваемого графического элемента может в других случаях относиться к иероглифу в целом и отделяться от других графических элементов сквозным пробелом. Так, мы видим в иероглифе *siwa*¹, — — в иероглифе *ngu*², — в иероглифе *siwan*².

Таким образом, очевидно, что графические элементы тангутских иероглифов различаются по сложности: в одних случаях графический элемент совпадает с графемой, например — , в других случаях он бывает довольно сложным. Это означает, что при исследовании графических элементов следует обязательно учитывать сложность.

Трудность исследования графических элементов тангутской письменности заключается в том, что некоторые графические элементы могут выступать также в качестве самостоятельных иероглифов, а некоторые иероглифы могут выступать в качестве графических элементов. Таким образом, четкой границы между графическим элементом и иероглифом не существует. Может быть, именно здесь находится причина того, что исследователи тангутской письменности не пришли к согласованному мнению относительно того, сколько графических элементов различается в тангутской письменности. Т.Нисида различает 317 графических элементов¹. Н.А.Невский, занимавший-

¹ Т. Нисида, Тангутский язык..., стр.416-417.

ся проблемой графических элементов в связи с необходимостью найти рациональный метод расположения иероглифов в словаре, различает 408 графических элементов¹. Е.И.Кычанов в своей последней работе о письменности упоминает о 650 графических элементах².

Такое расхождение вызвано, вероятно, следующим. Т.Нисида стремился не включать в свой список самостоятельные иероглифы, которые способны выступать в качестве графических элементов. Поэтому в его список не вошли иероглифы, редко употребляющиеся в качестве графических элементов. Н.А.Невскому, наоборот, было нужно распределить материал в своем словаре по возможно большему количеству рубрик, и поэтому он не смущался тем обстоятельством, что некоторые графические элементы могут употребляться самостоятельно. Этим вызвано значительно большее, чем у Т.Нисиды, число графических элементов, выделенных Н.А.Невским в своем словаре. Е.И.Кычанов пошел по этому пути еще дальше.

Как нам представляется, определение графического элемента путем перечисления не может быть эффективным. При чисто семантическом подходе в списке графических элементов должны остаться только те, которые не употребляются в качестве самостоятельных иероглифов. Список будет компактным, но очень неполным, потому что там будут отсутствовать весьма распространенные элементы. При чисто формальном подходе в список графических элементов должны войти все иероглифы, которые хотя бы один раз выступали в качестве графических элементов. Можно заранее сказать, что список будет очень громоздким. Графические элементы, которые не могут выступать самостоятельно, составят в этом списке меньшинство.

Более эффективным нам кажется операциональное определение графического элемента, которое задает процедуру порождения графических элементов из графем.

При операциональном определении количество графических элементов

¹ Н. А. Невский, Тангутская филология, кн.2, стр.669-677.

² Е. И. Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности, стр.133.

значения не имеет - их число может быть любым. Главное в этом определении - указание способа получения любого графического элемента и в конечном счете любого иероглифа.

Необходимо предварительно дать локальное определение графического элемента, с помощью которого можно будет отличить графему или сочетание графем, которые могут быть графическими элементами, от таких, которые не могут быть ими. Графический элемент в локальном смысле представляет собой одну или несколько связанных графем, которые хотя бы в одном случае отделяются от других графических элементов иероглифа сквозным пробелом.

Из перечисленных восьми графем тангутского письма только две (— и |) могут выступать в качестве графических элементов. Все остальные графические элементы образованы сочетанием двух и большего числа графем. Графема никогда не сливается с соответствующими графическими элементами, но и не может отделяться особым пробелом.

Существует три способа соединения графем в графические элементы: пересечение, касание, соположение. При пересечении и касании соединяющиеся графемы имеют общую точку. Различие между этими способами состоит в том, что точка пересечения не является конечной ни у одной из графем, между тем как при касании общая точка является конечной по крайней мере у одной графемы. При соположении графемы общих точек не имеют. Их связь определяется только наличием общего сквозного пробела. Как уже указывалось, пробел между соположенными графемами, входящими в состав одного и того же графического элемента, никогда не бывает сквозным.

Одна и та же пара графем может соприкасаться несколькими способами. Графема — допускает касание: в левом конце, например: ㄥ , ㄣ , посередине, например: ㄥ , ㄣ , в правом конце, например: ㄣ . Графема | допускает касание в верхнем конце: ㄣ , ㄣ и в средней части: ㄣ , ㄣ . Графема ㄣ допускает касание в левом конце и посередине своей горизонтальной части: ㄣ и ㄣ . Это обстоятельство имеет существенное

значение при построении процедуры, порождающей графические элементы тангутского письма.

Процедура порождения графических элементов из указанных выше восьми исходных графем должна состоять из последовательного пересечения, касания и соположения этих графем. Эта процедура является аналогом логического исчисления: исходные графемы соответствуют алфавиту исчисления, а способы соединения графем соответствуют операциям.

Процедура начинается с упорядочения исходных графем. Строго говоря, порядок графем не имеет особого значения для самой процедуры, он служит только большему удобству пользования ею. В этой работе предлагается следующий порядок основных графем: $- , | , \setminus , \cdot , \rangle , \gamma , \langle , \vee , \dots$

В основе такого порядка лежит различие прямой линии и угла в форме графемы. Такое расположение является одним из возможных и при необходимости может быть изменено.

Для того чтобы облегчить процедуру получения графических элементов, прибегнем к следующему вспомогательному приему. Расположим графемы тангутского письма в указанном выше порядке по прилегающим сторонам прямоугольника. Такое расположение создаст как бы две координатные оси. В точке пересечения координатных осей мы поместим графический элемент, образованный пересечением, касанием или соположением двух соответствующих графем (см. табл.3).

Таблица 3

	-		\	·	⟩	γ	⟨	∨	·	
-	=	⊥			⊂	⊃	⊄	⊅		
	⊥	⊂	⊃		⊄	⊅				
\					⊄	⊅				
·					⊅					
⟩					⊅					
γ										
⟨										
∨										

Ввиду того что некоторые графемы могут соединяться несколькими способами, они вносятся соответствующее число раз. Поскольку, как уже указывалось, начертание графемы может зависеть от занимаемой позиции, одновременно вносятся также и варианты графем. При расположении графем по осям учитывается порядок начертания: сверху пишутся только те графемы, которые могут начинать графический элемент.

Процедура порождения графических элементов состоит в последовательном пересечении, касании и соположении графем горизонтальной оси с графемами вертикальной оси. Рассмотрим пример сочетания графемы ' с другими графемами. С графемой — она соприкасается двумя способами (\perp и \llcorner), с графемой | она может пересекаться (\uparrow , \downarrow) и соприкасаться (\uparrow), с графемой \ она может пересекаться (\times) и соприкасаться (\wedge), наконец, она может сопологаться сама с собой (\bowtie).

На таблице 3 изображен первый этап процедуры. На следующем этапе полученные графические элементы переносятся на оси, где располагаются за графемами. Такое расположение необходимо потому, что графические элементы могут сочетаться не только друг с другом, но также и с отдельными графемами. В этом нетрудно убедиться, взглянув на таблицу 4. Затем процедура повторяется и может быть осуществлена любое число раз.

На наших таблицах (табл.3 и 4) заполнены далеко не все клетки, хотя в принципе они могут быть заполнены полностью. Это означает, что создатели тангутской письменности использовали далеко не все комбинационные возможности, заложенные в таком способе образования графических элементов. Из табл.4 явствует, что одними сочетаниями создатели письменности пользовались чаще, между тем как другими не пользовались вообще.

На последующих этапах процедуры мы будем получать все более и более сложные графические элементы, а после пятого этапа — только иероглифы.

Такова формальная процедура, порождающая тангутские иероглифы.

Можно с уверенностью сказать, что сами создатели письменности действовали не по такой процедуре, однако, возможно, она представляет собой логическую модель деятельности создателей тангутской письменности.

Эта процедура нужна нам, конечно, не для того чтобы воспроизводить знаки тангутской письменности, а для того, чтобы понять принципы ее устройства. Перед исследователями графической структуры тангутской письменности стоит задача создания такой графической классификации тангутских иероглифов, внутри которой можно точно определить место каждого иероглифа. Эта задача имеет непосредственное практическое значение. Графическая структура – первое, с чем встречаются исследователи при работе с тангутским текстом. Поэтому они все прежде всего нуждаются в четких описаниях графической структуры.

Для того чтобы создать графическую классификацию тангутских иероглифов, которая имела бы практическое значение, необходимо исходить из того факта, что между графическим элементом и иероглифом существует с точки зрения графической структуры не качественное, а количественное различие. Признание этого факта делает ненужным список графических элементов – составных частей иероглифов.

При таком подходе определение места иероглифа внутри графической классификации должно упроститься. В самом деле, при наличии таблицы с довольно большим числом графических элементов необходимо будет делить иероглиф на те графические элементы, которые уже содержатся в таблице, но, поскольку никогда нельзя быть уверенным в том, что таблица содержит решительно все графические элементы, возможны разные трудности, вытекающие из этой неполноты. По нашему мнению, для графического анализа иероглифа вполне достаточно расчленив его на графические элементы по сквозным пробелам, а затем проанализировать их по составу графем и по способу их соединения. Список графических элементов может иметь смысл только для исследования семантической структуры тангутских иероглифов, потому что здесь графические элементы выступают как носители определенного рода значения. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В принципе возможны два типа графической классификации тангутских иероглифов – алфавитная и генетическая.

Перечисленные графемы тангутского письма всегда можно рассматривать как своего рода алфавит. Один из возможных порядков расположения был приведен выше, но возможны и другие. При алфавитной классификации все иероглифы тангутского языка распределяются по шести классам в соответствии с начальной графемой иероглифов. Таких классов будет всего шесть, потому что графемы ʌ и • никогда не бывают первыми графемами иероглифов. Внутри каждого класса будет некоторое число подклассов в зависимости от последующих графем.

Процедура порождения графических элементов тангутских иероглифов является одновременно и их классификацией по принципу принадлежности к определенному этапу порождения. Генетическая классификация – это классификация графических элементов по степени их сложности.

Графические элементы, полученные по табл.3, состоят из двух графем. Графические элементы, полученные на втором этапе, будут состоять из трех графем – если они сочетаются друг с другом. На каждом следующем этапе графические элементы становятся все более сложными по составу.

ИЕРОГЛИФЫ

Тангутский иероглиф представляет собой совокупность графических элементов, отделенную пробелами от соседних иероглифов. Таково чисто графическое определение иероглифа. Однако это определение будет неполным без указания на соотношение иероглифа с планом содержания. Каждый иероглиф характеризуется определенным значением, повторяющимся при его различных употреблениях.

Выше мы уже говорили о том, что с чисто графической точки зрения различие между графическим элементом и иероглифом не качественное, а количественное. Различие между ними лежит в их отношении к плану содержания. Тангутский иероглиф непосредственно связан с планом содержания, потому что он нечто обозначает, а графический элемент иероглифа

связан с планом содержания лишь косвенно. Более подробно будет об этом сказано в разделе о семантической структуре иероглифов.

Иероглифы тангутского языка отличаются друг от друга составом или порядком графических элементов. Минимальным является различие в один графический элемент нулевого порядка, или на графему. Примером такого рода могут служить иероглифы 報 la^2 и 教 lo^2 . Однако таких примеров не особенно много. Общей тенденцией было создание иероглифов, которые отличались друг от друга графическими элементами более высоких порядков, для того чтобы свести к минимуму случаи смешения различных иероглифов.

Этой общей тенденции противостоит одно довольно любопытное и до сих пор не вполне понятное явление: создание иероглифов, состоящих из одних и тех же графических элементов, различающихся порядком. Нетрудно заметить, что в одних случаях эти иероглифы обозначают ассоциативно близкие слова, например: 散 tha^2 "большой" - 緝 $khei^2$ "великий"; 𪛗 $ndziwu^2$ "гром" - 𪛘 $lhja^1$ "молния"; 𪛙 $kwə^1$ "разбойничать" - 𪛚 $kiə^1$ "разбойник" и т.д., а в других случаях такие иероглифы используются для обозначения некоторых двусложных слов, например: 𪛛 𪛜 $viei^1 zle^1$ "враг", 𪛝 𪛞 $sɰwɰ^1 nɣɰn^2$ "вихрь" и т.д.

Внутри иероглифа графические элементы располагаются в определенном порядке, который зависит от способности графических элементов занимать то или иное место в структуре иероглифа. В зависимости от этой особенности графические элементы делятся на два класса: горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные графические элементы отделяются от остальных горизонтальным сквозным пробелом. Вертикальные графические элементы отделяются вертикальным сквозным пробелом. Такое деление не является строгим и отражает лишь общие тенденции в использовании графических элементов. Примером того, насколько оно условно, может служить горизонтальный графический элемент 𪛟, обычно находящийся в верхней части иероглифа. В иероглифе 𪛟𪛠 этот элемент преобразован в вертикальный и находится в левой части иероглифа. Подсказываемое этим примером об-

ратное утверждение, что горизонтальность или вертикальность графического элемента зависит только от его места в иероглифе, будет неверным, потому что ни один вертикальный элемент не используется как горизонтальный.

В структуре тангутских иероглифов четко выделяются два класса: иероглифы, построенные из горизонтальных графических элементов, и иероглифы, построенные из вертикальных графических элементов. При этом имеют место следующие количественные ограничения: число горизонтальных графических элементов в иероглифе не превышает трех, а число вертикальных графических элементов не превышает пяти.

Т.Нисида различает следующие 13 структурных классов тангутских иероглифов, учитывающие все часто встречающиеся возможности замещения (см. схему 1).

Класс А характеризуется вертикальным расположением графических элементов. Как видно из схемы 1, Т.Нисида причисляет к вертикальным структурам также иероглифы, состоящие из одного графического элемента. Такая трактовка вполне законна, однако при этом следует особо оговорить, что в тех случаях, когда графический элемент – горизонтальный или вертикальный – употребляется как целый иероглиф, его начертание таково, что вокруг него можно описать квадрат.

Класс В характеризуется горизонтальным расположением графических элементов в два ряда, причем верхний элемент покрывает нижние. В2 и В3 образованы в результате замещения нижнего горизонтального элемента структурами А2 и А3. Структура В4 получена замещением среднего нижнего элемента в В3 структурой В1.

Класс С характеризуется горизонтальным расположением графических элементов в два ряда, отличаясь от класса В тем, что замещается не нижний, а верхний ряд. Структуры С1, С2, С3 образованы замещением верхнего ряда В1 структурами А2, А3, А4.

Класс D характеризуется вертикальным расположением в два столбца. Левый столбец занят вертикальным графическим элементом, между тем как правый представляет собой структуры В1, В2, В3, К1, К2.

Класс Е характеризуется таким же расположением, что и класс D, но с той разницей, что правый столбец занят структурами С1 и С2.

Класс F характеризуется вертикальным расположением в два столбца. Правый столбец занят вертикальным графическим элементом, а левый - структурами В1, В2, В3.

Класс С представляет собой расширение структуры В2, где нижний правый элемент замещен структурами В1, В2, В3.

Класс Н представляет собой расширение структуры В2, где нижний левый графический элемент замещен структурами В1, В2, В3.

Класс I характеризуется вертикальным расположением в три столбца. Два левых столбца заняты двумя вертикальными графическими элементами, а третий замещен структурами В1, В2 и К2.

Класс J характеризуется также вертикальным расположением в три столбца. Два правых столбца заняты двумя вертикальными графическими элементами, а третий замещен структурами В1, В2, К2.

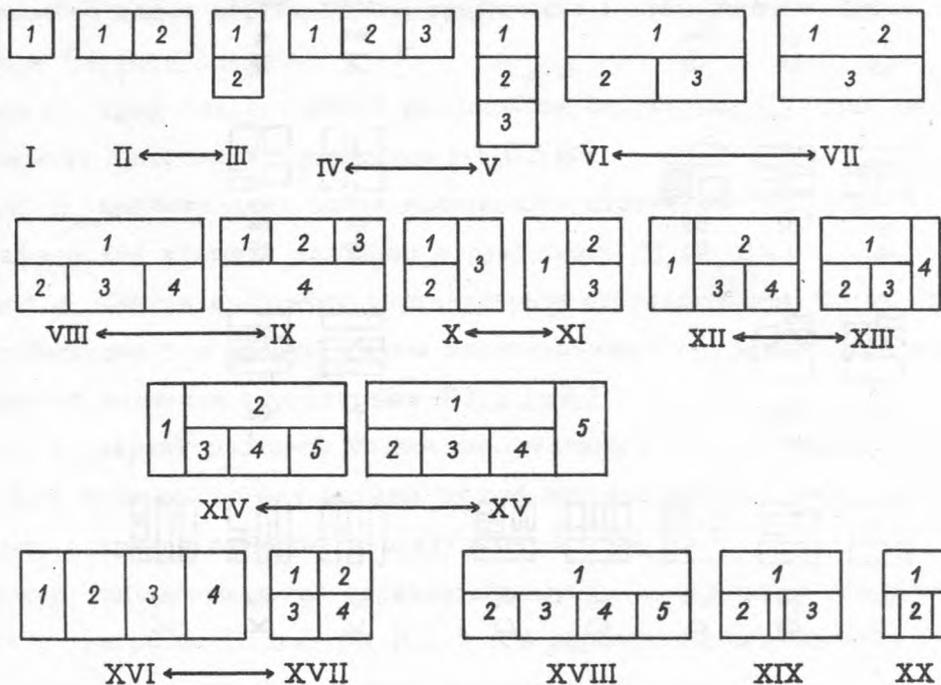
Класс К характеризуется горизонтальным расположением графических элементов в три ряда. Структуры К2 и К3 образованы замещением графического элемента нижнего ряда структурами А2 и А3.

Класс L, представляет собой расширение структуры А3. Структуры L1 и L2 образованы замещением среднего графического элемента структурами В2 и В3.

Класс M, выделяемый Т.Нисидой, неоднороден. Структура M1 представляет собой удвоение структуры В1; структура M2 представляет собой совмещение структур В1 и В2; структура M3 представляет собой результат замещения среднего графического элемента структуры К1 структурой А2; структура M4 представляет собой результат замещения правого вертикального графического элемента структуры А4 структурой В2.

Е.И. Кычанов сходно трактует графическую структуру тангутских иероглифов, но только в более обобщенной форме. Его трактовка графической структуры выражена схематически (схема 2).

Графическая структура тангутских иероглифов
по Е.И.Кычанову

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

По своему отношению к плану содержания тангутские иероглифы делятся на два неравных по величине класса: иероглифы знаменательные и иероглифы транскрипционные.

Знаменательный иероглиф служит для обозначения одного слога тангутского языка. Поскольку в большинстве случаев тангутская морфема состоит из одного слога, можно сказать, что тангутский иероглиф служит для изображения одной морфемы.

Транскрипционные иероглифы не имеют собственного значения и служат для передачи произношения иностранных слов. Эти иероглифы постоянно встречаются при транскрипциях разного рода нетангутских географических

и этнических названий, иностранных собственных имен. Транскрипции многочисленных дхарани в тангутских сутрах сделаны также с их помощью. Причина создания таких иероглифов вполне понятна. Создатели тангутской письменности стремились избежать одного существенного недостатка китайской письменности, который был им, несомненно, известен, а именно употребления значимых иероглифов для транскрипции. Для того чтобы избежать неудобств, встречающихся при использовании китайских иероглифов в качестве транскрипционных знаков, тангутская письменность была дополнена своего рода аналогом слогового алфавита.

В дальнейшем мы будем говорить только о знаменательных иероглифах тангутской письменности.

Тангутские иероглифы отличаются весьма интересной семантической структурой, которая специально поясняется в словаре "Вэньхай". Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении толкованиям структуры иероглифов, в основе семантической структуры тангутского иероглифа лежит прежде всего принцип идеографии: значение иероглифа в целом определяется через значения его частей. Каждый графический элемент тангутского иероглифа является носителем определенного значения.

Проблема значения графического элемента тангутского иероглифа весьма непростая. В идеальном случае письменность, построенная последовательно на идеографическом принципе, должна складываться из какого-то конечного числа графических элементов, являющихся носителями элементарных значений. Однако, как было показано, точное количество графических элементов установить довольно трудно. Кроме того, проблема выделения простейших понятий, с помощью которых можно определять значения любых слов, представляет собой весьма сложную философскую проблему, до сих пор окончательно не решенную. Если присоединить к этим обстоятельствам еще и чисто графические трудности, которые возникают при объединении графических элементов в иероглиф, то нетрудно понять, что последовательно соблюсти принцип - одно значение в одном графическом элементе - невозможно.

Эти обстоятельства побуждали создателей тангутской письменности пойти по пути сложения иероглифов. Однако прямое сложение было бы во многих случаях слишком громоздким. Поэтому создатели письменности стали соединять не целые иероглифы, а только их части, т.е. графические элементы. При этом графический элемент, являющийся представителем иероглифа, принимает на себя значение иероглифа в целом.

Создатели тангутской письменности предусматривали следующие способы представления иероглифов с помощью его части: 1) представление по одной из частей, причем различались шесть частей иероглифа, 2) включение иероглифа полностью в производный иероглиф, 3) отсечение части исходного иероглифа.

В первом случае использовалась следующая специальная терминология. Верхняя часть иероглифа обозначалась термином 𠄎 *.u'* "голова", левая сторона - термином 𠄎 *pha'* "сторона", правая сторона - термином 𠄎 *mbje²* "помогать", средняя часть - термином 𠄎 *nje¹* "середина", нижняя часть иероглифа - термином 𠄎 *tshie'* "низ". Термин 𠄎 *.u o'* "окружность" мог обозначать как левую и верхнюю часть, так и верхнюю с левой и правой частями. Термин 𠄎 *ngu²* "полный" означал, что исходный иероглиф целиком входит в состав более сложного. Термин 𠄎 *ije¹* "сокращение" означает отсечение части исходного иероглифа.

Приведем несколько примеров анализа семантической структуры тангутских иероглифов в "Вэньхэе". Иероглиф 𠄎 *ke¹* "правило" состоит из двух частей: его левая часть представляет собой среднюю часть иероглифа 𠄎 *mi'*, обозначающего отрицание, а его правая часть представляет собой правую часть иероглифа 𠄎 *ndzje²* "переходить". Таким образом, значение "правило" определяется как "то, что не преступают". Иероглиф 𠄎 *lhev²* "развязывать" состоит из двух частей: верхняя его часть представляет собой верхнюю часть знака 𠄎 *si a¹* "веревка", а нижняя часть - целиком иероглиф 𠄎 *phe²* "освобождать". Иероглиф 𠄎 *ko'* "парча" тоже состоит из двух частей: его охватывающая часть представляет собой часть иероглифа 𠄎 *o²* "шелк", а внутренняя часть - правую часть иерог-

лифа 頤 *th₁ou¹* "красивый". Иероглиф 弟 *ts₁e* "пятый сын" образован в результате отсечения левой части иероглифа 彳 *ts₁e²* "пять".

Некоторые графические элементы могут постоянно выступать в качестве представителей одних и тех же иероглифов. Примерами могут служить графические элементы 彳 - левая часть иероглифа 彳 *zi²* "вода", 冫 охватывающая часть иероглифа 綉 *o²* "шелковая ткань", и т.п. Такие графические элементы Е.И.Кычанов называет детерминативами. Он выделяет 68 различных детерминативов и устанавливает их значение¹. Если сравнить это число с общим количеством различаемых им графических элементов, нетрудно обнаружить, что устойчивые связи с планом содержания имеют лишь небольшая часть графических элементов. Разумеется, не все детерминанты обнаружены, но, думается, что новых детерминантов будет не особенно много, потому что их выделение пока идет с большим трудом.

Таким образом, по степени устойчивости связи графических элементов с планом содержания графические элементы тангутского письма можно разделить на два класса: класс детерминативов, которые обычно представляют один и тот же иероглиф, и класс остальных графических элементов, которые обычно представляют более чем один иероглиф. Эта классификация весьма приближительна и, несомненно, будет совершенствоваться по мере расширения наших сведений относительно семантической структуры тангутской письменности.

Основная масса иероглифов тангутского языка построена по описанному выше идеографическому принципу. Установлено, что наряду с этим существуют иероглифы, построенные по фонетическому принципу. Иероглифы этой категории, широко распространенные в китайской письменности, характеризуются прежде всего тем, что графические элементы, входящие в их состав, не описывают их значения. Иероглиф фонетической категории делится на две части, из которых первая в самом общем виде указывает пред-

¹ См.: Е.И.Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности, стр.138-142.

метную область значения иероглифа, а вторая представляет собой целый иероглиф, чтение которого совпадает с ним. Первая часть таких иероглифов называется ключом, вторая — фонетической частью. Так, например, нужно образовать иероглиф для слова "сосна". По каким-то причинам создатели тангутской письменности не стали описывать это значение с помощью графических элементов. Вместо этого был взят иероглиф 𐰇𐰏 *liə'* "ветер", который читается одинаково со словом "сосна", и сверху был надписан ключ 𐰇 "дерево", чтобы было ясно, что иероглиф 𐰇𐰏 читающийся точно так же, как и 𐰇, относится к предметной области деревьев. Само собой разумеется, что в качестве ключей могут выступать только те графические элементы, которые имеют устойчивую связь с планом содержания. Благодаря этому обстоятельству проблема разграничения иероглифов, построенных по идеографическому принципу, от иероглифов, построенных по фонетическому принципу, значительно усложняется.

Наличие в тангутском языке иероглифов, построенных по фонетическому принципу, наводит на мысль о том, что создание иероглифической письменности, которая бы основывалась только на идеографическом принципе, невозможно. Некоторое количество иероглифов фонетической категории было образовано в момент создания тангутской письменности. Это обстоятельство засвидетельствовано в "Вэньхэе" и в "Гомофонах". Новые иероглифы, не засвидетельствованные в указанных источниках, но имеющиеся в фонетических таблицах, принадлежат к фонетической категории. Может быть, если бы тангутская письменность просуществовала дольше, соотношение между числом иероглифов идеографической и фонетической категорий было бы иным. К сожалению, тангутская письменность просуществовала недолго, и поэтому не все тенденции ее развития выявились достаточно отчетливо.

Глава II

ФОНОЛОГИЯ

Тангутский язык дошел до нас в памятниках, записанных иероглифами, которые не имеют непосредственной связи с фонологическим составом изображаемых лингвистических единиц. Следовательно, единственное, что можно реконструировать на нынешнем уровне исследований тангутского языка, — это чтение иероглифов, которое в принципе не всегда может совпадать с реальным произношением изображаемой иероглифом лингвистической единицы. Все сведения по фонетике тангутского языка, которые будут сообщены ниже, относятся исключительно к чтениям тангутских иероглифов. Изложение фонологии построим следующим образом: сначала сообщим результаты фонетической реконструкции тангутского языка, а затем попытаемся на основании этих сведений построить систему фонем.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

ИСТОЧНИКИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Имеются два вида источников реконструкции чтения тангутских иероглифов: внешние и внутренние. Внешние источники — это иноязычные тран-

скрипции, внутренние - это фонетические таблицы и фонетические словари, составленные тангутскими филологами. Оба вида источников имеют существенное значение и дополняют друг друга. С помощью внутренних источников мы определяем фонетические элементы, различаемые самими тангутами, с помощью внешних источников осуществляется фонетическая интерпретация этих элементов.

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ

Главными источниками фонетической реконструкции являются китайская и тибетская транскрипции тангутских иероглифов.

Помимо этих транскрипций имеется еще тангутская транскрипция санскрита, встречающаяся в переводах буддийских сочинений. Насколько можно судить по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, тангутские транскрипции санскрита не являются прямой его передачей, а представляют собой воспроизведение китайской или тибетской транскрипции. Поэтому такой источник было бы рискованно использовать при реконструкции тангутской фонетики. Однако специальное исследование тангутской транскрипции санскрита, вероятно, поможет уточнить некоторые детали фонетической реконструкции.

Китайская транскрипция тангутских иероглифов, тангутская транскрипция китайских иероглифов

За многолетнюю историю общения Китая с государством Си-Ся в китайских исторических документах накопилось значительное число китайских транскрипций тангутских слов. Ценность этих транскрипций для фонетической реконструкции, как мы полагаем, невелика, потому что они, вероятно, могли быть выполнены людьми, недостаточно хорошо знающими тангутский язык, и могли отражать разное состояние тангутского языка. Даже в том случае, если допустить, что все транскрипции выполнены людьми, хорошо знающими тангутский, мы не можем предполагать, что все они выполнены одинаково систематично и отражают одно и то же состояние тангутского языка. Однако специальное исследование таких транскрипций может прине-

ных. Более подробно эта процедура описана в рецензии на I том "Исследований по тангутскому языку" Т.Нисиды¹.

Помимо собственно транскрипционных знаков, указывающих на произношение тангутских слогов в целом, в китайской транскрипции встречаются также диакритические знаки, указывающие на произношение одной из частей транскрибирующего слога.

Знак □ обозначает, что начальный согласный соответствующего слога следует заменить на какой-то другой со сходной артикуляцией. На нынешнем уровне исследований по китайским транскрипциям нельзя вывести общего принципа употребления этого знака. Известно только, что этот знак переводит начальный согласный l- в r-, а ts- в dz-. Поэтому, не имея дополнительных источников, нельзя сказать об этом знаке ничего определенного, за исключением того, что начальный согласный транскрипционного слога следует читать несколько иначе и что в начале слога будет находиться один согласный, а не два.

Диакритики 輕 и 重 в китайской транскрипции после XI в. обычно не встречаются. В транскрипциях до XI в. они соответственно обозначали отсутствие придыхания или его наличие. В китайской транскрипции тангутского языка эти знаки употребляются в специфическом значении. Насколько можно судить по имеющимся материалам, эти знаки встречаются только при слогах с начальными сонантами. Знак 輕 предписывает читать начальный согласный как полный сонант, а знак 重 - как полусонант.

Диакритик 合 относится к медиали. Он обозначает, что после начального согласного следует читать медиаль -w-.

В китайской транскрипции тангутского языка дважды встречается диакритический знак 舌, не употребляющийся в других транскрипциях. На основании внутренних источников можно сказать, что им пользовались тогда, когда китайский l- нужно было прочесть как глухой lh-.

Можно предположить, что знаки тона употребляются в двух значениях.

¹ См. ВЯ, 1966, № 4, стр.149-158.

Они могут употребляться как для указания чтения не в собственном тоне, так и для указания на измененное чтение начального согласного слога. Так, в некоторых случаях знак восходящего тона может восприниматься как указание читать китайское l- как г-, а знак входящего тона – как указание читать l- как lh-.

Помимо знаков тона все остальные диакритические знаки всегда употребляются в одном и том же значении.

Китайская транскрипция тангутского языка – это транскрипция одной нефонетической письменности средствами другой нефонетической письменности. Для того чтобы реконструировать чтение тангутских иероглифов, необходимо знать чтение китайских иероглифов, принимающих участие в транскрипции. Решение этой задачи усложняется тем, что чтение китайских иероглифов, принимающих участие в транскрипции, было, вероятно, диалектным. Вот почему нам нужны синхронные свидетельства относительно того, что представляли собой северо-западные диалекты китайского языка в XIII в. Такое синхронное свидетельство можно получить из фрагментов санскритско-китайского дхарани, обнаруженного вместе с памятниками тангутской письменности в Хара-Хото. Лингвистическое исследование транскрипции дхарани определенно говорит о том, что в основе китайской транскрипции лежит один из северо-западных диалектов. Этот диалект, пожалуй, не является тем диалектом, который был положен в основу тангутско-китайской транскрипции, но имел с ним определенные черты сходства. Этот диалект для нас важен потому, что подтверждает наши предположения относительно наличия некоторых фонетических особенностей в диалекте, лежащем в основе транскрипции.

В переводах китайских книг на тангутский язык встречается значительное количество тангутских транскрипций китайских иероглифов. К сожалению, эти транскрипции дают недостаточно сведений относительно тангутской фонетики, потому что в них принимают участие только слоги, относящиеся к большому циклу рифм. Кроме того, эти транскрипции, вероятно, вообще приблизительно, так как служат чисто практическим целям. Наиболее точной тангутской транскрипцией китайских иероглифов является транскрипция в "Перле".

Тангутская транскрипция китайских иероглифов в "Перле" может состоять как из одного, так и из двух иероглифов.

Большая часть тангутских биномов относится к типу фаньце. Так, например, китайский иероглиф 表 транскрибируется с помощью бинома 奸豎, т.е. $pi^1 + m\text{leu}^2$, иероглиф 葱 - с помощью бинома 姦躬, т.е. $tshi^1 + swen^1$. Особенностью тангутских транскрипционных биномов является новый тип бинома, не встречающийся в китайских транскрипциях. В биномах такого типа начальный согласный второго слога служит для обозначения конечного согласного транскрибируемого слога. Обычно биномы такого типа служили для транскрипции китайских слогов, принадлежащих рифмам группы 東-鍾, которые в диалекте, лежащем в основе китайской транскрипции, сохраняли конечный согласный. Примером таких биномов может служить транскрипция китайского 銅 с помощью бинома 庭崩, т.е. $thu^1 + men^1$. Существенно отметить, что иероглиф 崩 обычно используется для передачи конечного согласного китайских слогов, принадлежащих рифмам группы 東-鍾.

Тибетская транскрипция тангутских иероглифов

В переплетах книг, найденных в Хара-Хото, были обнаружены фрагменты тангутских сочинений с подстрочной тибетской транскрипцией¹. В настоящее время в нашем распоряжении находится 23 фрагмента с тибетской транскрипцией. Из них 18 были обнаружены В.Котвичем и Н.А.Невским в тангутском фонде Азиатского музея; один фрагмент был обнаружен в Хара-Хото и опубликован А.Стейном²; три фрагмента были обнаружены И.Гринстедом в тангутском фонде Британского музея³ и один небольшой фрагмент был обнаружен Е.И.Кычановым в тангутском фонде ЛО ИНА.

¹ Н.А.Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.163.

² См.: A. Stein, *Innmost Asia*, Oxford, vol. III, 1928, pl.CXXXIV.

³ Зерокопии фрагментов И.Гринстед любезно прислал в ЛО ИНА. Эти копии были использованы в нашей работе. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность И.Гринстеду.

Фрагменты с тибетской транскрипцией по содержанию делятся на три группы. Первую группу образуют фрагменты, содержащие сутру, название которой пока установить не удастся. Вторую группу образуют фрагменты стихотворного текста, которые тоже не идентифицированы. Третья группа состоит из одного фрагмента Е.И.Кычанова и представляет собой часть неизвестного буддийского философского трактата. Техника тибетской транскрипции фрагментов с поэтическим текстом несколько отличается от техники транскрипции фрагментов с прозаическим текстом. Однако это отличие не особенно существенно: медиаль *-w-* тангутских слогов обозначается в поэтических фрагментах с помощью *wa-zug*, а в прозаических — с помощью приписной *ʷ*. Кроме того, в поэтических фрагментах встречаются сложные транскрипции типа *ʷʷ*, которых не бывает в прозаических. По поводу техники транскрипции фрагмента Е.И.Кычанова трудно сказать что-либо определенное, потому что сам фрагмент очень мал. Однако по способу передачи медиали *-w-* он относится к группе поэтических фрагментов.

Тибетская транскрипция иностранных языков изучена значительно хуже китайской транскрипции. Во всех грамматиках тибетского языка можно найти описание, как следует транскрибировать слова санскрита. Однако при передаче звучания слов других языков техника транскрипции была иной. Наиболее известной является тибетская транскрипция среднекитайского языка¹.

Тибетская письменность была введена в действие в начале VII в. При введении в действие было указано соответствие чтений букв санскрита и тибетского алфавита. Поэтому классическое чтение букв тибетского алфавита хорошо известно. С течением времени чтение букв менялось. При этом оно менялось не только во времени, но также и в пространстве: в одно и то же время в разных частях Тибета одна и та же буква алфавита могла читаться

¹ F. W. Thomas and G. L. M. Clauson, A Chinese buddhist text in Tibetan writing, - JRAS, 1926, pt 4, pp. 508-511; F. W. Thomas and G. L. M. Clauson, A second Chinese buddhist text in Tibetan characters, - JRAS, 1927, pt 2, pp. 281-283; F. W. Thomas, S. Miyamoto and G. L. M. Clauson, A Chinese Mahayana catechism in Tibetan and Chinese characters, - JRAS, 1929, pt 1, pp. 37-40.

по-разному, в зависимости от местного диалекта. Поэтому, имея дело с тибетской транскрипцией какого-нибудь языка, необходимо точно знать, какое чтение тибетских букв лежит в основе транскрипции: классическое или местное. Известно, что транскрипции санскрита всегда основываются на классическом чтении, между тем как транскрипции китайского языка основываются на местном. Довольно значительные отличия от тибетской транскрипции санскрита позволяют думать, что и тибетская транскрипция тангутских иероглифов также основывается на местном чтении.

При транскрипции тангутского текста использовались прежде всего те буквы, лигатуры и сочетания букв тибетского алфавита, с помощью которых можно было описать звуки тангутского языка. В тех случаях, когда соответствия не находились, создавались новые лигатуры и сочетания букв, отсутствующие в тибетской графике.

Транскрипционная лигатура состоит из двух вертикально расположенных букв, из которых одна является основной, а вторая - вспомогательной. Основная буква характеризуется тем, что обозначаемый ею согласный произносится вместе со слогообразующим гласным, между тем как вспомогательные буквы лигатуры могут обозначать либо чистый согласный, либо способ произнесения согласного, обозначенного основной буквой. Вспомогательные буквы, располагающиеся над основной, называются надписными; вспомогательные буквы, располагающиеся под основной, называются подписными.

При образовании сочетания буквы располагаются горизонтально. Каждое сочетание состоит из двух букв. Одна из них является основной, а вторая - вспомогательной. Вспомогательная буква в зависимости от ее расположения указывает на способ чтения начального согласного, слогообразующего гласного или всего слога в целом. Вспомогательная буква, стоящая перед основной и оказывающая влияние на чтение начального согласного или на произношение слога в целом, называется приписной. Вспомогательная буква, стоящая после основной и оказывающая влияние на чтение слогообразующей гласной, называется постфиксом.

В тибетской транскрипции тангутского языка встречаются надписные འ', ག', ཨ'. В тибетской транскрипции санскрита надписные служат для передачи первого чтения стечения согласных и читаются в соответствии с их классическим произношением. В тибетской транскрипции китайского языка надписные не встречаются, возможно потому, что в среднекитайском языке стечение согласных в начале слога было невозможно. Наличие надписных в тибетской транскрипции тангутского языка можно рассматривать как свидетельство существования в тангутском языке стечений согласных в начале слога. Надписная ག' встречается только в сочетаниях གླ' и གྲ', которые служат для обозначения тангутского полусонанта ld- и щелевого lh-. Употребление འ' и ཨ' более широко. Однако для того чтобы интерпретировать эти надписные фонетически, необходимо знать их местное чтение в момент составления транскрипций. Проблема их интерпретации будет рассмотрена в разделе о циклах тангутских рифм.

В тибетской транскрипции тангутского языка встречаются подписные ཡ', ར', ཅ', ཇ', ཉ'. Употребление ཡ' и ར' в транскрипции является стандартным способом обозначения медиалей -i- и -w- соответственно. Подписные ཅ' и ཇ' в тибетской графике не встречаются. Они представляют собой специфические знаки тибетской транскрипции тангутского языка.

Подписная ཅ' встречается при звонких непридыхательных ཇ', ཉ', ཏ а также при придыхательных ཏ' и ཉ'. Помимо указанных шумных она встречается при сонанте ཏ'. Лигатура ཏྲ' служит главным образом для передачи тангутской гортанной смычки. Лигатуры ཏླ' и ཏྲ' служат главным образом для передачи тангутских полусонантов nd- и mb- соответственно. Местное чтение букв ཇ', ཉ', ཏ' нам неизвестно. Мы имеем право предполагать, что тибетец, транскрибировавший тангутский текст, мог воспринимать гортанную смычку как g-, а полуносовые nd- и mb- - как соответствующие звонкие d- и b-. Таким образом, при ཇ', ཉ', ཏ' подписная ཅ' служит как бы знаком восстановления звонкости, вероятно утраченной в местном чтении.

При сочетании с придыхательными ཏ' и ཉ' подписная ཅ' не мо-

жет служить знаком придыхания, потому что эти буквы и без подписной 𑄆' служат для передачи тангутских придыхательных. Поэтому было бы естественно предположить, что и в этом случае подписная 𑄆' имеет то же значение, что и при непридыхательных, т.е. служит знаком звонкости основной буквы. Такое озвончение, вероятно, имеет место в тех случаях, когда это вызывалось фонетическим окружением.

При сочетании с сонантом 𑄃' подписная 𑄆' не может служить ни знаком звонкости, ни знаком придыхания. Поэтому нам нужно либо предположить, что при сонанте подписная 𑄆' имеет значение, отличающееся от описанного выше, либо же попытаться найти некоторую общность в значении подписной 𑄆' при всех случаях ее употребления.

Как известно, в синитических языках глухость или звонкость начального согласного связана с регистром произношения слога. Поскольку подписная 𑄆' служит для обозначения звонкости начального согласного, она тем самым является знаком низкого регистра чтения транскрипционного слога. Таким образом, мы считаем вполне вероятным, что при сонанте 𑄃' подписная 𑄆' служит для обозначения низкого регистра произношения транскрипционного слога. Употребление 𑄆' при сонанте 𑄃' служит, пожалуй, свидетельством того, что обобщенным значением этой подписной является указание на низкий регистр произношения транскрипционного слога.

Подписная 𑄆' встречается только в сочетании 𑄆𑄃', которое мы находим лишь в поэтических фрагментах. Эта лигатура употребляется для обозначения тангутской гортанной смычки и неизвестна в тибетской графике. Мы полагаем, что было бы более правильным трактовать букву 𑄆' в этой лигатуре не как подписную, а как основную. В этом случае лигатура 𑄆𑄃' может служить просто описанием гортанной смычки как комбинации иота со смычным заднеязычным.

Подписная 𑄆' встречается только в лигатурах 𑄆𑄃', 𑄆𑄃', 𑄆𑄃', известных в тибетской графике.

В тибетской транскрипции тангутского языка встречаются приписные 𑄆', 𑄆', 𑄆', 𑄆'.

Приписная $\text{ཀ}'$ встречается только перед $\text{ཅ}'$, $\text{ཇ}'$, $\text{ཉ}'$, $\text{ཏ}'$, $\text{ལ}'$, $\text{མ}'$, $\text{ཚ}'$, $\text{ཅ}'$, $\text{ཁ}'$, $\text{ཟ}'$, $\text{ཡ}'$, $\text{འ}'$, $\text{པ}'$, $\text{ལ}'$, $\text{ས}'$, а приписная $\text{ལ}'$ встречается только перед $\text{ཀ}'$, $\text{ཁ}'$, $\text{ཀ}'$, $\text{ང}'$, $\text{པ}'$, $\text{བ}'$, $\text{མ}'$, $\text{མ}'$.

Таким образом, полной дополнительной дистрибуции этих приписных препятствует то обстоятельство, что перед $\text{མ}'$ может находиться как $\text{ཀ}'$, так и $\text{ལ}'$. В настоящее время мы не можем дать объяснения последнему обстоятельству, но даже несмотря на это, можно считать распределение $\text{ཀ}'$ и $\text{ལ}'$ не случайным. Вероятно, мы имеем право заключить, что в тибетской транскрипции тангутского языка эти приписные имели одно и то же значение. Внутренние источники реконструкции свидетельствуют, что эти приписные не влияли на чтение начального согласного слога тибетской транскрипции. Это означает, что приписные $\text{ཀ}'$ и $\text{ལ}'$ относятся к чтению слога в целом, т.е. служат для обозначения тона или регистра тангутского слога.

Маловероятно, чтобы указанные приписные обозначали тон тангутского языка. Из опыта тибетской транскрипции китайского языка известно, что тибетская транскрипция тона не обозначает. Трактовка $\text{ཀ}'$ и $\text{ལ}'$ как знаков регистра затрудняется тем обстоятельством, что они не употребляются последовательно. Иначе говоря, один и тот же иероглиф может иметь транскрипции как с приписной, так и без нее. Это может означать либо иррелевантность регистра, либо какие-то сложные комбинаторные изменения, которые не могли быть учтены достаточно точно средствами тибетского алфавита. Ввиду всех этих обстоятельств сейчас трудно дать определенный ответ на вопрос о том, какой регистр обозначали эти приписные. Этимологическая звонкость этих приписных наводит на мысль, что этот регистр должен быть низким. Но окончательно вопрос о регистре может быть решен только после выяснения проблемы местного чтения букв тибетского алфавита.

Приписные $\text{བ}'$ и $\text{མ}'$ служат для обозначения тангутской медиали -w-. В этом легко убедиться, сравнив транскрипции с приписной $\text{བ}'$, встречающиеся в прозаических фрагментах, с транскрипциями с подписной $\text{བ}'$ из поэтических фрагментов. Обычно один и тот же иероглиф транскрибируется

в прозаических текстах с приписной ㄨ', а в поэтических - с подписной ㄨ'.
Приписная ㄨ' употребляется для этой цели весьма редко.

Приписная ㄨ' встречается главным образом перед звонкими согласными буквами. В этих случаях она служит знаком того, что последующий звонкий следует читать как соответствующий полусонант. Таким образом, значение этой приписной в тибетской транскрипции тангутского языка ничем не отличается от ее значения в транскрипции китайского языка.

Эта приписная может встречаться также перед глухими согласными и в одном случае даже перед сонантом ㄨ'. Из всех указанных случаев только в одном приписная ㄨ' употребляется в своем описанном выше значении - при транскрипции 補 ㄨ' ndzwa'. Во всех остальных случаях ее значение в настоящее время объяснить невозможно.

У нас нет никаких сведений относительно времени создания тибетской транскрипции тангутского языка. То обстоятельство, что фрагменты с тибетской транскрипцией извлечены из переплетов, дает некоторое основание полагать, что тибетские транскрипции появились раньше китайских. В самом деле "Перл" был составлен в 1190 г.; он относится к числу наиболее поздних книг, обнаруженных в суббургане И.К.Козлова. Если даже предположить, что переплеты, в которых были обнаружены фрагменты с тибетской транскрипцией, относятся к тому же времени, что и "Перл", мы сможем считать, что тибетские транскрипции были созданы раньше китайской. Вся сложность вопроса заключена в том, на сколько раньше они появились - на один год или на сто лет. В настоящее время ясно только то, что китайская и тибетская транскрипции передают разные состояния фонологической системы тангутского языка. Несмотря на это, соответствия между китайской и тибетской транскрипциями устанавливаются без особого труда и поэтому тибетская транскрипция может служить источником реконструкции фонетики тангутского языка конца XII в.

Мы располагаем транскрипциями тангутского языка, созданными с помощью как неалфавитной, так и алфавитной письменности. При этом истинное чтение знаков, принимающих участие в транскрипциях, не всегда известно

достаточно точно. Мы знаем классическое чтение китайских иероглифов и классическое чтение букв тибетского алфавита. Однако известно, что в основе транскрипций лежит не классическое, а местное чтение иероглифов китайской письменности и букв тибетской письменности. Известно, также что классическое и местное чтение знаков указанных письменностей связано определенными закономерностями, что позволяет нам, зная классическое чтение, судить о местном чтении транскрипционных знаков. Однако это суждение заведомо не в состоянии дать полное представление о всех деталях чтения транскрипционных знаков и, следовательно, чтения тангутских иероглифов.

Поэтому мы считаем, что иноязычные транскрипции тангутских иероглифов дают лишь общее представление об их чтении. Это общее представление о чтении тангутского иероглифа мы называем звуковым типом. Мы определяем звуковой тип как такой класс тангутских знаков, который характеризуется иноязычными транскрипциями, обнаруживающими некоторую общность. Этот класс может состоять из одного члена, но может содержать и большее число членов. В последнем случае имеется в виду одинаковая передача различных тангутских фонем.

Звуковые типы, полученные в результате сопоставления китайской и тибетской транскрипций тангутского языка, не являются реконструкциями чтений тангутских иероглифов. Они представляют собой фонетический материал, с помощью которого можно интерпретировать факты другого рода. Эти факты должны указывать соотношения между классами слогов без упоминания о фонетической основе классификации. Иначе говоря, достоверная реконструкция чтений тангутских иероглифов возможна только при наличии внутренних источников.

ВНУТРЕННИЕ ИСТОЧНИКИ

Несмотря на высокий уровень развития филологической науки в государстве Си-Ся, тангутские филологи не оставили описаний артикуляции отдельных звуков. Это вовсе не означает, что они не интересовались артикуляцией. Наоборот, вся классификация звуков тангутского языка построена по строго ар-

тикуляционному признаку. Собственно, если бы они не придерживались этого признака, причем довольно последовательно, внутренние источники не смогли бы сыграть своей роли при реконструкции.

Следуя китайскому образцу, тангутские филологи сосредоточили свое внимание не на отдельном звуке речи, а на ее более крупной единице - слоге, обозначаемом на письме отдельным иероглифом. Они ясно отдавали себе отчет в том, что слог представляет собой последовательность элементарных единиц. Их работы - фонетические таблицы и фонетические словари - можно в самом общем виде охарактеризовать как практическое построение классов слогов, характеризующихся определенным образом с точки зрения образующих их элементарных единиц. Работы тангутских филологов дают нам сведения лишь относительно зависимостей между элементарными единицами тангутского слога, но не говорят ничего об их фонетической реализации.

Фонетические таблицы

Тангутские фонетические таблицы *ngwə¹.ci²we²mbu¹*
"Фонетические таблицы пяти тонов"¹ были составлены в 1173 г. и неоднократно переиздавались. В тангутском фонде ЛО ИНА хранится пять изданий таблиц².

Фонетические таблицы состоят из двух частей. Первая часть по своему устройству в принципе ничем не отличается от китайских фонетических таблиц: верхняя горизонтальная строка занята иероглифами, которые символизируют начальные согласные слогов, а крайний левый столбец занят иероглифами, которые символизируют гласные окончания слогов. Эти иероглифы - более крупные, чем остальные иероглифы на странице, - образуют как бы координатную сетку: на месте пересечения координатных линий стоит иероглиф, который представляет слог, обладающий соответственным начальным соглас-

¹ Вольный перевод Н.А.Невского (см.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.132).

² См. "Тангутские рукописи и ксилографы", № 620-624, 4154, 4155; 5863, 7192.

ным и соответственной вокалической частью. В случае невозможности такого сочетания место пересечения помечается красным кружком. Особенности первой части, отличающие ее от китайских фонетических таблиц, состоят, во-первых, в том, что количество строк в тангутских таблицах равно пяти, между тем как в китайских таблицах число строк равно четырем, и, во-вторых, в том, что в левом столбце представлено сравнительно небольшое число рифм — всего 23. Старший номер рифм не более 58. Ниже мы попытаемся интерпретировать эти различия.

Классификация согласных тангутского языка в принципе ничем не отличается от классификации китайских согласных того времени. Следуя китайскому образцу, тангутские филологи выделяли девять классов согласных: губные смычные, губные щелевые, переднеязычные чистые, переднеязычные палатализованные, заднеязычные, свистящие, шипящие, гортанные, плавные. Эта же классификация может быть представлена в более общем виде. По месту артикуляции можно выделить общий класс губных, общий класс переднеязычных, заднеязычных, общий класс зубных и гортанные. Такая обобщенная классификация существовала в китайской филологии, и эти пять обобщенных классов назывались 五音 "Пять звуков". Тангутские филологи и в этом отношении точно следовали китайскому образцу. Они не только делили согласные своего языка на те же классы, но и внутри классов находили те же согласные, что и китайцы. Тангутские фонетические таблицы содержат 36 согласных, т.е. ровно столько, сколько их было в фонетических таблицах Сыма Гуана.

Вторая часть принципиально отличается от китайских фонетических таблиц. Страница второй части устроена следующим образом: в верхней горизонтальной строке стоят крупные иероглифы, обозначающие слоги без медиалей, начальные согласные которых относятся к одному из обобщенных классов согласных, о которых говорилось выше: первый столбец — класс губных, второй столбец — переднеязычных, третий столбец — заднеязычных, четвертый столбец — зубных, пятый столбец — гортанных. На одних страницах их бывает пять, на других — меньше, но в последнем случае вместо отсут-

вующих знаков стоят красные кружки. Под верхней горизонтальной строкой следуют строки, состоящие из иероглифов меньшего размера, находящихся под соответствующими иероглифами верхней строки. Некоторые иероглифы могут отсутствовать, и в этом случае в строке стоит красный кружок. Эти иероглифы обозначают слоги с медиалами. Число строк соответствует числу медиалей.

Ниже располагается группа, которая, судя по ее расположению, не связана с описанной выше. Состав этой группы бывает весьма различен и зависит как от рифмы, так и от издания фонетических таблиц. Как минимум, такая группа состоит из двух иероглифов, или из двух пар иероглифов, расположенных один под другим. В случае отсутствия подходящих знаков на этом месте ставится красный кружок, как и в предшествующей группе. В отдельных рифмах такая группа состоит из двух подгрупп по четыре иероглифа, попарно расположенных по вертикали. В таких рифмах слоги с медиалами располагаются не ниже, а левой слогов без медиали. Примечательно, что в одном из изданий фонетических таблиц вертикально расположенные подгруппы размещены по горизонтали.

Внизу страницы стоят иероглифы того же размера, что и в верхней горизонтальной строке, указывающие рифмы равного и восходящего тонов.

Таково общее строение страницы второй части фонетических таблиц. Оно свидетельствует о том, что тангутские филологи воспользовались здесь классификацией согласных по "пяти звукам" в ее первоначальном виде, когда плавные были выведены за пределы этой классификации.

Горизонтальные строки различались по характеру медиали или промежуточного звука между начальной согласной и вокалической частью слога. В верхней строке содержатся слоги без медиали, в последующих строках содержатся слоги с разными медиалами. Таким образом, страница второй части фонетических таблиц представляет собой набор фонологических противопоставлений, с помощью которых можно легко выделить три смысловозначительных элемента тангутского слога.

Словарь 叢辭 · wâ² ngôn² "Море иероглифов" известен под своим китай- зированным названием "Вэньхай"¹. В единственном экземпляре этого слова- ря отсутствует начало и конец, поэтому мы не знаем ничего относительно точной даты его составления. Судя по датам документов на оборотных сто- ронах листов, словарь был отпечатан до 1124 г.

Все слоги, входящие в словарь, распределены по двум тональным клас- сам: класс ровного тона и класс восходящего тона. Внутри тональных клас- сов слоги распределяются по рифмам, т.е. по классам слогов с одинаковой вокалической частью. Имеется 97 рифм ровного тона и 84 рифмы восходя- щего тона. В соответствии с китайской традицией каждая рифма имеет свое название и порядковый номер.

Внутри рифмы слоги распределялись по медиальным классам. В зависи- мости от способности вокалической части сочетаться с медиалами, таких классов может быть один или несколько. Внутри одного класса слоги рас- пределены по начальным согласным: слоги с одинаковым начальным соглас- ным образуют особый подкласс. Эти подклассы располагаются в обычном для тангутской филологии порядке, о котором говорилось выше.

Словарная статья "Вэньхая" состоит из следующих частей: объяснение структуры иероглифа, объяснение его значения, чтение по методу фаньце. По методу фаньце можно описать чтение неизвестного иероглифа с помощью двух других, чтение которых предполагается известным. При этом согласная часть слога, обозначенного первым иероглифом, совпадает с согласной частью, а гласная часть слога, обозначенного вторым иероглифом, совпадает с глас- ной частью слога, обозначенного искомым иероглифом.

Тангутские фаньце в принципе не отличаются от китайских, но превосхо- дят их по систематичности. Исследование первых знаков тангутских фаньце показывает, что действительное число начальных согласных превышает число начальных согласных, объявленных в первой части тангутских фонетических

¹ См. "Тангутские рукописи и ксилографы", № 211, 212, стр.45.

таблиц. Исследование вторых знаков фаньце показывает, что, за исключением единичных случаев, вторые знаки фаньце слогов рифмы всегда находятся внутри этой рифмы. В отдельных случаях в качестве второго знака фаньце используются слоги соответствующей рифмы другого тона, но при этом фаньце сопровождается указанием на необходимость чтения в нужном тоне.

«Вэньхай цза лэй»

Словарь **表解散韻** $\cdot v^2 \text{ ng}^2 \text{ ndza}^1 \text{ ndje}^1$ "Смешанные категории моря иероглифов" известен под своим китаизированным названием "Вэньхай цза лэй"¹. Судя по названию, а также по соображениям палеографического характера, "Вэньхай цза лэй" представляет собой часть "Вэньхая", в которую вошли слоги, которые не могли быть описаны в классификационных терминах "Вэньхая".

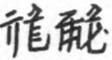
Слоги "Вэньхай цза лэй" распределены, как и в "Вэньхэе", по двум тональным классам, но внутри тональных классов слоги распределены не по рифмам, а по инициальным классам. При этом важно, что инициали основной массы слогов, помещенных в "Вэньхай цза лэй", принадлежат классам свистящих, шипящих и плавных. Отсюда становится понятным, почему в словаре принята система расположения материала по инициальным классам: при расположении по рифмам каждая рифма была бы слишком маленькой и состояла бы из слогов указанных выше инициальных классов. Строение словарной статьи "Вэньхай цза лэй" ничем не отличается от строения словарной статьи "Вэньхая".

Причина, по которой часть слогов тангутского языка была выделена в "Вэньхай цза лэй", становится ясной при сравнении транскрипций слогов "Вэньхая" и "Вэньхай цза лэй". В "Вэньхэе" собраны слоги, которые по-китайски транскрибируются либо с помощью одного китайского слога, либо с помощью бинома типа фаньце. В "Вэньхай цза лэй" собраны слоги, отличающиеся следующими особенностями: слоги с шипящими или свистящими ини-

¹ См. "Тангутские рукописи и ксилографы", № 213, 7297.

циалами транскрибируются только с помощью биномов типа эрхэ, а слоги с плавными инициалами транскрибируются с помощью китайских слогов, снабженных диакритическими знаками. Таким образом, очевидно, что в "Вэньхай цза лэе" собраны слоги тангутского языка, отличающиеся такими особенностями, которые не могли быть описаны в классификационных терминах "Вэньхая".

«Гомофоны»

Словарь .ei² lei² "Одинаковые звуки" известен под названием "Гомофоны". Известны два издания этого словаря - первое 1132 г. и второе более позднее, но не позднее 1176 г.¹

Из предисловия и послесловия к первому изданию явствует, что этот словарь задуман прежде всего как орфографический справочник, содержащий точное начертание тангутских иероглифов. Наряду с этим словарь предлагал новое, более удобное расположение материала по начальным согласным и оригинальное толкование значений иероглифов². "Гомофоны" делятся на девять глав, соответствующих девяти классам согласных, различаемым тангутскими филологами. Внутри каждой главы иероглифы с одинаковым произношением объединяются в группы, разделенные кружками. Слоги, которые сами по себе образуют группу, выносятся в конец главы и помещаются под рубрикой "одиночные иероглифы", где кружки отсутствуют.

Трактовка тангутской фонологической системы во втором издании "Гомофонов" полностью совпадает с трактовкой "Вэньхая". Интересно отметить, что во втором издании даже порядок расположения иероглифов внутри группы совпадает с расположением иероглифов в соответствующих группах "Вэньхая".

Трактовка тангутской фонологической системы в первом издании "Гомофонов" лишь в общем совпадает с трактовкой "Вэньхая".

¹ См. Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.120.

² См. Т. Нисида, Тангутский язык..., стр.395.

Наиболее существенной особенностью, отличающей трактовку тангутской фонологической системы в первом издании "Гомофонов", является неразличение тонов в значительном числе случаев. Группы одинаково читающихся иероглифов, которые в "Вэньхае" различаются в зависимости от принадлежности к ровному или восходящему тону, в первом издании "Гомофонов" не различаются. Однако это происходит не всегда. Имеется небольшое число примеров, где различается также и тон.

Во многих случаях слоги, согласно "Вэньхаю" относящиеся к разным регистрам, трактуются в "Гомофонах" как произносимые одинаково. Любопытно, что в нескольких случаях первое издание "Гомофонов" различает регистры там, где "Вэньхай" их не различает.

Трактовка тангутского вокализма в первом издании "Гомофонов" лишь незначительно отличается от трактовки вокализма в "Вэньхае". Можно сказать, что первое издание "Гомофонов" различает те же вокалические части слогов тангутского языка, что и "Вэньхай", но в некоторых случаях - всего около ста - отдельные слоги или группы слогов, различаемые в "Вэньхае", не различаются в первом издании. Это явление исследовал М.Хасимото¹.

Таковы отличия первого издания "Гомофонов" от "Вэньхая" и от второго издания. Однако необходимо сказать, что первое издание, несмотря на указанные различия, непосредственно связано с "Вэньхаем". Помимо сходства трактовок имеется еще и сходство чисто композиционное: во многих группах первого издания "Гомофонов" сохраняется тот же порядок иероглифов, что и в соответствующих группах "Вэньхая".

Можно предположить, что первое издание "Гомофонов" представляет собой довольно вольную переработку материала "Вэньхая". Расхождения с "Вэньхаем", вероятно, объясняется следующим образом. Неразличение тонов вызвано прежде всего тем, что автор первого издания интересовался только фонемным составом слогов, что полностью согласуется с практическим назначением словаря. Интерес к фонемному составу слогов виден так-

¹ См. 橋本萬太郎: 西夏国書の同尾韻, - "言語研究", 1963, № 43, 34-49頁.

же и в том, что в первом издании "Гомофонов", как правило, не различается регистр слога, между тем как в "Вэньхае" он различается. Дело, вероятно, в том, что автор первого издания "Гомофонов" воспринимал различие в регистре как различие в консонантизме.

Трактовка вокализма в первом издании "Гомофонов" в целом не отличается от ее трактовки в "Вэньхае", однако имеющиеся различия наводят на мысль о том, что тангутский вокализм начала XII в. уже отличался от вокализма "Вэньхая". Сравнительная немногочисленность случаев отклонения от трактовки "Вэньхая" может быть объяснена двумя причинами: либо незначительным отличием тангутского вокализма начала XII в. от вокализма "Вэньхая", либо недостаточно тщательным следованием трактовке "Вэньхая".

Таким образом, первое издание "Гомофонов" интересно для нас прежде всего тем, что оно хотя бы частично отражает состояние тангутской фонологической системы в начале XII в.

Рукописный словарь без названия

Рукописный словарь без названия представляет собой фрагменты свитка без начала и конца, длиной около пяти метров¹. Судя по тому, что словарь написан от руки, он является частной попыткой совместить преимущества "Вэньхая" и "Гомофонов": расположение иероглифов в нем точно такое же, как во втором издании "Гомофонов", но при этом каждый иероглиф истолковывается словарной статьей, целиком заимствованной из "Вэньхая", с дополнительным указанием рифмы и инициала по фонетическим таблицам. Словарь без названия не содержит ничего принципиально нового - если исключить необычную трактовку тонов - по сравнению с "Гомофонами" и "Вэньхаем", но имеет существенное значение для реконструкции как дополнение "Вэньхая", потому что здесь содержится довольно значительное число слогов восходящего тона, отсутствующих в "Вэньхае".

¹ См. "Тангутские рукописи и ксилографы", № 4153, 4781, 6685, 7837.

Как указывалось выше, иноязычные транскрипции тангутских иероглифов относятся к последнему десятилетию XII в. Для того чтобы успешно интерпретировать данные внутренних источников с помощью транскрипций, необходимо отдавать себе отчет в том, какое состояние тангутского языка отражено во внутренних источниках.

Между внутренними источниками реконструкции тангутской фонетики существует тесная зависимость. Из предшествующего изложения очевидно, что второе издание "Гомофонов", рукописный словарь без названия и фонетические таблицы нельзя считать самостоятельными памятниками тангутского языка, потому что их трактовка фонологической системы в разной форме повторяет трактовку "Вэньхая". Первое издание "Гомофонов" связано с "Вэньхаем" лишь частично. В этом издании имеются отличные от "Вэньхая" толкования некоторых проблем фонологии. Благодаря этим особенностям мы можем составить представление о фонологической системе тангутского языка начала XII в.

Таким образом, проблема датировки внутренних источников реконструкции тангутской фонетики совпадает с проблемой датировки "Вэньхая". Как уже упоминалось, "Вэньхай" сохранился не полностью. Отсутствует предисловие и весь раздел восходящего тона. Поэтому точная дата его составления неизвестна.

Тангутская письменность была введена в действие в 1036 г. Естественно, что "Вэньхай" не мог быть составлен ранее этого времени, но и не позднее 1124 г. (см. выше).

Распространение тангутской письменности могло начаться только после опубликования словаря с пояснением значений иероглифов, поскольку тангутская письменность создавалась вполне сознательно. Материал этого словаря должен быть как-то организован, причем желательно по фонетическому принципу, потому что перед первыми потребителями словаря стояла проблема начертания иероглифа, обозначающего известное ему слово. Расположение по фонетическому принципу возможно только двух видов: по начальному соглас-

ному и по вокалической части слога. Из предисловия к "Гомофонам" видно, что этот словарь является первой попыткой расположить словарный материал по начальному согласному. Это означает, что во всех тангутских словарях до "Гомофонов" материал располагался по рифмам. Вероятно, такое расположение было и в первом тангутском словаре. Из этого следует, что рифмы тангутского языка были впервые определены примерно в 30-х годах XI в.

Мы можем предполагать, что "Вэньхай" является первым словарем тангутского языка. Это предположение вполне правдоподобно. Однако даже в том случае, если "Вэньхай" не является первым словарем, можно почти что с полной уверенностью утверждать, что в "Вэньхае" использовались те же рифмы, которые были в первом словаре. В самом деле, если "Вэньхай" не является первым словарем, то он должен быть составлен не позднее, чем через 98 лет после введения письменности, потому что, как уже указывалось, имеющийся в тангутском фонде экземпляр был напечатан не позднее 1124 г. Как показывает практика китайской традиционной фонологии, которая была образцом для тангутских филологов, изменения в состав рифм вносились весьма нечасто, а в тех случаях, когда они вносились, указывалась связь новых рифм с традиционными. Поскольку ни "Вэньхай", ни фонетические таблицы не содержат никаких указаний относительно изменений в составе рифм, мы имеем основание считать, что рифмы "Вэньхая" не отличаются от рифм первого словаря тангутского языка. Это означает, что рифмы тангутского языка, представленные в "Вэньхае", отражают состояние тангутского вокализма в 30-х годах XI в.

Что касается трактовки остальных частей тангутской фонологической системы, то здесь возможны два решения. Если мы признаем, что "Вэньхай" является первым тангутским словарем, то естественно, что трактовка остальных частей фонологической системы относится к 30-м годам XI в. Если же мы признаем, что "Вэньхай" не является первым, то, вероятно, трактовка начальных согласных и медиалей относится к более позднему периоду, но не слишком позднему, потому что некоторые обстоятельства, о которых будет сказано в разделе о медиалах, свидетельствуют о достаточной давности трактовки и этой части фонологической системы.

Таким образом, между фонологической системой, отраженной в "Вэньхае", и фонологической системой, отраженной в транскрипциях, лежит промежуток в полтора столетия. За это время в фонологической системе тангутского языка могли произойти довольно существенные изменения. Несинхронность внешних и внутренних источников реконструкции означает, что мы не должны ожидать совпадения данных, полученных из транскрипций, с трактовкой фонологической системы тангутского языка в "Вэньхае". Нам следует интерпретировать не только трактовку "Вэньхая", но также и расхождения между "Вэньхаем" и данными транскрипций.

Таким образом, следует сказать, что на нынешнем уровне исследований по фонетике тангутского языка имеет смысл говорить о двух видах реконструкции: реконструкция тангутской фонетики конца XII в. по транскрипциям и реконструкция тангутской фонетики начала XI в. по внутренним источникам.

В этой работе мы реконструируем тангутскую фонетику конца XII в.

ПРОБЛЕМА ТОНОВ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

Проблема тонов тангутского языка остается наиболее сложной и запутанной частью фонетической реконструкции. О существовании тонов свидетельствуют все внутренние источники. Однако они не согласуются между собой относительно их числа.

В сохранившейся части "Вэньхая" имеется список рифм ровного и восходящего тонов. К сожалению, сохранился только раздел ровного тона. В "Вэньхай ца лэе", сохранившемся полностью, за исключением первого и последнего листов, тоже различаются только два указанных тона.

Фонетические таблицы занимают по этому вопросу двойственную позицию. В предисловии к фонетическим таблицам имеется место, специально посвященное тонам: "Пять звуков нашего языка проявляются таким образом, что выступают в инициали каждого слога, будь то ровного, восходящего, уходящего и входящего тонов; в зависимости от их глухости или звонкости, придыхательности или непридыхательности обнаруживается высокий или низ-

кий разряд произношения"¹. Таким образом, предисловие к фонетическим таблицам определенно указывает на существование в тангутском языке четырех тонов, причем их номенклатура полностью совпадает с китайской. Однако практика фонетических таблиц не имеет ничего общего с теорией, провозглашенной в предисловии. Как уже говорилось, во второй части фонетических таблиц различаются только два тона: ровный и восходящий, поскольку указаны рифмы этих тонов.

В рукописном словаре без названия встречаются указания на все четыре тона, упоминаемые в предисловии к фонетическим таблицам. Однако наряду с этим встречаются противоречивые указания².

Н.А.Невский упоминает о словаре "Вэньхай бао юнь" ("Драгоценные рифмы моря иероглифов")³. Судьба этой рукописи загадочна. В тангутском фонде эта рукопись отсутствует. Более того, Н.А.Невский, который ее обнаружил, не внес ее в инвентарь. Судя по описанию Н.А.Невского, в "Вэньхай бао юне" различаются три тона: ровный, восходящий и входящий. В этом описании ничего не говорится об уходящем тоне. По Н.А.Невскому, этот словарь состоит из двух частей: первая часть содержит слоги ровного тона, а вторая - слоги восходящего и входящего тонов. Характерно, что в начале первой части приведены рифмы, которые "Вэньхай" трактует как рифмы ровного тона, а в начале второй части приведены рифмы, которые "Вэньхай" трактует как рифмы восходящего тона. Из этого следует, что "Вэньхай бао юнь" не имел специальных рифм для входящего тона, а пользовался для этого рифмами восходящего тона.

Попробуем теперь допустить, что те части "Вэньхая" и фонетических таблиц, где рассматривались слоги уходящего и входящего тонов, утрачены.

¹ См. , - Тангутский фонд ЛО ИНА, инв. № 620, стр.2.

² Об этом см. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.33.

³ См. Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.129.

Такое предположение не найдет сколько-нибудь серьезных подтверждений, потому что достаточно сравнить количество иероглифов в "Гомофонах", содержащих все иероглифы, с количеством иероглифов в "Вэньхае" и "Вэньхай ца лэ" (с учетом реконструкции восходящего тона), чтобы обнаружить почти полное тождество. Из этого следует, что в "Вэньхае" действительно различалось не более двух тонов и никаких других рифм, помимо тех, которые указаны в "Вэньхае" и фонетических таблицах, не существовало.

Таким образом, налицо две трактовки проблемы тона во внутренних источниках. При этом примечательно, что в этом отношении внутренние источники делятся на две группы, различающиеся по датировке: "Вэньхай", с одной стороны, и внутренние источники, относящиеся к концу ХП в., — с другой. Вероятно, различие трактовки проблемы тона во внутренних источниках может быть объяснено только изменениями, которые претерпели тоны тангутского языка.

Рукописный словарь без названия имеет для нас в этом отношении исключительно важное значение, потому что здесь новая трактовка тангутских тонов налагается на материал "Вэньхая", благодаря чему можно установить соответствия между трактовкой тонов в "Вэньхае" и в рукописном словаре без названия. К сожалению, словарь без названия сохранился лишь в фрагментах, поэтому все наши суждения относительно связей этих двух трактовок не могут быть достаточно полными.

Судя по названиям, тоны тангутского языка, различаемые в "Вэньхае", были контурными и характеризовались определенным мелодическим рисунком: ровным в одном случае и восходящим в другом. Ниже будет показано, что слог любого тона мог реализоваться в одном из регистров — верхнем или нижнем.

Для синитических языков вообще характерна зависимость между начальным согласным слога и регистром его произношения: слоги со звонкими начальными согласными произносятся в низком регистре, а слоги с глухими начальными согласными произносятся в высоком регистре. Видимо, тангутский язык в том состоянии, которое отражено в "Вэньхае", не был исключением.

Во всяком случае в "Вэньхэе" регистр произношения слога связывался с глухостью или звонкостью начального согласного. Это очень хорошо заметно из тех помет, которые имеются при некоторых тангутских фаньце. В тех случаях, когда не оказывается подходящего слога для второго знака фаньце, при нем ставится знак 聾 *ngi'* ("глухой"), если слог должен произноситься в высоком регистре, или знак 聾 *nâi'* ("звонкий"), если слог должен произноситься в низком регистре. Ясно, что такие пометы могут относиться только к начальному согласному, но не к слогу в целом.

Материал рукописного словаря без названия свидетельствует о той непосредственной связи, которая существовала между двумя интерпретациями тангутских тонов. Слоги, трактуемые в этом словаре как принадлежащие к уходящему тону, "Вэньхай" относит к ровному, а слог, трактуемый как принадлежащий к входящему тону, "Вэньхай" относит к восходящему. Отсюда становится понятно, почему "Вэньхай бао юнь" рассматривает рифмы восходящего тона как рифмы восходящего и входящего тонов. Вероятно, и при перечне рифм ровного тона должна быть оговорка относительно того, что рифмы ровного тона следует трактовать как рифмы ровного и уходящего тонов.

Таким образом, налицо зависимость между ровным и уходящим, а также между восходящим и входящим тонами. Данные рукописного словаря без названия слишком отрывочны, чтобы можно было составить точную картину перехода от одной трактовки тонов к другой. Различия в трактовке встречаются всего 23 раза. Однако даже этого небольшого числа примеров достаточно для того, чтобы констатировать зависимость новых тонов от регистров, различаемых в "Вэньхэе". Насколько можно судить по имеющимся примерам, уходящий тон имеет место в слогах с губными щелевыми и плавными начальными согласными низкого регистра, а также в слогах с переднеязычными, заднеязычными, шипящими начальными согласными верхнего регистра. Относительно слогов с другими начальными согласными сказать ничего нельзя, потому что соответствующие разделы не сохранились. Относительно входящего тона можно сказать еще меньше, потому что мы располагаем лишь пятью примерами такого рода из раздела "Заднеязычные согласные". Поми-

мо этого в рукописном словаре без названия имеются довольно странные пометы вроде "ровный восходящий".

Причина, которая побудила тангутских филологов изменить трактовку тонов, лежит в изменении системы согласных фонем. Судя по материалам "Вэньхая", тангутские согласные могли быть как глухими, так и звонкими, при этом слоги со звонкими начальными согласными произносились в нижнем регистре, а слоги с глухими начальными согласными — в верхнем. Иначе говоря, регистр произношения слога зависел от глухости или звонкости начального согласного. Как свидетельствуют иноязычные транскрипции, признак глухости-звонкости не имел существенного значения для тангутского языка конца XII в. Выше уже указывалось, что первые признаки этого явления мы обнаруживаем уже в первом издании "Гомофонов". Совершенно естественно, что при утрате признака глухости-звонкости слоги тангутского языка должны были различаться по новому признаку, т.е. по регистру. Так из ровного тона выделились слоги уходящего тона и из восходящего тона выделились слоги входящего тона.

Таким образом, внутренние источники реконструкции тангутской фонетики дают нам возможность утверждать, что в начале XI в. в тангутском языке было два тона: ровный и восходящий, каждый из которых реализовался в верхнем или нижнем регистре в зависимости от глухости или звонкости начального согласного. В конце XII в. в тангутском языке было четыре тона: ровный, восходящий, уходящий и входящий.

По поводу тонов в начале XI в. следует сказать, что деление по регистрам было очевидным только в случае шумных начальных согласных. "Вэньхай" различает регистры произношения не только шумных, но также и сонантов. Возможно, тангутские сонанты того времени либо вообще не имели точных регистровых различий и в этом случае их подведение под один из регистров вызвано орфоэпическими соображениями, либо слоги с сонантными начальными согласными произносились в определенном регистре, что равносильно четырем тонам для слогов с сонантными начальными согласными. Совершенно очевидно, что такая неуравновешенная система тонов не могла су-

ществовать долгое время и поэтому система четырех тонов распространилась и на слоги с шумными начальными согласными.

Ввиду того что внутренние источники не содержат исчерпывающих данных относительно распределения тангутских слогов по четырем тонам, нам приходится различать два тона, имеющиеся в "Вэньхае", и два регистра - верхний и нижний.

СОГЛАСНЫЕ

Тангутские согласные рассматриваются во всех внутренних источниках. В "Гомофонах" трактовка согласных носит слишком общий характер, поэтому при реконструкции согласных нам приходится опираться главным образом на свидетельства "Вэньхая" и фонетических таблиц.

Как уже упоминалось в разделе о строении "Вэньхая", внутри медиального класса слоги расположены в порядке, обычном для тангутских согласных. Группы одинаково произносящихся слогов разделяются кружками. Чтение иероглифов группы передается по методу фаньце.

В первой части фонетических таблиц говорится о тридцати шести начальных согласных. Однако при этом одновременно указывалось, что слоги с некоторыми начальными согласными не встречаются, поскольку соответствующие столбцы заняты красными кружками. Это обстоятельство представляется нам странным, потому что в "Вэньхае" имеются слоги с соответствующими начальными согласными. Другим странным обстоятельством является то, что в классах переднеязычных и гортанных указано на отсутствие в тангутском языке глухих *th* и *x*, между тем как иноязычные транскрипции указывают на их наличие. Третьим странным обстоятельством является то, что таблицы никак не учитывают звонкие непродыхательные, которые имеются в "Вэньхае".

Все эти обстоятельства означают, что трактовка начальных согласных в фонетических таблицах не соответствует ни трактовке начальных согласных в "Вэньхае", ни данным иноязычных транскрипций. Китайская классификация начальных согласных, которая была использована в фонетических таблицах, оказалась непригодной для описания того состояния тангутского консонантизма, которое было отражено в "Вэньхае". Она оказалась более

пригодной для описания консонантизма конца XII в, но в этом случае консонантизм наделялся теми чертами, которые ему уже не были свойственны. Это особенно хорошо заметно на примере трактовки палатализованных согласных. В "Гомофонах" имеется класс палатализованных согласных, однако здесь представлены только слоги с начальным согласным п-. Слоги 孛 *tʰɔn'*, 廠 *tʰiə'*, 襍 *tʰio'*, 襍 *tʰai'*, которые, согласно фонетическим таблицам, должны иметь палатализованный начальный согласный t', уже в "Гомофонах" трактуются как слоги с шипящими начальными согласными.

Таким образом, мы полагаем, что трактовка тангутского консонантизма в фонетических таблицах в значительной степени искусственна. Поэтому при реконструкции согласных тангутского языка полезнее непосредственно интерпретировать фонологическую систему "Вэньхая" с помощью иноязычных транскрипций. Это было проведено в "Исследованиях по фонетике тангутского языка"¹, поэтому здесь мы будем обращаться к материалам транскрипций только в случаях исправлений или дополнений.

Для большей компактности изложения мы рассмотрим согласные тангутского языка не в том порядке, как они излагаются в трудах тангутских филологов, а в соответствии с современной классификацией согласных по способу и месту их образования.

ШУМНЫЕ

По способу образования шумные согласные тангутского языка могут быть смычными, аффрикатами и щелевыми. Смычные и аффрикаты могут быть придыхательными и непридыхательными. Признак глухости-звонкости был релевантным в языке "Вэньхая", но в языке конца XII в. уже значения не имел. Как свидетельствуют иноязычные транскрипции, тангутские шумные согласные были в конце XII в. полузвонкими; в зависимости от окружения они могли быть как глухими, так и звонкими.

¹ См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.37-69.

По месту образования шумные смычные согласные тангутского языка могут быть губными, язычными и гортанными. На основании иноязычных транскрипций мы находим в тангутском языке конца XII в. губно-губные p и ph, переднеязычные t и th, заднеязычные k и kh.

В языке "Вэньхая" различались глухие p, ph; t, th; k, kh, характеризующиеся высоким регистром произношения, и соответствующие звонкие b, bh; d, dh; g, gh, характеризующиеся низким регистром произношения.

В "Вэньхае" и фонетических таблицах различаются два гортанных согласных. Тибетские транскрипции слогов с этими согласными бывают трех основных типов: типа $\text{ʃ}'$, типа $\text{ʒ}'$ и типа $\text{ʒ}'$. В первом случае мы имеем право полагать, что начальным согласным таких слогов была гортанная смычка. Во втором случае транскрибируемый тангутский слог, по-видимому, не содержал никаких согласных. В третьем случае транскрипция отражает спондизацию слогаобразующего гласного. Это означает, что выделяемые "Вэньхаем" слоги с гортанными начальными согласными в тангутском языке конца XII в. не всегда сохраняли свой согласный. О фонологическом статусе гортанной смычки мы будем говорить в разделе о тангутских фонемах, здесь же скажем, что гортанная смычка ? существовала в тангутском языке конца XII в.

В каждой цикловой подгруппе первых знаков фаньце имеются две цепи, которые допускают фонетическую интерпретацию как знаки, служащие для обозначения гортанной смычки. Это позволяет считать, что такие цепи служили для обозначения каких-то двух близких начальных согласных, при этом их различение было нелегким делом даже для самих тангутских филологов.

Различие между этими двумя согласными было не столько артикуляционное, сколько функциональное. Знаки одной цепи употреблялись главным образом в слогах первого дэна (о понятии "дэн" см. ниже), между тем как знаки второй цепи употреблялись главным образом в слогах второго и третьего дэнов, т.е. в слогах, начинающихся с j-. Это функциональное

различие может быть истолковано с фонетической и с фонологической точки зрения.

С фонетической точки зрения первый согласный представляет собой гортанную смычку, а второй - медиаль -j-. С фонологической точки зрения оба согласных представляют собой варианты одной и той же фонемы. В слогах первого дэна эта фонема реализовалась как гортанная смычка, а в слогах второго и третьего дэнов эта фонема реализовалась как нуль согласного.

Следует сказать также, что гортанная смычка очень плохо различалась перед w-. Об этом свидетельствует употребление иероглифа , который в "Вэньхае" трактуется как принадлежащий классу губных щелевых в качестве первого знака фаньце для обозначения гортанной смычки (рифмы 1.70 и 1.71). Очевидно, что в этом случае иероглиф не мог обозначать гортанную смычку. Этот пример, естественно, не может служить доказательством того, что гортанная смычка перед медиалами реализовалась как нуль согласного, но свидетельствует о том, что сочетания с медиалами были для гортанной смычки неблагоприятны.

Таким образом, мы можем считать, что один из указанных выше двух гортанных согласных, различаемых в "Вэньхае" и фонетических таблицах, представляет собой гортанную смычку, а другой j-.

Аффрикаты

Тангутские аффрикаты могут быть свистящими и шипящими. На основании иноязычных транскрипций мы находим в тангутском языке конца XII в. свистящие ts и tsh; а также шипящие tś и tśh.

В языке "Вэньхая" различались глухие ts, tsh; tśh, tś, характеризующиеся высоким регистром произношения, и звонкие dz, dzh; dź, dźh, характеризующиеся низким регистром произношения.

Щелевые

По месту образования тангутские щелевые могут быть губными и язычными.

Фонетические таблицы указывают на существование в тангутском языке

щелевых губных *f* и *v*. Однако *f* трактуется в "Вэньхэе" как сочетание *h + w*. Слоги с таким начальным согласным служат для транскрипции китайских слогов с начальным согласным *f* или представляют собой заимствования из китайского. Таким образом, губной щелевой *f* не является звуком тангутского языка.

Губной щелевой *v* различается как в "Вэньхэе", так и в фонетических таблицах. Судя по тому, что *v* находится в дополнительной дистрибуции с *p* можно предполагать, что он был губно-губным. Вторые знаки фаньце свидетельствуют о том, что слог с этим начальным согласным могли читаться как в верхнем, так и в нижнем регистре. Отсюда должен следовать вывод, что либо щелевой *v*, как сонанты, в обоих регистрах произносился одинаково, либо же в языке "Вэньхэе" существовал глухой губно-губной Φ и звонкий губно-губной β .

На основании иноязычных транскрипций мы находим в тангутском языке конца XII в. звонкий щелевой *v*, который, ввиду дополнительной дистрибуции со смычным *p*, был, вероятно, губно-губным.

Язычные щелевые тангутского языка могут быть свистящими, шипящими и гортанными. На основании иноязычных транскрипций мы находим в тангутском языке конца XII в. свистящий *s*, шипящий \acute{s} , гортанный ʔ .

В языке "Вэньхэе" различались глухие *s, \acute{s}, x*, характеризующиеся высоким регистром произношения, и звонкие *z, \acute{z}, \text{ʃ}*, характеризующиеся низким регистром.

СОНАНТЫ

По способу образования сонанты тангутского языка могут быть носовыми и неносовыми. Характерной особенностью системы согласных тангутского языка является наличие полусонантов - промежуточной ступени между шумными и сонантами. Полусонанты начинаются как сонанты, а завершаются как соответствующие шумные.

Как свидетельствуют вторые знаки фаньце, в языке "Вэньхэе" сонанты встречаются в слогах высокого и низкого регистров. У шумных согласных различие по регистру соответствует различию по признаку глухости-звонкости. Интерпретация этого факта в случае сонантов несколько более сложна.

Первые знаки фаньце не содержат никаких указаний в этом отношении. В случае шумных согласных не существует специальных цепей фаньце для обозначения глухих или звонких. Возможно, то же самое имеет место и по отношению к сонантам. Это значит, что на нынешнем уровне исследований по фонетике тангутского языка "Вэньхая" мы не можем исключить возможность того, что сонанты слогов разных регистровых групп могли различаться также и артикуляционно.

Иноязычные транскрипции не различают сонанты регистровых групп, имеющих в "Вэньхаяе". Отсюда следует, что в конце XII в. различие между ними (если оно вообще было) уже перестало существовать.

Носовые сонанты

По месту образования носовые сонанты тангутского языка могут быть губными и язычными. На основании иноязычных транскрипций мы находим в тангутском языке конца XII в. губно-губной m , переднеязычный n , заднеязычный $ŋ$.

Фонетические таблицы выделяют в классе палатализованных переднеязычных особый палатализованный \tilde{n} .

Параллельно рассмотренным выше губным и язычным шумным непридыхательным согласным в тангутском языке имеются соответствующие им носовые полусонанты. Иноязычные транскрипции свидетельствуют о том, что в тангутском языке конца XII в. существовали смычные и аффрикатные полусонанты.

На основании иноязычных транскрипций находим в тангутском языке конца XII в. смычные полусонанты mb и nd , а также аффрикатные полусонанты ndz и ndz' .

В трактовке заднеязычных носовых сонантов тангутского языка иноязычные транскрипции расходятся. Китайская транскрипция не различает сонантов и полусонантов в классе заднеязычных, хотя в классе губных и переднеязычных такое различие последовательно проводится. В тибетской транскрипции имеется два способа передачи заднеязычных сонантов - транскрипция через η' (η' , η' , η') и транскрипция через ζ' (ζ' , ζ' , ζ'). Эти

факты тибетской транскрипции свидетельствуют о том, что в классе заднеязычных тангутского языка имеются не только полусонанты, обозначенные через η' , но также и сонанты, обозначенные через ζ' . Внутренние источники подтверждают это различие. Тангутские иероглифы, транскрибированные по-тибетски через η' , имеют фаньце, первый знак которых входит в цепи 15, 16, 18 класса заднеязычных, а иероглифы, транскрибированные через ζ' имеют фаньце, первый знак которых входит в цепи 14 и 20 того же класса. Цепи 17 и 19 класса заднеязычных интерпретации не поддаются, потому что среди описываемых ими иероглифов нет ни одного, который имел бы тибетскую транскрипцию.

Расхождение иноязычных транскрипций в трактовке заднеязычных носовых сонантов может быть вызвано либо тем, что китайская транскрипция не учитывала это различие, потому что не располагала возможностями для последовательного различения этих двух фонетических явлений тангутского языка, либо же тем, что в тангутском языке, отраженном в китайской транскрипции, различия между заднеязычными сонантами и полусонантами уже не существовало. Второе объяснение нам представляется более предпочтительным, потому что китайская транскрипция достаточно точна и располагает способами для обозначения заднеязычных полусонантов.

Таким образом, в трактовке заднеязычных сонантов только тибетская транскрипция согласуется с данными "Вэньхая". Поскольку тибетская транскрипция точной датировки не имеет, мы можем полагаться в реконструкции тангутского консонантизма конца XII в. только на китайскую транскрипцию. И в случае расхождения между ними мы должны предпочесть данные китайской транскрипции. Поэтому приведенные выше факты мы истолкуем следующим образом: в тангутском языке "Вэньхая" и в языке, отраженном в тибетских транскрипциях, существовало различие заднеязычных носовых сонантов и полусонантов, между тем как в тангутском языке конца XII в. этого различия уже не существовало. Для тангутского языка конца XII в. мы реконструируем заднеязычный носовой η , который в практической транскрипции обозначим через ng .

В классе губных щелевых фонетические таблицы выделяют особый полусонант m , представляющий собой параллель щелевому шумному v . Первые знаки фаньце в общем подтверждают свидетельство фонетических таблиц. Однако, судя по тому, что употребление их весьма непоследовательно, можно сказать, что уже в языке "Вэньхая" различие между полусонантом m и соответствующим шумным v было не особенно значительным, а в тангутском языке конца XII в. его уже не существовало.

Неносовые сонанты

По способу образования неносовые сонанты тангутского языка могут быть смычными или щелевыми.

Иноязычные транскрипции и первые знаки фаньце свидетельствуют о том, что в тангутском языке существовали три смычных неносовых сонанта звукового типа l . В каждой цикловой подгруппе имеются три разновидности цепей фаньце для обозначения согласного этого типа. Первая служит для описания чтения иероглифов, которые транскрибируются по-тибетски слогами типа $ལ'$. Вторая служит для описания чтений иероглифов, которые транскрибируются по-тибетски слогами типа $ལ'ལ'$ или $ལ'$. Лигатура $ལ'$ в современном диалекте Лхасы читается da^1 . Вероятно, эта цепь служила для передачи чтения полусонанта ld . Третья служит для описания чтений иероглифов, находящихся в "Вэньхай цза лэе". Эти иероглифы транскрибируются по-тибетски слогами типа $ལ'$. Эта лигатура обозначает глухой lh , который встречается во всех современных тибетских диалектах. Строго говоря, этот согласный не является сонантом; потому что при его произнесении голосовые связки бездействуют, как это имеет место при произнесении глухих шумных щелевых; мы рассматриваем его здесь только в силу тангутской фонетической традиции.

Звуковой тип R встречается только в тангутских слогах II малого цикла. Иноязычные транскрипции не дают нам никаких данных для фоне-

1 См. Ю.Н.Перих, Тибетский язык, М., 1961, стр.41

тической интерпретации цепей первых знаков фаньце, относящихся к этому звуковому типу. Поэтому, вероятно, в тангутском языке конца XII в. существовал только один согласный г .

Фонетические таблицы свидетельствуют о том, что в тангутском языке существовали два щелевых носовых сонанта звукового типа \dot{z} . Китайская транскрипция различает только один сонант этого звукового типа. Тибетская транскрипция дает нам некоторое основание предполагать, что в конце XII в. в тангутском языке было все-таки два сонанта типа \dot{z} , хотя в этом нет никакой уверенности. Первые знаки фаньце тех иероглифов, которые в фонетических таблицах рассматриваются как имеющие разные \dot{z} в начале обозначаемого слога, принадлежат одной и той же цепи. Таким образом, "Вэньхай" не поддерживает в этом отношении фонетические таблицы, поэтому представляется наиболее благоразумным реконструировать только одно \dot{z} в тангутском языке конца XII в.

В "Вэньхай цза лэ" тоже имеются слоги с сонантом типа \dot{z} , однако первые знаки фаньце этих слогов не образуют особой цепи. Поэтому можно утверждать, что сонант этого типа из "Вэньхай цза лэ" не отличается от сонанта этого типа из "Вэньхая".

НУЛЬ СОГЛАСНОГО

Тангутская классификация не предусматривает нуля согласного в начале слога. Как указывалось, тангутские филологи помещают слоги с нулем согласного, начинающиеся с медиали -w- или $-i$, соответственно в раздел губных и гортанных. На основании иноязычных транскрипций можно судить, что в тангутском языке конца XII в. были слоги с нулем начального согласного, которые не обязательно должны были начинаться с указанных медиалей.

Небольшое количество слогов с нулем согласного и без медиалей мы находим в "Вэньхай цза лэ". Такие слоги могли произноситься как в верхнем, так и в нижнем регистре. Для обозначения нуля согласного таких слогов имеется специальная цепь первых знаков фаньце.

Проблема стечения согласных в начале слога тангутского языка остается наиболее трудной проблемой реконструкции тангутского консонантизма. Как уже указывалось выше, данные китайской транскрипции противоречат данным тибетской в той части, которая касается стечения согласных в начале слога. Разрешить это противоречие можно только с помощью внутренних источников. Наиболее полное описание тангутской фонетики дано в "Вэньхае". Тангутский консонантизм описывается в "Вэньхае" с помощью первых знаков фаньце.

Тангутские фаньце в принципе ничем не отличаются от китайских. Единственным их отличием является последовательное соблюдение медиального согласования. Медиальное согласование означает, что в качестве первого знака фаньце должен быть выбран такой слог тангутского языка, который характеризуется не только таким же, как у описываемого слога, начальным согласным, но и одинаковой медиалью.

Первый знак фаньце передает произношение начального согласного описываемого тангутского слога. Группы иероглифов, у которых первый знак фаньце совпадает, обозначают слоги с одинаковым начальным согласным. Однако сам по себе первый знак фаньце представляет собой обычный знак, имеющий собственное чтение по фаньце, где первый знак тоже имеет чтение по фаньце, и т.д. Так образуется цепь фаньце, состоящая из первых знаков, описывающих чтение друг друга. Таким образом, мы можем сказать, что группы иероглифов, первый знак фаньце которых входит в одну и ту же цепь, обозначают слоги с одинаковым начальным согласным.

На нынешнем уровне исследований по тангутскому языку нельзя объяснить, почему тангутские филологи пользовались разными иероглифами для обозначения одного и того же согласного, хотя, казалось бы, для этой цели достаточно было одного иероглифа.

Фаньце знаков восходящего тона сохранились лишь частично, поэтому цепи, содержащие знаки восходящего тона без фаньце, остаются неполными. В связи с этим нам приходится различать полные и неполные цепи. Очевидно,

что несколько неполных цепей образуют единую цепь, связующее звено которой утрачено. При этом вполне вероятно и то, что некоторые неполные цепи относятся к тем цепям, которые считаются полными. Поэтому точное количество цепей фаньце "Вэньхая" остается неизвестным по всем классам начальных согласных, исключая класс губных щелевых, где фаньце сохранились полностью.

Цепи фаньце без труда интерпретируются фонетически на основании иноязычных транскрипций. При этом некоторые цепи интерпретируются одинаково. Одинаково интерпретируемые цепи отличаются функционально. Важной особенностью системы тангутских фаньце является то, что среди цепей, которые фонетически интерпретируются одинаково, различаются особые цепи, применяющиеся только для слогов, находящихся в определенных частях последовательности рифм. Так, для описания начальных согласных слогов с 1-й по 60-ю рифму привлекаются слоги главным образом первых 14 рифм. Для описания начальных согласных слогов с 61-й по 76-ю рифму привлекаются главным образом слоги с 61-й по 74-ю рифму. Для описания начальных согласных слогов с 77-й по 98-ю рифму привлекаются главным образом слоги с 80-й по 84-ю рифму.

Таким образом, на основании данных об употреблении первых знаков фаньце последовательность тангутских рифм можно разделить на четыре части. По причинам, которые будут объяснены в разделе о вокализме, эти части называются циклами. Первую, наиболее многочисленную, назовем большим циклом, а последующие соответственно - I малым, II малым, III малым циклами. В целях экономии места в таблицах второго тома будем пользоваться сплошной нумерацией циклов от I до IУ (I - большой цикл, II - I малый цикл, III - II малый цикл, IУ - III малый цикл).

Первые три цикла характеризуются собственными цепями фаньце. Последний цикл собственных цепей фаньце не имеет. Для описания начальных согласных слогов этого цикла используются знаки из цепей других циклов.

Различие между первыми тремя циклами тангутских рифм описывает-

ся с помощью первых знаков фаньце. Это значит, что различие относится к начальным согласным. При этом естественно предполагать, что начальные согласные слогов первых двух малых циклов, имеющие собственные цепи фаньце, порознь отличались от начальных слогов большого цикла на постоянные величины. Этими величинами могут быть только согласные, находящиеся перед начальным согласным слога. Таким образом, по данным "Вэнь-хая", слоги тангутского языка, относящиеся к первым двум малым циклам, могут характеризоваться наличием стечения согласных в анлауте.

Иноязычные транскрипции расходятся в своих свидетельствах относительно стечений согласных в начале тангутских слогов. Китайская транскрипция не содержит никаких указаний относительно стечений согласных в начале слога.

Выше отмечалось, что надписные буквы в тибетской транскрипции свидетельствуют о наличии стечений согласных в некоторых слогах тангутского языка. В тибетской транскрипции известны следующие надписные: འ', འ'.

За исключением нескольких случаев тибетские транскрипции с надписной འ' служат для передачи тангутских слогов, относящихся к II малому циклу. Таким образом, первый элемент стечения согласных в начале слогов этого цикла описывается с помощью འ'. У нас нет прямых сведений относительно того, как следует читать надписную འ' в том диалекте тибетского языка, который лежит в основе транскрипции. В современных диалектах надписной འ' может иметь самое разнообразное чтение — от нуля согласного до чистого г-¹. Поэтому не исключено, что первым элементом стечения согласных в начале слогов II малого цикла был г-.

Достоверность реконструкции первого элемента стечения согласных в начале слогов I малого цикла во много раз меньше, чем достоверность реконструкции первого элемента стечения в слогах II малого цикла. Фактически мы располагаем лишь несколькими транскрипциями, которые непосредственно указывают на первый элемент стечения согласных в слогах I малого цикла. Тангутский иероглиф 𑖑 *via'*, принадлежащий 64-й рифме ров-

¹ См. Ю.Н. Рерих, Тибетский язык, стр.39.

ного тона, и иероглиф *viq²*, принадлежащий 57-й рифме восходящего тона, имеют транскрипцию соответственно *ʒ'* и *ʒʌ'*, вопреки своим фаньце, согласно которым начальный согласный этих слогов должен быть не *h-*, а *v-*. Это обстоятельство позволяет нам подойти к интерпретации небольшого числа тибетских транскрипций с надписной *ʒ'*. Из транскрипций явствует, что в начале слога находился не *v-*, а стечение согласных *hv-*. Следовательно, мы имеем право предполагать, что первым элементом стечения согласных в слогах этого цикла был щелевой *h-*. Тибетские транскрипции с надписной *ʒ'* встречаются только при слогах, относящихся к I малому циклу. Поэтому, если наша интерпретация первого элемента стечения согласных в слогах этого цикла правильна, мы можем утверждать, что местное чтение надписного *ʒ'* в диалекте, лежащем в основе тибетской транскрипции, было *h-*.

Судя по тибетским транскрипциям, положение рассматриваемых *г* и *h-* было весьма непрочным. В особенности непрочным было положение *h-*. Об этом свидетельствуют не только тибетские транскрипции тангутских слогов I малого цикла, где по существу *h-* не отражается, но также употребление первых знаков тангутских фаньце. По таблицам употребления первых знаков фаньце нетрудно убедиться, что знаки цепей большого цикла могли употребляться для описания начальных согласных I малого цикла и наоборот. При этом интересно отметить, что знаки цепей большого цикла могли употребляться для описания начальных согласных II малого цикла только в редких случаях. Поэтому можно считать, что процесс исчезновения *h-* засвидетельствован еще в "Вэньхае".

Тибетские транскрипции *г* не всегда последовательны. Это означает, что *г* либо был иррелевантным элементом слога, либо его появление всегда обуславливалось фонетическим окружением. При этом закономерности его появления остаются неясными. Сложность ситуации можно иллюстрировать примером транскрипции редупликации *nguo² nguo²* "все". В прозаических фрагментах эта редупликация транскрибируется *ᠩᠭᠤᠨᠭᠤᠨ*. Из этого примера можно сделать вывод, что надписное *ᠭ* должно регуляр-

но появляться при втором слоге редупликации и отсутствовать при первом слоге редупликации слога II малого цикла. Однако в поэтических фрагментах эта же редупликация транскрибируется как $\text{ㄣ}^{\text{h}} \text{ㄣ}^{\text{h}}$, т.е. h появляется в обоих слогах.

Таким образом, фонологический статус h - и r - остается до сих пор неясным.

Как уже упоминалось, китайские транскрипции не содержат никаких указаний на стечения согласных в начале слогов тангутского языка. Судя по китайским транскрипциям, фонологически релевантные стечения согласных в начале слогов тангутского языка уже не существовали. Поэтому при реконструкции тангутского консонантизма конца XII в. мы не должны принимать во внимание стечения согласных, засвидетельствованные в тибетской транскрипции. Однако ввиду того, что знание принадлежности слога к большому или к какому-нибудь малому циклу может быть полезным, в практической транскрипции слоги малых циклов будем помечать точкой под слогообразующими гласными.

Выше говорилось, что тангутские слоги III малого цикла собственных цепей фаньце не имеют. Для описания их чтения используются знаки, входящие в цепи трех предшествующих циклов, но чаще всего — большого цикла. Как нам представляется, это означает, что II малый цикл был выделен не по наличию стечения согласных в начале слогов, входящих в этот цикл, а по какому-то другому признаку.

МЕИАЛИ

Меиали непосредственно связаны с согласными тангутского языка, потому что они являются их непосредственным окружением справа. Проблема меиалей имеет диахронный и синхронный аспекты. Изменения, которым подверглись начальные согласные, оставили свой след в системе меиалей. С другой стороны, как показывают иноязычные транскрипции, реализация согласных фонем зависит непосредственно от меиали слога. Исследование проблемы меиалей ведет нас в глубь истории тангутского языка.

В "Вэньхае" и фонетических таблицах тангутские филологи различают

два типа медиалей: медиали первого рода, с помощью которых различаются дэны слогов, и медиали второго рода, которые встречаются в слогах любого дэна.

В китайской традиционной фонологии термин "дэн" используется для обозначения степени подъема слогаобразующего гласного. Мы не будем касаться вопроса о том, как тангутские филологи использовали этот термин - в его прямом или несколько видоизмененном смысле. Для нас более существенно то, что тангутские слоги, принадлежащие одной и той же рифме, транскрибируются китайскими слогами одинакового дэна. Это значит, что в тангутском языке существовали дэны слогов, аналогичные китайским. Китайская транскрипция свидетельствует, что в тангутском языке различались три дэна. Система тангутских рифм построена таким образом, что слоги, входящие в состав рифмы, могут принадлежать только одному определенному дэну.

Иноязычные транскрипции и внутренние тангутские источники позволяют фонетически интерпретировать различие между дэнами тангутских слогов. Дэны тангутского языка различались по степени иотации. Первый дэн характеризуется отсутствием иота, или нулевой иотацией. Второй и третий дэны характеризуются наличием иота. Однако степень их иотации была различной. Это хорошо заметно в тибетской транскрипции, где тангутские слоги третьего дэна передаются с помощью **ཨ**, между тем как слоги второго дэна передаются без этой подписной. Утверждение относительно того, что в тангутских слогах второго дэна наличествует иот, основывается только на внутренних фактах. Так, например, при отсутствии медиалей второго рода губной смычный **p** сочетается только с вокалическими частями слогов первого и второго дэнов, а губной щелевой **v**, находящийся с ним в дополнительной дистрибуции, - только с вокалическими частями слогов третьего дэна. В тех же условиях свистящий **ts** сочетается только с вокалическими частями слогов первого дэна, а шипящий **ts'**, находящийся с ним в дополнительной дистрибуции, - только с вокалическими частями слогов второго и третьего дэнов. Это означает, что различие между иотами второго и третьего дэ-

нов было не качественным, а количественным. Вероятно, иот второго дэна был несколько слабее иота третьего дэна. Различие в степени интенсивности иота имело в тангутском языке существенное фонологическое значение.

Изложенная трактовка дэнов тангутских слогов не является единственной. Слабая иотация, свойственная второму дэну, может рассматриваться как фонологическая мягкость согласного. Следствием такой трактовки будет различие двух дэнов и двух вариантов каждого согласного. Очевидно, что система согласных примет при такой трактовке слишком громоздкий вид. Поэтому мы считаем более целесообразным следовать за тангутскими филологами, которые трактовали второй дэн своих слогов в тех же терминах, что и третий.

В дальнейшем, чтобы не усложнять транскрипцию, мы не будем вводить специальный строчный знак для обозначения слогов второго дэна, а ограничимся диакритиком \wedge над соответствующей гласной. Для обозначения третьего дэна воспользуемся общим для синитического языкознания обозначением - $\underset{\cdot}{i}$.

Трактовка медиалей второго рода наиболее трудна. Медиали второго рода встречаются в большинстве рифм. Количество их в каждой рифме установить нетрудно, потому что все рифмы делятся на достаточно четкие медиальные классы. Медиальным классам "Вэньхая" соответствуют медиальные строки в фонетических таблицах. При этом интересно отметить, что иногда порядок медиальных классов "Вэньхая" отличается от порядка медиальных строк в фонетических таблицах. Обычно различается от одного до четырех медиальных классов. Только в одном случае насчитывается пять (1.32-2.29). Наличие в рифме только одного медиального класса означает, что соответствующая вокалическая часть слога не сочетается с медиалами второго порядка.

Медиаль $-w-$ легко выделяется на основании иноязычных транскрипций. Слоги с такой медиалью передаются в китайской транскрипции слогами с медиалью $-w-$. В тибетской транскрипции эти слоги передаются соответствующими тибетскими слогами с приписной $\text{ཨ}'$ или с подписной $\text{ཨ}'$.

Медиаль $\underset{\cdot}{i}$ также выделяется на основании иноязычных транскрип-

ций. Слоги с такой медиалью передаются в китайской транскрипции с помощью китайских слогов с медиалью $-i-$. В тибетской транскрипции медиаль $-i-$ передается с помощью подписной ш . Таким образом, иноязычные транскрипции не отличают ее от медиали первого рода $-i-$. Особенностью медиали $-i-$ является то, что она, как и медиали первого рода, влияет на дистрибутивные свойства вокалической части слога. Вокалические части слога с медиалью $-i-$ характеризуются такой же дистрибуцией, что и вокалические части слога с нулем медиали. Поэтому при сочетании этой медиали с вокалическими частями слогов третьего дэна происходит нейтрализация. В дальнейшем при транскрипциях мы в таких случаях будем опускать медиаль $-i-$.

Дистрибутивные свойства медиали $-i-$ свидетельствуют о том, что по степени подъема она была ниже медиали $-i-$. Известна сложная медиаль второго рода $-i_w-$, характеризующаяся теми же дистрибутивными свойствами, что и $-i-$.

Таким образом, нам известны три медиали второго порядка. С учетом нулевой медиали мы теперь можем интерпретировать четыре медиальных класса из максимального набора в пять классов, встречающегося в "Вэньхэ" и в фонетических таблицах. Один медиальный класс остается неинтерпретированным. Слоги этого медиального класса в иноязычных транскрипциях ничем не отличаются от слогов без медиалей второго порядка. Из этого следует, что в языке "Вэньхэ" существовала еще одна медиаль, которая не сохранилась в тангутском языке конца XII в.

Итак, внутренние источники свидетельствуют о том, что в тангутском языке "Вэньхэ" существовал еще один медиальный элемент, отличный от $-i-$ и от $-i_w-$. Это обстоятельство говорит в пользу гипотезы проф. Ж.Клосона относительно наличия сонантных медиалей или что то же самое — стечений согласных в начале тангутского слога, которые были возможны в языке XI в.¹

¹ См. G. Clauson, The future of Tangut (Hsi-Hsia) studies, - "Asia Major", new ser., vol. XI, pt 1, 1964, p. 67.

В связи с этим следует сделать одно диахроническое замечание относительно медиали - $\underset{1}{\text{I}}$ - . Ее дистрибутивные отличия от - $\underset{1}{\text{I}}$ - тангутские филологи оставили без внимания и трактовали ее как медиаль второго рода. Это обстоятельство нам кажется странным. В сущности в основе деления медиалей на два рода лежат их дистрибутивные особенности. Тот факт, что тангутские филологи в одном случае учли эти особенности, а в другом прошли мимо них, дает нам основание предполагать, что медиаль - $\underset{1}{\text{I}}$ - , которую мы реконструируем на основании иноязычных транскрипций XII в., может быть, была в языке "Вэньхая" чем-то иным. Окончательное решение этой проблемы будет возможным только при наличии иноязычных транскрипций тангутского языка начала XI в.

ГЛАСНЫЕ

"Вэньхай" и фонетические таблицы выделяют в тангутском языке 105 различных вокалических окончаний слогов, которые по китайской фонологической традиции называются рифмами. Как показывают фонетические таблицы, слоги 78-ми рифм могут произноситься в обоих тонах, а слоги 27-ми рифм - только в одном. Соответствия слогов ровного и восходящего тонов приведены в конце данного раздела (стр. 136-138).

В начале фонетических таблиц непосредственно после предисловия перечислены все вокалические части тангутских слогов, которые различаются в "Вэньхае" и в фонетических таблицах. Они расположены в порядке рифм "Вэньхая" группами по семь рифм в каждой. Группы разделены точками. Рифмы восходящего тона указываются только в тех случаях, когда они не имеют соответствия в ровном тоне. Хотя разбивка на семерки иногда соответствует внутренним закономерностям расположения рифм, эта разбивка, вероятно, преследовала несколько иную цель: 105 рифм были разделены для удобства запоминания на 15 стихотворных строк семисложного размера.

Последовательность из 105-ти различных рифм делится на четыре цикла. Большой цикл включает в себя последовательность с 1-й по 60-ю рифму. I малый цикл - с 61-й по 76-ю. II малый цикл - с 77-й по 98-ю. III малый

цикл - с 99-й по 105-ю. Основания для деления на указанные циклы были приведены в разделе о согласных тангутского языка. Мы называем эти отрезки циклами потому, что слогообразующий гласный содержащихся там слогов циклически меняется от гласного типа U до гласного типа O: слогообразующий гласный проходит последовательно все ступени подъема.

Циклы тангутских рифм делятся на звуковые типы. Звуковой тип, выделяемый на основании иноязычных транскрипций, представляет собой последовательность рифм, имеющих одинаковый слогообразующий гласный.

Звуковые типы делятся на группы рифм, состоящие из разных дэнов и той же вокалической части слога. Второй дэн присутствует не всегда. Часто можно встретить группы, где после первого дэна следует сразу третий. В одном случае группа состоит только из слогов первого и второго дэнов - рифмы 15 и 16. Группа может состоять и из одной рифмы, но в этом случае она, как правило, принадлежит первому дэну.

Имеются две разновидности звуковых типов, определяемых на основании иноязычных транскрипций: звуковой тип, состоящий из простого гласного, и звуковой тип, состоящий из дифтонга.

Структура звукового типа, состоящего из простого гласного, довольно постоянна. На основании иноязычных транскрипций бывает нетрудно обнаружить, что каждый звуковой тип открывается одной или двумя группами, слоги которых имеют вокалическую часть, состоящую из простой гласной. Далее следует группа (а в звуковом типе А - две группы), где вокалические части слогов содержат дифтонг. Звуковой тип завершается группой закрытых слогов на -п .

В большом цикле имеются два звуковых типа, состоящих из дифтонга. Первый звуковой тип, охватывающий рифмы 34-43, состоит из дифтонга на -i , а второй звуковой тип, охватывающий рифмы 44-49, состоит из дифтонга на -ш . Группы этих звуковых типов отличаются друг от друга разной степенью подъема основной гласной дифтонга.

Ниже будет показано, что группы с дифтонгами внутри звуковых типов, состоящих из простых гласных, содержат слоги, которые в тангутском

языке "Вэньхая" оканчивались на шумный смывный. Таким образом, структуру звукового типа в языке "Вэньхая" можно интерпретировать следующим образом: первая группа звукового типа состояла из открытых слогов, последняя группа состояла из слогов, оканчивающихся на сонант -п, а одна или две группы, заключенные между ними, состояли из слогов, оканчивающихся на конечный шумный.

Насколько можно судить по иноязычным транскрипциям, рифмы малых циклов были аналогами рифм большого цикла. При этом одни рифмы большого цикла имели в малых циклах по несколько аналогов, между тем как другие не имели ни одного. Это обстоятельство затрудняет выделение звуковых типов в малых циклах. Однако, несмотря на некоторые трудности, можно сказать, что структура звуковых типов и их последовательность одинаковы как в большом, так и в малых циклах.

Рассмотренные закономерности имеют большое значение для реконструкции тангутских гласных. Число звуковых типов соответствует числу слогаобразующих гласных, различаемых в тангутском языке "Вэньхая", а число групп внутри звукового типа соответствует числу различаемых вокалических частей слогов.

В наиболее общей формулировке задача реконструкции тангутского вокализма сводится к фонетической интерпретации звуковых типов и групп рифм на основании иноязычных транскрипций. Однако, прежде чем приступить к выполнению этой задачи, необходимо поставить проблему вокалического аспекта различий между циклами.

Мы имеем право предполагать, что различия между циклами состояли не только в консонантизме содержащихся в них слогов, но также и в их вокализме. Об этом свидетельствует наличие специальных рифм для слогов малых циклов.

Как уже упоминалось, внутренние источники последовательно выдерживают распределение слогов по рифмам "Вэньхая". Исключение составляет первое издание "Гомофонов", которое в некоторых случаях не различает гласных разных циклов. Ни в одном из внутренних источников нет указаний, в чем

состояло различие в вокализме слогов, принадлежащих разным циклам. Иноязычные транскрипции свидетельствуют об отсутствии различий в вокализме слогов разных циклов в тангутском языке в конце XII в. Это означает, что транскрипции либо отражают тождество вокализма слогов, принадлежащих разным циклам, либо не учитывают некоторый признак, который их различал. При этом, если допустить существование различия, следует поставить проблему их числа: это различие может быть общим для всех малых циклов, но может также быть и отдельным для каждого малого цикла.

Поскольку мы не располагаем никакими прямыми указаниями относительно различий в вокализме, можно предложить только следующие три гипотезы.

1. Различие в вокализме существовало в тангутском языке "Вэньхая" и продолжало существовать в тангутском языке конца XII в. В пользу этой гипотезы свидетельствует наличие специальных рифм для слогов малых циклов в "Вэньхае", а также то обстоятельство, что рифмы "Вэньхая" без оговорок используются в фонетических таблицах. Против этой гипотезы свидетельствуют иноязычные транскрипции, не различающие вокализм слогов разных циклов.

2. Различие в вокализме существовало в тангутском языке "Вэньхая", но не существовало в тангутском языке конца XII в. Помимо внутренних фактов, приведенных в пользу предшествующей гипотезы, вторую гипотезу подтверждает также первое издание "Гомофонов", где в некоторых случаях различие в вокализме слогов разных циклов не соблюдалось. Эти факты можно рассматривать как промежуточный этап в процессе уничтожения различий между вокализмом разных циклов.

3. Фонологического различия в вокализме слогов разных циклов не существовало никогда. В пользу этой гипотезы говорят только факты иноязычных транскрипций.

Однако в сущности ничто нам не мешает предположить, что различие в вокализме слогов малых циклов в языке "Вэньхая" было следствием стечения согласных в начале слога. Оно появлялось только в слогах со стечением согласных и отсутствовало в слогах с простой согласной. Тангутские

филологи, весьма часто подходившие к звуковому строю родного языка с позиций фонетики, могли учесть эти различия. Следствием этого явилось создание специальных рифм для слогов малых циклов. Кстати сказать, введение малых циклов значительно облегчило изложение консонантизма в "Вэнь-хае". Как свидетельствуют первые знаки фаньце, первые элементы стечений согласных были непрочными. В связи с этим классификация слогов по первым элементам стечений была бы слишком сложна. Различие в вокализме между слогами разных циклов стало исчезать по мере упрощения стечений согласных. Поэтому, вероятно, в тангутском языке конца XII в. вокализм слогов разных циклов не различался. Это обстоятельство отражено в китайской транскрипции.

Две последние гипотезы в конечном счете сводятся к одному и тому же. Поэтому в конце концов мы приходим к альтернативе: либо в тангутском языке конца XII в. существовало не отраженное в транскрипциях различие между вокализмом слогов разных циклов, либо такого различия не было вообще. Поскольку на нынешнем этапе исследований по тангутскому языку эта альтернатива не может быть достаточно твердо разрешена, мы будем считать, что точка под слогообразующим гласным в транскрипции слогов малых циклов может служить также и знаком некоторого возможного различия в вокализме.

Проблема реконструкции вокалических частей слогов тангутского языка имеет два независимых аспекта: реконструкция ауслаута и реконструкция сло-гообразующих гласных.

ПРОБЛЕМА АУСЛАУТА

Иноязычные транскрипции свидетельствуют, что в тангутском языке конца XII в. были возможны слоги, оканчивающиеся на сонант -п. Свидетельства транскрипций весьма противоречивы: в одной и той же рифме могут находиться слоги, которые иноязычные транскрипции трактуют как открытые, и слоги, которые иноязычные транскрипции трактуют как закрытые на -п. Это обстоятельство говорит о непрочности конечного согласного, передаваемого транскрипциями.

В тибетской транскрипции конечный согласный передается с помощью конечной -п .

Что касается китайской транскрипции, то выбор слогов, принимающих в ней участие, нам представляется не случайным. Естественно предположить, что автор "Перла" стремился пользоваться теми слогами, которые по своей структуре более всего приближаются к структуре тангутских (табл.5)

Таблица 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
東-江	屋-覺	魚-模 支-之	微-齊	佳-咍	真-痕	質-沒	寒-山	曷-鎋
1	13	43	19	17	2	18	5	15

10	11	12	13	14	15	16	17	18
先-仙	屑-薛	蕭-豪	歌-麻	陽-登	藥-德	尤-幽	侵-凡	緝-迄
4	10	5	27	62	38	12	2	6

В первой строке табл.5 указывается номер группы китайских рифм, во второй строке - знаки группы китайских рифм, в третьей - число китайских транскрипционных знаков, относящихся к соответствующей группе рифм.

В приведенной таблице распределения слогов китайского языка по рифмам "Гуаньюня" ясно отразился принцип подбора китайских слогов для транскрипции тангутского языка. Слоги с конечными носовыми относятся к рифмам: **東-江** (1-й столбец), **真-痕** (6-й столбец), **寒-山** (8-й столбец), **陽-登** (14-й столбец), **侵-凡** (17-й столбец). По частоте употребления слогов этих рифм можно заключить, что только китайские слоги, которые, согласно "Гуаньюню", относятся к рифмам **陽-登** (14-й столбец), соответствовали некоторому классу тангутских слогов. Употребление других китайских слогов с конечными носовыми носит случайный характер.

Значительный интерес в этом отношении представляет тангутская транскрипция китайских слогов "Перла". Тангутская транскрипция может быть как односложной, так и биномной. Известны три типа биномов, из которых два принадлежат к уже известным фаньце и эрхэ, в третьем начальный согласный второго знака бинома служит для обозначения конечного согласного транскрибируемого слога. Все китайские слоги, принадлежащие рифмам 東 - 江, транскрибируются только последним способом. Это означает, что слоги этого типа не могли быть транскрибированы по-тангутски с помощью одного слога. Во всех остальных случаях автор "Перла" находил в тангутском языке слоги, достаточно точно передающие китайские слоги с конечными носовыми. При этом очевидно, что тангутским закрытым слогам с конечным носовым более всего соответствовали китайские слоги 陽-登 (14-й столбец). В "Гуаньюне" конечные согласные рифм 真-痕 отличались от конечных согласных рифм 陽-登, но в том китайском диалекте, который лежал в основе транскрипций "Перла", они, по-видимому, не различались. Китайско-санскритское дхарани из Хара-Хото свидетельствует, что в том китайском диалекте, который оно представляет, конечные согласные слогов, принадлежащих рифмам 陽-登, в конце XII в. не произносились.

Однако одно обстоятельство заставляет нас полагать, что в нашем китайском диалекте слоги рифм 陽-登 в какой-то форме сохранили конечный носовой согласный или как минимум были назализованы. Китайские слоги указанных рифм обычно передаются по-тангутски одним слогом. Однако в тексте "Перла" имеется один пример, где конечный носовой согласный одного из таких слогов указывается специально. Чтение китайского иероглифа 網 передается по-тангутски биномом 穉𠵼. Лист, на котором находится эта транскрипция, не из тех изданий, откуда происходят листы с транскрипциями китайских слогов рифм 東-江, поэтому вполне возможно, что различие в транскрипции возникло по типографским причинам. Однако оно таково, что о нем следует сказать. Обычно биномные транскрипции в "Перле" печатаются в строку иероглифами одинакового размера. В нашем случае бином напечатан в столбец. При этом второй знак бинома вдвое меньше первого. Если различие в величине знаков и в расположении вызвано не

типографскими причинами, то интерпретация этих фактов может быть следующей: признак, передаваемый вторым элементом **歐**, менее интенсивен по сравнению с признаком, передаваемым вторым элементом **前**, обычным для биномов, транскрибирующих слоги рифм **東-江**.

Китайские слоги, принадлежащие рифмам **陽-登**, транскрибируют слоги далеко не всех тангутских рифм. Однако в тех рифмах, где они встречаются, обычно имеется некоторое количество транскрипций китайскими открытыми слогами. Исключение составляет рифма 15, где все транскрипционные знаки принадлежат китайским рифмам с конечными носовыми. Всякое скопление китайских транскрипционных знаков, принадлежащих рифмам **陽-登**, нам представляется не случайным. Это обстоятельство должно иметь непосредственную связь с характером ауслота слогов соответственных тангутских рифм. В сущности, если бы эти слоги были бы открытыми, они, вероятно, могли транскрибироваться соответствующими открытыми слогами китайского языка, как это наблюдается во многих других рифмах.

Приведенные факты говорят о том, что в тангутском языке существовали слоги с весьма непрочной конечной согласной -п или даже с назализацией. Тибетская транскрипция обычно не указывает конечного носового даже в тех случаях, когда китайская транскрипция свидетельствует о его наличии. При этом, судя по тому, что слоги одной и той же тангутской рифмы могут транскрибироваться как открытыми, так и закрытыми китайскими слогами, назализация тоже имела место не во всех случаях. У нас пока нет достаточных оснований говорить о фонологической иррелевантности назализации, однако факты транскрипций говорят о том, что в случаях одной и той же рифмы назализация могла присутствовать, но могла и отсутствовать. Может быть, в основе этой нестабильности лежит различие в окружении.

На основании иноязычных транскрипций мы реконструируем следующие тангутские рифмы как назализованные. Назализацию обозначим знаком -п, только для того чтобы не пользоваться диакритическими знаками.

Рифма 15 (15 I - 13 II) -en, , рифма 16 (16 I) -ēn, , рифма 25 (24 I - 22 II) -an, рифма 26 (25 I - 23 II) -ān, , рифма 27 (26 I - 24 II) -jan,

рифма 37 (36 I - 33 II) -ln, рифма 56 (54 I - 47 II) -on, , рифма 57 (55 I - 48 II) -ôn, рифма 58 (56 I - 49 II) -iôn, рифма 74 (71 I - 63 II) -on, рифма 75 (72 I - 64 II) -iôn, рифма 104 (96 I) -on рифма 105 (97 I) -iôn.

Иноязычные транскрипции некоторых групп рифм не отличаются друг от друга. Существуют два разных вида сходства: сходство соседних групп рифм и сходство групп рифм, принадлежащих разным циклам. В случае сходства транскрипций групп рифм, принадлежащих разным циклам, имеет место аналогия вокалических частей слогов разных циклов (в случае их различия) или их действительное тождество (в случае отсутствия различия).

Более интересным для исследования тангутской фонетики является сходство транскрипций соседних групп. Известно, что транскрипции групп 8-10 и 12-14, 17-19 и 20-21, 28-30 и 32-33 по существу тождественны. Это означает, что в конце XII в. слоги этих рифм либо не различались по своему фонемному составу, либо различались такими величинами, которые не могли учитываться в транскрипциях. Однако, независимо от того, существовало ли между слогами этих групп рифм различие в тангутском языке конца XII в., можно считать, что в языке "Вэньхая" они различались вполне определенно. Каким было различие, можно судить по старой тибетской транскрипции названия тангутов རྩོན་མོ་ལོ་ལོ་ . Н.А.Невский идентифицирует это название с иероглифами 𑖑𑖒𑖓¹ . Иероглиф 𑖒 принадлежит рифме 21 (21 I - 18 II) и согласно транскрипциям читается как n_lau² . Если идентификация верна, то очевидно, что в тангутском языке "Вэньхая" этот иероглиф мог иметь одно из следующих чтений: n_lag, n_lak, n_lax, n_la[?] . Следовательно, вокалические части слогов группы 20-21 отличались от вокалических частей слогов группы 17-19 наличием конечного согласного. Каким именно был этот согласный, сказать трудно, потому что тибетская транскрипция может относиться к намного более древнему периоду истории тангутского языка, чем тот, который отразился в языке "Вэньхая". Вероятно, так же различались слоги остальных пар соседних групп. Поскольку мы не распо-

¹ См. Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.38-39.

лагаем транскрипциями, синхронными с языком "Вэньхая", мы пока не в состоянии реконструировать соответствующие конечные согласные. Не различающиеся по транскрипциям группы рифм мы будем реконструировать одинаково. Более подробно мы будем говорить об этом в разделе о реконструкции простых гласных.

ПРОБЛЕМА ДИФТОНГОВ

Иноязычные транскрипции свидетельствуют о том, что в тангутском языке XII в. были возможны дифтонги. Среди китайских слогов, принимающих участие в транскрипции, мы находим слоги рифм 微-齊 (4-й столбец), 佳-咍 (5-й столбец), которые, согласно "Гуаньюню", содержали дифтонги. Однако санскритско-китайское дхарани из Хара-Хото свидетельствует, что в северо-западном диалекте среднекитайского языка, который представлен в нем, упрощение древних дифтонгов уже произошло. Вполне вероятно, что процесс упрощения дифтонгов имел место также и в том диалекте, который лег в основу китайско-тангутской транскрипции. О наличии этого процесса свидетельствует то, что китайские слоги, содержащие, согласно "Гуаньюню", дифтонги, иногда употребляются для транскрибирования тангутских слогов с простыми гласными. Несмотря на это, мы можем утверждать, что процесс упрощения дифтонгов в диалекте, лежащем в основе китайской транскрипции, еще не завершился. Основанием для такого утверждения может служить тот факт, что китайские слоги, содержащие, согласно "Гуаньюню", дифтонги, обычно транскрибируют тангутские слоги одних рифм и, как правило, не встречаются в транскрипциях других. Такая группировка транскрипционных знаков нам представляется не случайной. Видимо, при полном упрощении дифтонгов в указанном китайском диалекте имело бы место более или менее равномерное распределение китайских слогов с древними дифтонгами по различным тангутским рифмам.

Таким образом, мы можем говорить о существовании в тангутском языке конца XII в. дифтонгов. Однако на вопрос о том, что собой представляли тангутские дифтонги в это время, ответить весьма не просто. Дело в том, что иноязычные транскрипции, хорошо согласующиеся в отношении простых

гласных, плохо согласуются в отношении дифтонгов. Выше мы называли факты китайской транскрипции, на которых основывается утверждение о существовании дифтонгов в тангутском языке конца XII в. При этом следует заметить, что в китайской транскрипции были колебания по поводу трактовки дифтонгов. Так, например, иероглиф в одном издании "Перла" транскрибируется как , а в другом - как . Иначе говоря, в первом случае вокалическая часть этого слога трактуется как дифтонг, а во втором - как простой гласный.

Тибетская транскрипция трактует все гласные тангутского языка как простые. Этот факт заслуживает самого серьезного внимания, потому что в принципе проблема передачи дифтонгов средствами тибетского письма вполне разрешима. Для этого достаточно дать одной букве две огласовки. Пример такого рода будет приведен ниже. Поскольку в тибетских транскрипциях прибегают к этому способу только один раз, мы можем предполагать, что тангутские дифтонги были таковы, что для их передачи с помощью тибетской графики было достаточно простых гласных. Предположение относительно отсутствия в тангутском языке дифтонгов справедливо только в узком смысле, о котором будет сказано ниже. При условии безоговорочного утверждения относительно отсутствия в тангутском языке дифтонгов нам придется поставить под сомнение китайскую транскрипцию, которая во всех остальных случаях характеризуется достаточной точностью, и оставить без объяснений случай тибетской транскрипции с двумя огласовками.

Существуют два способа объяснения противоречий между китайской и тибетской транскрипциями дифтонгов тангутского языка.

Мы можем предположить, что транскрипции основываются на разных диалектах тангутского языка. Китайская транскрипция - на диалекте, где процесс упрощения дифтонгов не завершился, а тибетская транскрипция - на диалекте, где процесс упрощения дифтонгов пришел к концу.

Другим не менее вероятным предположением является следующее. Оба вида транскрипций основываются на одном и том же диалекте тангутского языка. Процесс упрощения дифтонгов в конце XII в. достиг такой стадии,

когда в слогах, которые, согласно "Вэньхаю", содержали в себе дифтонг, могло иметь место свободное чередование дифтонга и простого гласного. Поэтому, исходя из такого предположения, тангутские дифтонги можно реконструировать и как простые гласные. При этом фонологическому статусу соответствующих слогов не будет нанесен никакой ущерб. Таким образом, тибетская и китайская транскрипции стоят как бы на разных теоретических позициях по отношению к трактовке тангутских дифтонгов. Тибетская транскрипция занимает фонологическую позицию и поэтому передает только то, что совершенно необходимо для распознавания тангутского слога, а китайская транскрипция занимает фонетическую позицию и стремится передать даже те части вокализма слога, которые не были фонологически релевантны.

Ввиду того что нашей основной задачей является интерпретация фактов внутренних источников, мы должны будем рассматривать также и дифтонги. Реконструкция дифтонгов полезна не только потому, что **дает** более полное представление о фонетике тангутского языка конца XII в., но также и потому, что позволяет более точно интерпретировать рифмы "Вэньхая". Максимально подробная интерпретация рифм "Вэньхая" нам необходима для дальнейшей реконструкции тангутского вокализма начала XI в.

В зависимости от второго элемента дифтонги тангутского языка могут быть трех типов: дифтонги на $-i$, , дифтонги на $-ш$ и дифтонги на $-o$. Обозначение $ш$ принято для того чтобы подчеркнуть ослабленность дифтонгов. Было бы более правильно вместо i второй элемент дифтонгов первого типа обозначить как e , но, ввиду того что мы реконструируем дифтонг ei , где такое обозначение неудобно, мы оставляем i .

Дифтонги на $-i$ мы находим в группах рифм 34-36, 38-40, 41-43 большого цикла и в группах рифм 63-65, 68-70 I малого цикла.

Транскрипции тангутских слогов с дифтонгами зависят от дэна вокалической части слога. Указанные слоги первого дэна транскрибируются китайскими слогами, содержащими дифтонги на $-i$. Слоги второго дэна транскрибируются китайскими слогами как содержащими дифтонги, так и с простыми гласными типа E. Из указанных выше трех групп рифм боль-

шого цикла только в группе 34-36 слоги второго дэна транскрибируются китайскими слогами, содержащими дифтонги. Возможно, это обстоятельство обозначает, что в тангутском языке конца XII в. дифтонг группы 34-36 отличался от дифтонгов групп 38-40 и 41-43, несмотря на то что иноязычные транскрипции одинаково трактуют дифтонги этих трех групп.

Как уже отмечалось, тангутские рифмы расположены внутри циклов в соответствии со степенью подъема их слогообразующих гласных. На основании этой внутренней закономерности мы можем полагать, что первый элемент дифтонга группы 34-36 по своей артикуляции был выше первого элемента дифтонгов групп 38-40 и 41-43. Поскольку единственным звуковым типом тангутского дифтонга, указываемого китайской транскрипцией, является ai , мы полагаем, что первый элемент дифтонга группы 34-36 был e . На основании китайской транскрипции мы реконструируем рифму 34 как ei , рифму 35 - как $\hat{e}i$. Согласно китайским транскрипциям в рифме 36 дифтонга не было. Вероятно, в тангутском языке XII в. дифтонги в слогах третьего дэна упростились до простых гласных. Мы реконструируем эту рифму как ie . Описанное выше явление упрощения дифтонга в слогах третьего дэна наблюдается также в китайском языке: во многих современных диалектах слоги, которые в среднекитайском представляли собой третий дэн слога с дифтонгом, содержат простой гласный, между тем как слоги первого дэна продолжают сохранять дифтонг. Не исключено, что в тангутском языке имело место аналогичное явление: в языке "Вэньхая" рифма 35 читалась как iei , а в конце XII в. - как ie .

Группы 38-40 и 41-43 не отличаются друг от друга по транскрипциям. Это означает, что в тангутском языке конца XII в. вокалические части соответствующих групп уже не различались. Как и в случае группы 34-36, во втором дэне имеет место ослабление дифтонга по сравнению с первым, а в третьем дэне вокалических частей слогов этой группы дифтонги упростились. На основании китайской транскрипции мы реконструируем рифмы 38 и 41 как ai , рифмы 39 и 42 - как $\hat{a}i$, рифмы 40 и 43 - как ie .

Между рифмами рассмотренных трех групп существует тесная связь,

засвидетельствованная во внутренних источниках. Уже в языке "Вэньхая" различие между этими группами рифм было весьма невелико. Об этом говорят следующие два случая. В фаньце двух групп рифмы 39 в качестве второго знака выступает 靜, принадлежащий рифме 35. В первом издании "Гомофонов" слоги 廷 и 蕤, образующие в "Вэньхэе" группу рифмы 41, объединены со слогами рифмы 34 (33 I - 30 II). Очевидно, что в языке "Вэньхая" эти рифмы чем-то отличались друг от друга. Это отличие, вероятно, заключалось в конечном согласном, который к концу XII в. был утерян. Можно высказать некоторые соображения по поводу характера этого согласного. Как нам представляется, единственным конечным согласным, который можно трактовать как нуль конечного согласного, является гортанная смычка. Поэтому не исключено, что в языке "Вэньхая" вокалические части рифм 38-40 отличались от вокалических частей рифм 34-37 наличием на конце гортанной смычки.

Приведенные факты убеждают в том, что в языке "Вэньхая" вокализм этих трех групп рифм не различался. Различие вокализма, отмечаемое в транскрипциях - результат последующего развития.

Дифтонги на -i встречаются также и в I малом цикле. Рифмы группы 63-64, судя по транскрипциям, являются аналогами рифм группы 38-40 или 41-43. Поэтому мы реконструируем их как ai, ie. Судя по транскрипциям, рифмы группы 68-70 являются аналогами рифм группы 34-36. Поэтому мы их реконструируем как ei, êi, je.

Дифтонги на -ш мы находим в группах рифм 22-24, 44-47, 48-49 большого цикла и в рифме 94 II малого цикла. Транскрипции тангутских слогов с дифтонгами на -ш зависят от дэна вокалической части слога. Слоги с указанными дифтонгами, принадлежащие к первому и третьему дэнам, транскрибируются китайскими слогами, содержащими дифтонги аш или эш. Слоги второго дэна обычно транскрибируются китайскими слогами, где, согласно "Гуаньюню", содержатся простые гласные. При этом мы не можем исключить возможности того, что в диалекте, который лежит в основе китайской транскрипции, эти простые согласные были дифтонгами.

Китайские транскрипции тангутских слогов рифмы 22 свидетельствуют о том, что вокалическая часть этих тангутских слогов должна представлять собой дифтонг типа аш. Его можно реконструировать и как эш - иноязычные транскрипции дают основание и для такой реконструкции. Мы реконструируем его как аш только для того, чтобы показать его связь с предшествующими рифмами. Транскрипция слогов рифм 23 и 24 говорит о наличии в этих рифмах вокалических частей второго дэна, состоящих из простых гласных. Пока мы не можем объяснить в этом случае причину изменения обычной структуры группы рифм, но, вероятно, это изменение - результат развития тангутского языка после составления "Вэньхая". Другим изменением, которое мы можем истолковать уже сейчас, является транскрипция рифмы 21. Как уже отмечалось выше, группа 20-21 рассматривается как группа с простым слогаобразующим гласным. Однако это справедливо только по отношению к слогам рифмы 20, образующим первый дэн этой вокалической части. Китайские транскрипции слогов рифмы 20 свидетельствуют о наличии простого гласного. Рифма 21 этой группы, содержащая вокалическую часть третьего дэна, транскрибируется китайскими слогами, содержащими дифтонги *jaщ-jэш*. Выше было показано, что в языке "Вэньхая" эта группа рифм, вероятно, характеризовалась наличием конечного смычного согласного. Следовательно, наличие дифтонга в вокалической части рифмы 21 - вторичное явление, вызванное отпадением конечного согласного.

Это значит, что нам полезно различать вообще два типа дифтонгов: дифтонги первичные, которые, вероятно, существовали еще в языке "Вэньхая", и дифтонги вторичные, которые появились в результате отпадения некоторых конечных согласных.

Судя по расположению, группы 20-21 и 22-24 различались в "Вэньхае" только конечным согласным. После отпадения конечных согласных простой слогаобразующий гласный перешел в дифтонг только в слогах рифм 21 и 22. Видимо, в первой группе конечный согласный способствовал переходу в дифтонг слогов третьего дэна, а во второй группе способствовал переходу в дифтонг слогов первого дэна. В результате отпадения конечных согласных в вока-

лических частях рифм 20-21 и 22-24 произошла следующая перегруппировка вокалических частей тангутского языка конца XII в. Группа 20-21 оказалась распределенной между двумя соседними группами: слоги рифмы 20 слились со слогами рифмы 17, а слоги рифмы 21 стали третьим дном вокалической части рифмы 22.

Дифтонги групп 44-47 и 48-49, вероятно, относятся к числу первичных, потому что следуют непосредственно после дифтонгов на *-i*. Иноязычные транскрипции слогов этих групп не отличаются друг от друга. Это обстоятельство дает нам основание предполагать, что в тангутском языке XII в. эти группы слогов не различались. Тибетская транскрипция свидетельствует о несколько более высокой артикуляции слогаобразующих гласных этих слогов по сравнению со слогами, рассмотренными выше. Поэтому мы реконструируем слогаобразующий гласный групп 44-47 и 48-49 как *еш*. . . Согласно китайским транскрипциям рифма 94 II малого цикла представляет собой аналог рифмы 44 или 48 большого цикла. Предшествующая ей рифма 93 образует особую группу. Транскрипции слогов, входящих в эту рифму, свидетельствуют о наличии в них гласного типа *Э*. Не исключено, что в языке "Веньхая" рифма 93 была дифтонгом типа *еш* или *эш*, который в тангутском языке конца XII в. перешел в простой гласный. Основанием для такого предположения является следующее структурное соображение. В большом цикле между группами звукового типа *Э* и *О* расположены группы с дифтонгами в вокалической части, следовательно, мы имеем право ожидать то же и во II малом цикле.

Дифтонг *ош* мы обнаруживаем в группе 54-55 большого цикла. Этот дифтонг был, видимо, наиболее слабым из всех дифтонгов на *ш*. Китайская транскрипция, указывающая нам на существование этого дифтонга, весьма непоследовательна. Возможно, что дифтонг *ош* был вторичным, образовавшимся в результате отпадения конечного согласного, имевшего место в группе 54-55 в языке "Веньхая".

Дифтонг *ио* мы обнаруживаем в рифмах 59 и 60 большого цикла, а также в группах 95-96 и 97-98 II малого цикла. Китайские транскрипции слогов этих групп предписывают с помощью специального диакритического зна-

ка чтение медиали -w- в тех слогах, которые, согласно внутренним источникам, не имели этой медиали. С помощью диакритического знака 合, видимо, изображался первый элемент дифтонга, т.е. u-. Тибетская транскрипция колеблется между огласовками ~ и √. Чтение вокалической части слога 𑄎 передается с помощью двух огласовок: 𑄎'. Иноязычные транскрипции слогов рифм 59 и 60 не отличаются друг от друга. Возможно, что в языке "Вэньхая" слоги рифмы 60 имели конечный согласный. Группы 95-96 и 97-98 II малого цикла были аналогами соответственно рифм 59 и 60 большого цикла. Поэтому мы реконструируем вокалические части рифм 95 и 97 как ɰo, а вокалические части рифм 96 и 98 - как ɰo¹.

ПРОСТЫЕ ГЛАСНЫЕ

В большом цикле тангутских рифм простые гласные располагаются в следующем порядке: u, e, i, a, ə, I, o. Эта последовательность начинается с губного плоскошелевого и завершается губным плоскощелевым. Остальные гласные располагаются в порядке ряда и подъема: сначала идут гласные переднего ряда -e, i, a, а затем гласные центрального ряда -ə и I (по поводу знака I более подробно будет сказано ниже). Поскольку o представляет собой гласный заднего ряда, можно также считать, что этот гласный включен в общую последовательность нелабиализованных гласных. Этот порядок расположения свидетельствует о том, что и в классификации гласных тангутские филологи придерживались строго артикуляционного принципа, общего с принципом классификации согласных: на первое место в классификации ставить те звуки, которые артикулируются губами, и располагать остальные по мере их удаления.

В классификации гласных положение i и I несколько особое: они располагаются не перед гласными своего ряда, где они должны находиться как наиболее высокие, а после рифмы, представляющей собой третий дэн первого гласного каждого ряда. Подробнее об этом будет сказано ниже.

¹ Ввиду недостаточного количества транскрипций рифму 98 реконструируем условно.

В большом цикле имеются четыре группы рифм звукового типа U : группа 1-2, группа 3, группа 4, группа 5-7. На основании иноязычных транскрипций мы реконструируем гласный слогов этих групп как *u*. Следует оговориться, что в некоторых случаях иноязычные транскрипции указывают на отличие гласного группы 1-2 от гласных остальных групп. Однако в целях упрощения транскрипции есть смысл дать общую реконструкцию всем группам этого звукового типа¹. Аналогом группы 1-2 во II малом цикле является группа 80-81. Аналогом группы 5-7 в I малом цикле является группа 61-62. Гласные этих групп мы реконструируем как *u*².

Первое издание "Гомофонов" объединяет одну группу слогов рифмы 3 с переднеязычным начальным согласным и одну группу с губным начальным согласным с соответствующими группами рифмы³. Это значит, что в начале XII в. гласный рифмы 3 был настолько близок к *iu*, что в некоторых случаях они не различались.

Китайская транскрипция рифмы 3 неоднородна по своей принадлежности к дэнам. Транскрипция тангутских слогов с губными смычными начальными согласными осуществляется китайскими слогами первого дэна, а транскрипция остальных - слогами третьего дэна. Непоследовательность в китайской транскрипции слогов рифмы 3 может быть объяснена следующим образом. Слогообразующий гласный этой рифмы по степени подъема соответствовал *iu*, но по дистрибутивной характеристике был гласным первого дэна, поскольку в тангутском языке "Вэньхая" он мог сочетаться с губными смычными и свистящими. Это значит, что в языке "Вэньхая" гласный рифмы 3 представлял собой лабиализованный передний *Y*. В дальнейшем его дистрибутивные свойства изменились: он утратил способность сочетаться с губными смычными и, вероятно, со свистящими. Это обстоя-

¹ См. М.В.Софронов, Е.И.Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.83-86.

²См. М.В.Софронов, Е.И.Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.101.

³ См. Наст.издание т.2, стр.62-63, 99-100.

тельство сразу же поставило его в один ряд с третьим дэном гласной *u*. В результате рифма 3 распалась: слоги с губными смычными и свистящими вошли, вероятно, в рифму 5, а слоги с остальными начальными согласными - в рифму 7.

Иноязычная транскрипция слогов рифмы 4 сходна с транскрипциями слогов рифм 1 и 5. Рифма 4 весьма мала по своему составу. Имеется лишь несколько транскрипций, на основании которых невозможно установить, как произносился гласный этой рифмы в конце XII в. - как *u* или как *ш*. Гласный рифмы 4 мы условно реконструируем как *u*.

На основании структурных соображений можно высказать гипотезу относительно строения звукового типа *U* в языке "Вэньхая". Нетрудно заметить, что строение звукового типа *U*, реконструируемого на основании иноязычных транскрипций, значительно отличается от строения остальных звуковых типов. Если предположить, что в языке "Вэньхая" строение звукового типа *U* было точно таким же, что и строение остальных звуковых типов, то мы должны считать, что в тангутском языке "Вэньхая" был только один гласный *u*. Гласный *Y* является аналогом *i* в звуковом типе *E* и аналогом *i* в звуковом типе *Э*. Вокалическая часть слогов рифмы 4 должна представлять собой сочетание *u* с конечным шумным согласным, а вокалические части слогов группы 5-7 должны представлять собой сочетание *u* с конечным сонантом *-n*. После отпадения конечных согласных группа 5-7 приобрела чтение *u*. Отпадение конечного *-n* привело также к тому, что слоги рифмы 7 перестали отличаться от слогов рифмы 3. Результатом этого было разложение рифмы 3, о котором говорилось выше.

В большом цикле имеются две группы звукового типа *E*, содержащих простые гласные: 8-10 и 12-14. Иноязычные транскрипции слогов рифм ничем не отличаются друг от друга¹. Из этого следует, что в тангутском языке конца XII в. вокалические части слогов этих групп рифм уже не различались. Вероятно, в языке "Вэньхая" слоги группы 12-14 имели конечный

¹ См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.86-88.

согласный. На основании иноязычных транскрипций мы реконструируем вокалическую часть рифм 8 и 12 как e , вокалическую часть рифм 9 и 13 - как \hat{e} , вокалическую часть рифм 10 и 14 - как $\underset{\cdot}{i}e$.

Аналогами рассмотренных группы большого цикла являются группы 82-84 II малого цикла и 99-100 III малого цикла¹. Особенностью структуры группы 82 - 84 II малого цикла является то, что в ней имеются две рифмы третьего дэна. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что в языке "Вэньхая" рифма 84 представляет собой аналог рифмы 14, т.е. сочетание $\underset{\cdot}{i}e$ с конечным согласным. Поэтому мы реконструируем вокалическую часть слогов рифмы 82 как e , а вокалическую часть слогов рифм 83 и 84 - как $\underset{\cdot}{i}e$. На основании иноязычной транскрипции реконструируем вокалическую часть слогов рифмы 99 как e , а вокалическую часть слогов рифмы 100 - как $\underset{\cdot}{i}e$.

Поскольку порядок звуковых типов в малых циклах должен быть таким же, как и в большом, мы должны были ожидать в группе 63-64 звуковой тип E. В пользу этого же обстоятельства свидетельствует и тот факт, что звуковой тип следующей за этой группой рифмы представляет собой I. Однако иноязычные транскрипции говорят о том, что слоги этой группы содержали дифтонг (см. выше). Отсюда мы должны сделать вывод, что дифтонг этой группы рифм представляет собой вторичное явление. Поскольку, как было показано, вторичные дифтонги образуются в слогах, имеющих конечный согласный, мы можем предположить, что в языке "Вэньхая" вокалическая часть слогов этой группы рифм состояла из простого гласного и конечного шумного согласного.

В большом цикле имеются три группы рифм звукового типа А, содержащие простые гласные или дифтонг: 17-19, 20-21, 22-24. Иноязычные транскрипции слогов первых дэнов групп 17-19 и 20-21 ничем не отличаются друг от друга². Выше было показано, что в языке "Вэньхая" слоги групп

¹См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.107.

²См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.88-90.

20-21 и 22-24 имели конечные согласные, которые уже не сохранились в тангутском языке конца XII в. При этом простой гласный третьего дэна рифмы 19 и простой гласный группы 22-24 перешли в дифтонг, однако не исключено, что дифтонг, отмечаемый в транскрипциях, был переходным явлением в эволюции закрытого слога к открытому.

Группы 66-67 I малого цикла и 85-87 II малого цикла являются аналогами группы 17-19 большого цикла¹. В языке "Вэньхая" различие между вокалическими частями слогов групп 66-67 и 85-87 было минимальным или, может быть, его не существовало вообще. Об этом свидетельствует то, что второй знак фаньце для одной группы слогов рифмы 66 (именно - 63 I) взят из рифмы 85 (именно - 80 I). В соответствии с данными внутренних источников и иноязычной транскрипции реконструируем гласные рифм 66 и 85 как а , гласные рифмы 86 - как â , гласные рифм 67 и 87 - как ia .

Вокалические части слогов группы 88-89 являются аналогами группы 20-21 большого цикла, потому что транскрипция разных дэнов этой группы не отличается от транскрипции группы 20-21².

В большом цикле имеются две группы звукового типа Ә . Иноязычные транскрипции слогов групп 28-30 и 32-33 ничем не отличаются друг от друга³. Это означает, что в тангутском языке конца XII века вокалические части слогов этих групп произносились одинаково. Вероятно, в языке "Вэньхая" слоги группы 32-33 имели конечный согласный, который уже не сохранился в тангутском языке конца XII века.

Группа 90-92 II малого цикла является аналогом группы 28-30 или 32-34 большого цикла⁴. О тождестве вокалических частей некоторых слогов указанных аналогических групп свидетельствует первое издание "Гомофо-

¹ Там же, стр.102-103, 108.

² Там же, стр.89, 108-109.

³ Там же, стр.91-93.

⁴ См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.91-92, 109.

нов", где слоги рифмы 92 (именно - 86 I) в одном случае объединяются со слогами рифмы 33 (именно - 32 I)¹.

Исходя из предположения, что порядок звуковых типов в малых циклах должен быть таким же, как и в большом, мы должны ожидать в группе 71-72 I малого цикла дифтонг на -ш . Однако иноязычная транскрипция указывает на наличие простого гласного типа Э . Примечательно, что первое издание "Гомофонов" также трактует гласный этой рифмы как простой гласный типа Э . В первом издании "Гомофонов" слоги рифмы 92 (именно - 86 I) в одном случае объединяются со слогами рифмы 72 (именно - 69 I)². Это означает, что у части слогов рифмы 72 дифтонг произносился как простой гласный уже в начале XII в. Иноязычная транскрипция свидетельствует о том, что в конце XII в. вокалическая часть слогов группы 71-72 представляет собой простой гласный э .

В большом цикле имеются две рифмы звукового типа I, встречающиеся только в первом дэне. Они образуют самостоятельные группы, состоящие из одной рифмы. Рифма этого звукового типа следует непосредственно за группой, содержащей гласный наибольшего подъема в своем ряду. Так, гласный переднего ряда i расположен непосредственно после группы гласного переднего ряда e, а гласный центрального ряда I расположен непосредственно после группы гласного центрального ряда э . Собственно говоря, гласный рифмы 31 должен в точности соответствовать русскому "ы". Мы пользуемся знаком I только для того, чтобы сохранить единую основу транскрипции.

Судя по иноязычной транскрипции, гласные рифмы 64 I малого цикла и рифмы 101 III малого цикла являются аналогами рифмы 31 большого цикла³. Трудно сказать, как обстояло дело в языке "Веньхая", потому что структур-

¹ См. М.В. Софронов, Грамматика тангутского языка, кн.2, стр.190, 200.

² Там же, стр.197, 200.

³ См. М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.92, 111-112.

ные соображения позволяют реконструировать их как \dot{i} и как $\dot{!}$. Поскольку иноязычные транскрипции указывают звуковой тип $\dot{!}$, мы реконструируем произношение гласного рифм 65 и 101 в конце XII в. как $\dot{!}$.

В большом цикле имеются две группы рифм звукового типа \dot{O} : группа 50 и группа 51-53. Вокалическая часть рифмы 50 принадлежит третьему дэну. Это обстоятельство нам представляется странным. Одно из возможных объяснений этого факта приведено в "Исследованиях по фонетике тангутского языка"¹. С другой стороны, этот факт можно объяснить тем, что, может быть, в языке "Вэньхая" рифма 50 не относилась к звуковому типу \dot{O} . На основании иноязычных транскрипций реконструируем вокалическую часть рифмы 50 как $\dot{i}o$. На основании иноязычных транскрипций реконструируем вокалическую часть группы рифм 51-53 как o .

Рифма 73 I малого цикла является аналогом рифмы 51 большого цикла. Поэтому мы реконструируем ее как o . В III малом цикле аналогом группы 51-53 является группа 102-103. Мы реконструируем эти рифмы соответственно как o и $\dot{i}o$.

Рифмы большого цикла²

1. (1 I-1 II)	u	u	12. (12 I-11 II)	$e+c$	e
2. (2 I-2 II)	$\dot{i}u$	$\dot{i}u$	13. (13 I)	$\hat{e}+c$	\hat{e}
3. (3 I-3 II)	Y	$\dot{i}u$	14. (14 I-12 II)	$\dot{i}e+c$	$\dot{i}e$
4. (4 I-4 II)	$u+c$	u	15. (15 I-13 II)	en	en
5. (5 I-5 II)	un	n	16. (16 I)	$\hat{e}n$	$\hat{e}n$
6. (6 I)	$\hat{u}n$	\hat{u}	17. (17 I-14 II)	a	a
7. (7 I-6 II)	$\dot{i}un$	$\dot{i}n$	18. (18 I-15 II)	\hat{a}	\hat{a}
8. (8 I-7 II)	e	e	19. (19 I-16 II)	$\dot{i}a$	$\dot{i}a$
9. (9 I-8 II)	\hat{e}	\hat{e}	20. (20 I-17 II)	$a+c$	a
10. (10 I-9 II)	$\dot{i}e$	$\dot{i}e$	21. (21 I-18 II)	$\dot{i}a+c$	$\dot{i}a\dot{c}$
11. (11 I-10 II)	i	i	22. (22 I-19 II)	$a+c$	$a\dot{c}$

¹ М.В. Софронов, Е.И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, стр.98.

² Арабские цифры в скобках обозначают номера рифм; римские цифры обозначают тоны по "Вэньхаю". После скобок следует две реконструкции: языка "Вэньхая" и языка конца XII в.

23. (20 II)	â + c	âш	42. (41 I-36 II)	ai + c	ai
24. (23 I-21 II)	ia + c	iaш	43. (42 I-37 II)	iai + c	ie
25. (24 I-22 II)	an	an	44. (43 I-38 II)	eu	eu
26. (25 I-23 II)	ân	ân	45. (44 I-39 II)	êш	êш
27. (26 I-24 II)	ian	ian	46. (45 I-40 II)	iew	iew
28. (27 I-25 II)	ə	ə	47. (46 I)	iew	iew
29. (28 I-26 II)	ê	ê	48. (41 II)	əш	əш
30. (29 I-27 II)	iə	iə	49. (47 I)	iəш	iəш
31. (30 I-28 II)	I	I	50. (48 I)	?	io
32. (31 I)	ə + c		51. (49 I-42 II)	o	o
33. (32 I-29 II)	iə + c	iə	52. (50 I-43 II)	o	o
34. (33 I-30 II)	ai	ei	53. (51 I-44 II)	io	io
35. (34 I-31 II)	ai	ei	54. (52 I-45 II)	o + c	ow
36. (35 I-32 II)	iai	iei	55. (53 I-46 II)	io + c	iow
37. (36 I-33 II)	In	In	56. (54 I-47 II)	on	on
38. (37 I-34 II)	ai + c	ai	57. (55 I-48 II)	on	on
39. (38 I)	ai + c	ai	58. (56 I-49 II)	ion	ion
40. (39 I-35 II)	iai + c	ie	59. (57 I)	iuo	iuo
41. (40 I)	ai + c	ai	60. (50 II)	iuo + c	iuo

Рифмы I малого цикла

61. (58 I-51 II)	u	u	69. (66 I-59 II)	ai	ei
62. (59 I-52 II)	iu	iu	70. (67 I-60 II)	iai	iei
63. (60 I-53 II)	?	ai	71. (68 I)	?	ə
64. (61 I-54 II)	?	ie	72. (69 I-61 II)	?	iə
65. (62 I-55 II)	?	I	73. (70 I-62 II)	o	o
66. (63 I-56 II)	a	a	74. (71 I-63 II)	on	on
67. (64 I-57 II)	ia	ia	75. (72 I-64 II)	ion	ion
68. (65 I-58 II)	ai	ei	76. (65 II)		

Рифмы II малого цикла

77. (73 I-66 II)	?	ai	87. (82 I-74 II)	ia	ia
78. (67 II)	?	ai	88. (83 I)	a + c	aш
79. (74 I-68 II)	?	ie	89. (75 II)	ia + c	iaш
80. (75 I-69 II)	u	u	90. (84 I-76 II)		
81. (76 I-70 II)	iu	iu	91. (85 I)	ə	ə
82. (77 I-71 II)	e	e	92. (86 I-77 II)	iə	iə
83. (78 I)			93. (87 I-78 II)	eш	eш
84. (79 I-72 II)	ie + c	ie	94. (88 I-79 II)	əш	əш
85. (80 I-73 II)	a	a	95. (89 I-80 II)	uo	uo
86. (81 I)	â	â	96. (90 I-81 II)	iuo	iuo

Рифмы III малого цикла

99. (84 II)	e	e	103. (95 I)	i ^o	i ^o
100. (92 I-85 II)	ie	ie	104. (96 I)	on	on
101. (93 I-86 II)	i	i	105. (97 I)	ion	ion
102. (94 I)	o	o			

ФОНЕМЫ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

В разделе о фонетической реконструкции мы обнаружили на основании внутренних источников следующие согласные тангутского языка:

p	t	k	ʔ
ph	th	kh	
	ts		
	tsh		
	tś		
	tśh		
v	lh		x
	s		
	ś		
m	n	ŋ	
mb	nd		
	ndz		
	ndź		
w	l	r	
	ld		
		j	
		j'	
		l	
	z		

К приведенным согласным, которые реконструируются в тангутском языке, можно было присоединить также pz и pž, о которых свидетельствует китайская транскрипция. Однако в этот список включать их нецелесообразно, потому что эти согласные не отражены во внутренних источниках.

Установление согласных фонем начнем с определения позиционных вариантов. "Вэньхай" и фонетические таблицы достаточно убедительно показывают, что v, tś, ś, ndź представляют собой позиционные варианты соответственно p, ts, s, ndz.

С вокалическими частями слогов первого дэна сочетаются p, ts, s, ndz, а с вокалическими частями слогов третьего дэна — соответственно v, tś, ś, ndź. Вокалические части слогов второго дэна представляют собой промежуточный случай: с ними могут сочетаться p, tś, ś, ndź. Однако ни в одном дэне при одной и той же медиали второго рода не могут одновременно встречаться p и v, ts и tś, s и ś, ndz и ndź. В дальнейшем мы будем рассматривать v как позиционный вариант p, tś — как позиционный вариант ts, ś — как позиционный вариант s, ndź — как позиционный вариант ndz.

В тангутском языке конца XII в. различается семь локальных классов согласных фонем: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, гортанные, сибилантные, латеральные.

Класс губных фонем: /p, ph/ и /w/.

Класс переднеязычных фонем: /t, th, nd, n/.

Класс среднеязычных фонем: /j, j̄, ɟ̄ /.

Класс заднеязычных фонем: /k, kh, ŋ/.

Класс гортанных фонем: /ʔ / и /x/

Класс сибилантных фонем: /ts, tsh, ndz, s, nz, ž/.

Класс латеральных фонем: /l, ld, lh/

Согласные фонемы тангутского языка характеризуются набором модальных признаков, указывающих на вид преграды и способ ее преодоления воздушным потоком. Модальные признаки образуют основу фонологических оппозиций, образующих систему фонем.

Модальные признаки могут быть признаками двух степеней.

Модальные признаки первой степени указывают способ преодоления преграды. Для тангутской фонологической системы релевантны следующие модальные признаки первой степени: смычность, фрикативность, сонантность.

Противопоставление смычность-фрикативность проходит по локальным классам сибилантных, латеральных и заднеязычных. Так, в классе сибилантных мы находим противопоставление / ts-s /, в классе латеральных - / l-lh /, в классе заднеязычных - / k-x /. Последнее противопоставление является натяжкой, потому что, как известно, тангутские филологи относят / x/ к классу гортанных, а не заднеязычных. Однако гоморганным щелевым, соответствующим гортанной смычке, должен быть звук, образованный воздушной струей, проходящей через суженную щель между голосовыми связками. Такой звук совершенно не свойствен синитическим языкам, поэтому нам кажется более предпочтительным противопоставить фонеме / k / фонему / x/.

Противопоставление смычность-сонантность также проходит по всем локальным классам согласных фонем, кроме класса гортанных и заднеязычных. Так, в классе губных мы находим противопоставление / p-w /, в классе переднеязычных - / t-l /, в классе сибилантных - / ts-ʒ /. В классе переднеязычных / t / и / l / в действительности представляют собой крайние члены тройной градуальной оппозиции / t-ld-l / по степени сонантности. Согласный / t / характеризуется нулевой сонантностью, полусонант / ld / - неполной сонантностью, а / l / - полной сонантностью.

Для тангутской фонологической системы релевантны следующие модальные признаки второй степени: придыхательность и напряженность.

Противопоставление придыхательность-непридыхательность проходит по всем локальным классам согласных фонем, кроме класса гортанных. В классе губных мы находим противопоставление / p-ph /, в классе переднеязычных - / t-th /, в классе сибилантов- / ts-tsh /, в классе заднеязычных - / k-kh /.

Противопоставление напряженность-ненапряженность имеет место только в классе палатальных. Сонанты / j, j', ɟ / образуют тройную градуальную оппозицию по признаку напряженности. Как уже говорилось, эти фонемы вы-

полняют исключительно важную функцию, обуславливая дэн вокалической части слога. Артикуляционно они отличаются друг от друга только высотой подъема спинки языка, однако, поскольку эти фонемы не могут различаться как гласные по высоте подъема, можно говорить только о различной силе преграды и соответствующей ей интенсивности воздушного потока. Поэтому / j / третьего дэна можно противопоставить / j / второго дэна по признаку напряженности. Однако при этом немедленно возникает проблема / ɿ /, которая относится явно к тому же ряду, что и рассматриваемые / j / и / j' /. Было бы нелогично относить / ɿ / к числу гласных, потому что тангутские медиали образуют единое функциональное целое. Поэтому единственным выходом из создавшегося положения является создание градуального противопоставления по интенсивности признака напряженности. Из функций медиали -ɿ- вытекает, что положение языка при произнесении было наиболее низким по сравнению с остальными двумя. Поэтому мы имеем право полагать, что / ɿ / характеризуется минимумом напряженности, / j / характеризуется максимумом напряженности, а / j' / занимает промежуточное положение.

Для тангутского языка релевантно также противопоставление по резонансным признакам фонем, что означает противопоставление согласных, артикулируемых только в ротовой полости, согласным, при артикуляции которых включается носовая полость. В зависимости от того, как включается носовая полость, различаются носовые и полуносовые фонемы. При этом назальные корреляции тангутского языка проходят по всем локальным рядам, за исключением гортанного: / p - mb - m /, / t - nd - n /, / k - ŋ /, / ts - ndz /.

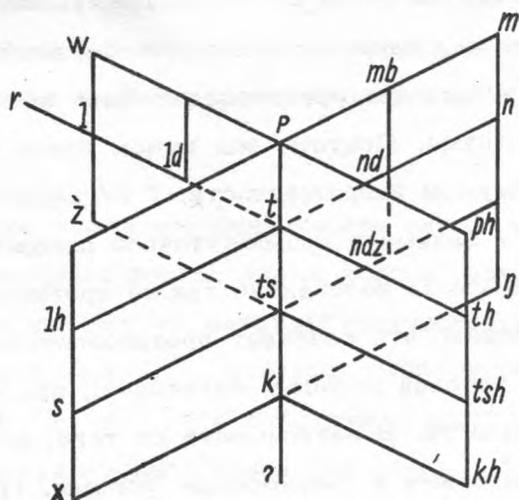
Приведенные здесь трехчленные корреляции можно рассматривать как градуальные противопоставления по признаку назальности. Смычный характеризуется нулем назальности, у полуносового назальность представлена частично и соответствующий сонант характеризуется максимальной назальностью.

Согласные фонемы тангутского языка распадаются на две связанные подсистемы.

Одна из них представляет собой четырехмерную систему, образованную противопоставлениями: смычность-фрикативность, смычность-сонантность, при-

дыхательность-непридыхательность, назальность-неназальность. Нетрудно заметить, что смычные образуют ось этой системы, поскольку именно они противопоставляются остальным согласным по указанным признакам. Интересно отметить, что эта система не оставляет места для фонемы /nz /, которая была реконструирована на основании китайской транскрипции. В самом деле, полученная система не предусматривает противопоставления фрикативных по признаку назальности. Вероятно, соответствующие китайские транскрипции описывали варианты фонемы / ndz /. Первая подсистема согласных фонем может быть представлена схематически (схема 3).

Схема 3

Вторая подсистема представляет собой **тройное** градуальное противопоставление / j - j^h - j^l /, основанное на признаке напряженности. Вторая подсистема логически может быть противопоставлена первой по признаку напряженности: признаки, лежащие в основе первой подсистемы, безразличны к напряженности или отсутствию напряженности, между тем как для второй подсистемы напряженность представляет собой релевантный признак.

ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Построение системы гласных фонем связано со значительно большими трудностями, чем построение системы согласных, в связи с тем, что нам до

сих пор остается неясным статус гласных тангутских слогов малых циклов в конце XII в. Как уже отмечалось, китайская транскрипция не различает гласных различных циклов как и вообще циклов, между тем как тибетская транскрипция выделяет два последних малых цикла, но только по консонантизму. Таким образом, при реконструкции гласных тангутского языка конца XII в. нельзя быть уверенным в том, что иноязычные транскрипции передают все признаки тангутских гласных. Однако для нынешних практических целей эта степень точности транскрипции нам представляется достаточной.

В тангутском языке конца XII в. различаются следующие локальные классы гласных фонем: передние, задние, средние, лабиализованные, нелабиализованные. По локальным или тембровым признакам нелабиализованные гласные противостоят лабиализованным, а нелабиализованные в свою очередь противопоставляются друг другу по положению языка.

С локальной классификацией тесно связана классификация по степени раствора или полнозвучности гласных фонем. В тангутском языке гласные фонемы располагаются по трем ступеням этого признака:

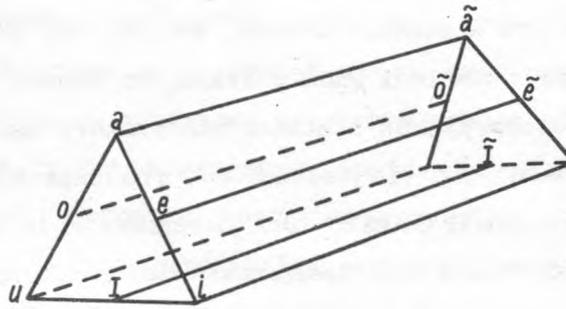
		а	
	о	э	е
и		і	ї

Отсюда видно, что гласная максимальной степени раствора / а / стоит вне противопоставления по локальным признакам.

При противопоставлении по локальным признакам гласные крайних рядов могут противопоставляться только по признаку лабиализации, а гласные среднего и нелабиального ряда — по положению языка.

Тангутские гласные характеризуются также резонансным признаком назальности. Признак назальности распространен во всех локальных классах и всех ступенях раствора.

Таким образом, система гласных тангутского языка образует трехмерную систему, основанную на трех противопоставлениях: по тембру, по раствору и по назальности (схема 4).

Дифтонги тангутского языка могут быть восходящими: /uo/ и нисходящими: /аш, еш, эш, ош, аі, еі / . Дифтонги могут быть включены в систему гласных по локальному признаку: /еі / и /эш/ войдут в класс передних, /аі, аш / - в класс задних нелабиализованных, /uo / и /ош / - в класс задних лабиализованных, /эш / - в класс средних. Однако по признаку рас-
твора включить их в общую систему невозможно.

Глава III

МОРФОЛОГИЯ

В разделе морфологии мы рассмотрим принципы сложения морфем - минимальных значимых единиц языка - и образование лингвистических единиц более высокого уровня, т.е. слов.

МОРФЕМЫ

С количественной стороны морфема тангутского языка характеризуется тем, что обычно состоит из одного слога и обозначается на письме с помощью одного иероглифа: 天 *mə'* "небо", 家 *mje'* "дом", 走 *siə'* "уходить", 快 *nda'* "быстрый, спешный" и т.п. Морфемы, состоящие из двух или большего числа слогов, представляют собой заимствования: из санскрита, например: 舍利弗 *su² t' r̥iə'* "сутра", или из китайского языка, например: 瓦瓶 *phi¹ s̥ei²* "корзина".

С качественной стороны морфемы тангутского языка делятся на два класса: знаменательные и служебные.

Знаменательные морфемы тангутского языка характеризуются двумя свойствами: собственным значением и принадлежностью к определенному грамматическому классу. Собственное значение морфемы - это некоторая единица плана содержания, соответствующая этой морфеме. Принадлежность к определенному грамматическому классу образует внутреннюю форму

морфемы. Внутренняя форма может иметь различный характер. В одних случаях морфема принадлежит одному и только одному грамматическому классу. В таких случаях просто бывает известно, что морфема 走 *ndzei*² имеет значение "действие, поступок" и относится к грамматическому классу существительного, а морфема 能 *ndzie*² имеет значение "действовать, поступать" и принадлежит грамматическому классу глагола. Морфемы, принадлежащие к одному и тому же классу, характеризуются определенным окружением. В других случаях одна и та же морфема может встречаться в различных окружениях, характерных для разных грамматических классов. Про такие морфемы можно сказать, что их внутренняя форма вариантна. Но в этой вариантности имеются определенные закономерности. В тангутском языке нет морфем, которые бы могли принадлежать к любому грамматическому классу, поэтому по поводу каждой морфемы можно сказать, что она принадлежит к двум или большему числу определенных грамматических классов. Естественно, что при конкретном употреблении морфемы в составе некоторого высказывания морфема принадлежит только к одному грамматическому классу, который всегда можно определить по ее окружению. Вариантность внутренней формы морфемы несколько усложняет грамматическое описание, но не делает его менее адекватным. Можно указать две возможные трактовки вариантности внутренней формы, зависящие от точки зрения на характер упорядочения морфем. В том случае если морфемы будут упорядочены некоторым способом, отличным от упорядочения по грамматическим классам, например алфавитным, каждая морфема помимо указания своего основного значения получит указание на принадлежность к грамматическому классу - одному или нескольким. Если же морфемы будут упорядочиваться по грамматическим классам - и в этом случае указание на принадлежность к классу как бы выносится за скобки, - одна и та же по своему фонологическому составу морфема будет находиться одновременно в одном или в нескольких грамматических классах. Каждый из этих способов упорядочения имеет свои достоинства и недостатки, которые проявляются на более высоком уровне формализации грамматического описания, чем

тот, на котором находится грамматическое описание тангутского языка.

В дальнейшем при изложении морфологии тангутского языка нам придется пользоваться понятием грамматического класса морфем. Несколько предвосхищая последующее изложение, скажем, что состав грамматических классов морфем тангутского языка ничем не отличается от состава грамматических классов слов. Поэтому грамматические классы морфем будут выделены одновременно с грамматическими классами слов. Сейчас мы ограничимся тем, что укажем на существование в тангутском языке следующих классов морфем: именные, глагольные, качественные, наречные, числительные, морфемы-заместители.

Служебные морфемы тангутского языка характеризуются тремя свойствами: собственным значением, способом сочетания со знаменательными морфемами и соотносительностью со знаменательными морфемами одного или большего числа определенных грамматических классов.

Собственное значение служебной морфемы — это некоторое реляционное значение, которое устанавливается между лингвистическими единицами различных уровней. Оно регулярно возникает при наличии данной служебной морфемы.

С позиционной точки зрения сочетание служебных морфем со знаменательными может проходить различными способами: служебная морфема может находиться либо перед лингвистической единицей, к которой относится, либо же после нее. Способность находиться всегда перед или всегда после некоторой лингвистической единицы представляет собой существенную характеристику служебной морфемы тангутского языка. Во всяком случае невозможно назвать ни одной служебной морфемы, которая была бы способна находиться в любой из указанных позиций, сохраняя при этом свое значение. Как нам представляется, существенным является не только способ, но также и сила связи служебной морфемы со знаменательной. Сочетание служебной морфемы со знаменательной будет сильной, если служебная морфема не может быть отделена от нее никакой другой знаменательной или служебной морфемой. Сочетание будет слабым, если служебная морфема может быть отделена от нее какой-нибудь знаменательной или служебной морфемой. По-

нятие слабой связи весьма неопределенно и включает в себя довольно разнообразные случаи. Служебные морфемы тангутского языка, характеризующиеся слабой связью, могут быть, правда, весьма приблизительно, классифицированы дополнительно, в зависимости от того, какого рода морфемы могут быть поставлены между ними и соответствующими знаменательными морфемами. Совершенно очевидно, что наиболее слабой связью целесообразно считать такую, при которой между служебной и соответствующей знаменательной морфемой может стоять лингвистическая единица любого класса и любого уровня, а наименее слабой целесообразно считать такую, при которой между служебной и соответствующей знаменательной морфемой может стоять либо служебная морфема, либо знаменательная морфема, принадлежащая определенному грамматическому классу.

В зависимости от способа и силы сочетания мы назовем все служебные морфемы тангутского языка суффиксами, префиксами и т.п. Суффиксами мы будем называть служебные морфемы, всегда находящиеся после знаменательной морфемы, с которой связаны, и характеризующиеся либо сильной, либо наименее слабой связью. Префиксами мы будем называть служебные морфемы с такими же свойствами, но стоящие всегда перед знаменательной морфемой. Следует сразу же оговориться, что сильная связь служебной морфемы со знаменательной бывает довольно редко, чаще всего имеет место наименее слабая связь. Так, например, падежные суффиксы тангутского языка стоят непосредственно после существительного, но в том случае, если существительное сочетается с прилагательным (которое, как будет более подробно сказано ниже, стоит после существительного), падежные суффиксы стоят после прилагательного. Если при этом напомнить об абсолютных употреблениях падежных суффиксов, становится ясно, что падежные суффиксы могут относиться как к отдельному существительному, так и к целой синтагме. Глагольные суффиксы и префиксы тангутского языка чаще всего характеризуются наименее слабой связью со знаменательными морфемами. Но при этом между ними и знаменательными морфемами могут быть поставлены другие приглагольные служебные морфемы. Так, например, если при глаголе

с префиксом имеется отрицание, то отрицание ставится между префиксом и знаменательной глагольной морфемой. Таким образом, грамматическое оформление тангутских глаголов не является синтагматическим.

Союзы тангутского языка характеризуются своей преимущественной синтагматичностью – они относятся к синтагмам в целом. И даже в тех случаях, когда они относятся к отдельной морфеме, в действительности каждый раз речь идет о синтагме, выраженной отдельной морфемой. Аналогично суффиксам и префиксам союзы тангутского языка могут находиться как перед синтагмой, к которой относятся, так и после нее.

Говоря о служебных морфемах, мы до сих пор исходили из того, что в тангутском языке как бы имеются морфемы чисто служебные и чисто знаменательные. В действительности дело обстоит несколько сложнее: наряду с чисто служебными морфемами имеется некоторое количество служебных морфем, которые могут выступать также и как знаменательные. Количество этих морфем сравнительно невелико. Поскольку все они при употреблении в служебном значении стоят после связанных с ними знаменательных морфем, мы назовем их послелогом.

При сочетании служебных морфем тангутского языка со знаменательными каждая служебная морфема сочетается с одним или несколькими классами знаменательных морфем и не сочетается с остальными. Это обстоятельство дает возможность не только различать классы знаменательных морфем, но также и различать классы морфем служебных. Так, например, служебные морфемы, употребляющиеся только при существительных, образуют класс приименных морфем, служебные морфемы, употребляющиеся при глаголе и прилагательном, образуют класс припредикативных морфем, и т.п.

Помимо деления морфем тангутского языка на знаменательные и служебные имеет место также деление на независимые и зависимые морфемы. Независимая знаменательная морфема – это такая морфема, которая может употребляться как самостоятельно, так и в составе многосложного слова. Зависимая морфема – это морфема, которая может употребляться только в составе многосложного слова. Так, морфема 鹿 ni' "ухо" является независи-

мой, потому что может употребляться как самостоятельно, так и в составе многосложных слов, между тем как морфема **鹿** *sɿwl¹* "ухо" является зависимой, потому что встречается только в составе сложного слова **鹿** *nu¹ sɿwl¹* "ухо".

По поводу отношения тангутской иероглифической письменности к разговорному тангутскому языку можно сказать немного. Наиболее существенным фактом, очевидным уже на нынешнем уровне исследования, является то, что тангутский иероглиф в одних случаях мог соответствовать более чем одной морфеме, а в других случаях одна морфема могла обозначаться более чем одним иероглифом.

Примером первого рода может служить фраза со стр.33 "Перла": **鹿** *riē¹ .ie² phi¹* "Коня оседлать вели", где морфема **鹿** *.ie²* "седло" употребляется в глагольном значении "оседлать" и транскрибируется по-китайски с помощью иероглифа **易**. На той же странице того же издания "Перла" морфема **鹿** *.ie²* "седло" выступает в составе сложного слова **鹿** *riā² .ie²* "кавалерийское седло" и транскрибируется по-китайски с помощью иероглифа **依**. Такое различие в транскрипции, видимо, не случайно и отражает различие в чтении иероглифа **鹿** *.ie²*, которое может иметь место только при условии, если этот иероглиф обозначает две разные морфемы.

Примером второго рода может служить числительное "шесть". Морфема "шесть" тангутского языка обозначается иероглифом **六** *tshiew*, однако в "Вэньхае" в той же группе содержится второй иероглиф - **訖**, который имеет то же самое значение. Из этого следует, что одна и та же числительная морфема обозначается двумя разными иероглифами. Одно из возможных объяснений этого факта может состоять в том, что наряду со "строчными" обозначениями числительных в тангутском языке аналогично китайскому существовали "прописные" обозначения. Однако это объяснение видимо, неверно, потому что такого рода факт имеет место только при числительном "шесть".

Таковы основные особенности морфемы тангутского языка, которые

было необходимо изложить, прежде чем перейти к изложению собственно морфологии.

Основным принципом морфологии тангутского языка является сложение морфем. В результате сложения двух или большего числа морфем образуется сложное слово.

Различаются следующие способы сложения морфем: сложение двух или более знаменательных морфем, сложение знаменательной морфемы со служебной, сложение знаменательной морфемы с самой собою (редупликация). В результате сложения двух нетождественных по фонологическому составу знаменательных морфем образуется знаменательное сложное слово. В результате сложения знаменательной морфемы со служебной возможны два случая: образуется либо новое слово, либо форма слова. Новые слова образуются с помощью словообразовательных служебных морфем, новые формы слова образуются с помощью формообразовательных морфем. При сложении двух служебных морфем (известны лишь случаи сложения синонимичных служебных морфем) образуется сложное служебное слово. Редупликация в тангутском языке служит главным образом целям формообразования. Более подробно об этом будет сказано в разделе о редупликации.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН НАРИЦАТЕЛЬНЫХ

СЛОЖЕНИЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ МОРФЕМ

Морфемы, образующие сложное слово, могут обладать различными семантическими характеристиками: они могут быть синонимичными, антонимичными, несинонимичными. Сознвая всю расплывчатость такого рода определений, мы все же не можем обойтись без них — лучше заведомо несовершенная классификация, чем полное ее отсутствие по причине неопределенности исходных понятий. Указанная выше семантическая характеристика морфем, образующих сложное слово, оказывает влияние на его формальную характеристику — на принадлежность слова к тому или иному грамматическому

классу. При этом все проблемы, возникающие при классификации морфем по грамматическим классам, остаются в силе при такой же классификации слов.

Другим обстоятельством, оказывающим влияние на свойства сложного слова, является принадлежность морфем к тому или иному грамматическому классу. При сложении синонимичных и антонимичных морфем бывает обязательным требование, чтобы морфемы принадлежали к одному и тому же классу. В случае сложения несинонимичных морфем такое требование необязательно.

В результате сложения двух синонимичных именных морфем образуются двусложные существительные, например: 娣地 *ldiə' ndziəw'* (земля + земля) "земля", 法教 ? *gai'* (канон + канон) "канон, сутра", 身體 *liwu kwə'* (тело + тело) "тело", 衫衣 *lhwi' ngwi'* (одежда + одежда) "одежда".

В результате сложения двух синонимичных глагольных морфем образуются двусложные глаголы, например: 行度 *ndzia' ndziəi'* (ходить + ходить) "ходить", 爱爱 *ndu' viə'* (любить + любить) "любить", 选择 *tsiə' ngiə'* (выбирать + выбирать) "выбирать".

В результате сложения двух синонимичных качественных морфем образуется двусложное прилагательное, например: 笨笨 *wei' phu'* (глупый + глупый) "глупый", 宽宽 *ldə'* ? (широкий + широкий) "широкий", 筋筋 *u' iə'* (усталый + усталый) "усталый".

В результате сложения двух антонимических морфем образуются двусложные существительные независимо от того, к какому грамматическому классу относятся морфемы, образующие их. Этим способом образуются абстрактные или родовые понятия. Такие существительные могут состоять: из двух именных морфем, например: 天地 *mə' ldiə'* (небо + земля) "мир, природа", 父亲 *viə' ma'* (отец + мать) "родители", 左环 *ldiə'* ? (лево + право) "окружение", из двух качественных морфем, например: 多寡 *gai' zə'* (много + мало) "количество", 矮高 *mbln'* (низкий + высокий) "высота", 真假 *ziə'* ? (истинный + ложный) "положение вещей".

Когда в одном сложном слове соединяются несинонимичные и неанто-

нимичные морфемы, они могут принадлежать к разным грамматическим классам.

Синтагматические отношения между морфемами сложных слов тангутского языка не отличаются от синтагматических отношений между единицами более высоких уровней, о чем речь пойдет далее. Синтагматические отношения между синонимичными и антонимичными морфемами, образующими сложное слово, можно определить как констелляцию, поскольку ни одна из морфем не детерминирует другую. По причинам, о которых будет сказано ниже, назовем такую констелляцию аппозитивной.

Поскольку сложные слова, о которых пойдет речь ниже, состоят из несинонимичных и неантонимичных морфем, то в дальнейшем мы не будем специально оговаривать семантическую характеристику этих сложных слов.

Если сложное слово рассматриваемого типа состоит из двух именных морфем, то отношения между ними следует определить как констелляцию, поскольку ни одна из морфем не детерминирует другую. Однако, поскольку содержательно отношения между этими морфемами можно охарактеризовать как атрибутивные, назовем такую констелляцию атрибутивной. Первая морфема такого сложного слова указывает на качества или свойства предмета, обозначенного второй морфемой. Собственно говоря, было бы, может быть, более правильно сказать, что первая морфема указывает на некоторую предметную область, к которой относится предмет, обозначенный второй морфемой. При этом морфемы могут образовывать слово, значение которого очевидно из значений составляющих морфем, например: 諸 濶 *tshwu' ma'* (небо + река) "млечный путь", 海 玢 *ngôn² nie²* (море + жемчужина) "жемчуг", но в некоторых случаях сложное слово может иметь метафорическое значение, не вытекающее из значений составляющих морфем, например: 腦 腦 *ngln' no²* (лошадь + мозг) "агат", 西 腦 *lie² mə'* (запад + небо) "Индия", 龍 腦 *we¹ no²* (дракон + мозг) "камфара".

Если сложное слово рассматриваемого типа состоит из двух глагольных морфем, то отношения между ними можно также определить как атрибутивную констелляцию: первая морфема указывает на некоторый атрибут

действия, обозначенного второй морфемой, например: 葷齊託 $lɪn^1 \cdot ʃə^1$
(изменять + делать) "переделывать" 數交 ? sew^2 (пояснять + говорить)
"истолковывать".

Если сложное слово рассматриваемого типа состоит из именной и последующей за ней глагольной морфемы, то отношения между ними можно определить как детерминацию, поскольку глагольная морфема детерминирует наличие именной. Содержательно эта детерминация характеризуется комплексностью, т.е. именная морфема такого сложного слова представляет собой либо объект, либо орудие действия, обозначенного глагольной морфемой, например: 葷交 $nga^1 mbɿu^2$ (войско + вести) "полководец, военачальник", 葷交 $nɿe^1 kai^2$ (сердце + желать) "желать всем сердцем", 葷交 $nɿe^1 lɿ^2$ (сердце + радоваться) "радоваться всем сердцем", 葷交 $niu^1 ni^2$ (ухо + слышать) "слушать".

Если сложное слово рассматриваемого типа состоит из именной и последующей за ней качественной морфемы, то отношения между ними можно определить как детерминацию, поскольку качественная морфема детерминирует наличие именной. Содержательно такая детерминация характеризуется атрибутивностью, т.е. качественная морфема указывает на признак предмета, обозначенного именной морфемой. При этом морфемы могут образовывать сложное слово, значение которого вытекает из значений составляющих морфем, например: 葷解 $khə^2 pɦɿn^1$ (рис + белый) "очищенный рис", 葷交 $ndwu^2 nɿaw^2$ (бобы + черный) "черные бобы", но в некоторых случаях сложное слово может иметь метафорическое значение, не вытекающее из значений составляющих морфем, например: 葷交 $viə^1 sei^1$ (цветок + чистый) "лотос".

СЛОЖЕНИЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ МОРФЕМ СО СЛУЖЕБНЫМИ

В тангутском языке имеется довольно значительное количество словообразовательных суффиксов, которые характеризуются как значением, так и соотносительностью с определенным грамматическим классом.

Суффикс 葷 $ɿei^2$ сочетается с непереходными глагольными морфемами. С помощью этого суффикса образуются отглагольные существитель-

ные со значением места, где совершается действие; обозначенное глагольной морфемой, или же существительные с абстрактным значением, представляющие собой просто название действия, например: 坐 $ndzu^2$ "сидеть" - 坐鼓 $ndzu^2 \quad t\dot{c}ei^2$ "сидение", 逐 $nd\dot{z}ie^1$ "жить" - 逐鼓 $nd\dot{z}ie^1 \quad t\dot{c}ei^2$ "жилище", 妮 $n\dot{l}wi^2$ "мочь" - 妮鼓 $n\dot{l}wi^2 \quad t\dot{c}ei^2$ "возможность".

Суффикс 毓 $ldem^2$ сочетается с переходными глагольными морфемами. С помощью этого суффикса образуются отглагольные существительные со значением объекта действия; указанного глагольной морфемой, например: 整 $thw\dot{a}^1$ "жечь" - 整毓 $thw\dot{a}^1 \quad ldem^2$ "топливо", 麓 $ngwi^2$ "надевать" - 麓毓 $ngwi^2 \quad ldem^2$ "одежда", 蕻 $phie^1$ "распоряжаться, посылать" - 蕻毓 $phie^1 \quad ldem^2$ "слуга, посыльный", 霞 $vi\dot{e}^1$ "любить" - 霞毓 $vi\dot{e}^1 \quad ldem^2$ "любимец".

Суффикс 毓 si^2 сочетается с переходными глагольными морфемами. С помощью этого суффикса образуются отглагольные существительные со значением орудия действия, указанного глагольной морфемой, например: 敲 $ts\dot{l}wu^1$ "бить в барабан" - 敲毓 $ts\dot{l}wu^1 \quad si^2$ "барабанные палочки", 彀 "ловить" - 彀毓 si^2 "силки".

Суффикс 毓 twu^1 сочетается как с глагольными, так и с качественными морфемами. В сочетании с глагольными переходными морфемами этот суффикс аналогично 毓 $ldem^2$ обозначает объект действия, указанный глагольной морфемой, например: 霞 $vi\dot{e}^1$ "любить" - 霞毓 $vi\dot{e}^1 \quad twu^1$ "любимец". В сочетании с непереходными глагольными и всеми качественными морфемами этот суффикс аналогично 鼓 $t\dot{c}ei^2$ обозначает место, где протекает действие, указанное глагольной морфемой, или место которое характеризуется признаком, указанным качественной морфемой, например: 籍 ni^1 "жить, находиться" - 籍毓 $ni^1 \quad twu^1$ "жилище, местонахождение", 尾 $mbln^2$ "высокий" - 尾毓 $mbln^2 \quad twu^1$ "высота". Существительные с суффиксом 毓 twu^1 отличаются от существительных с суффиксом 鼓 $t\dot{c}ei^2$ прежде всего тем, что образуют вполне независимые существительные. Как будет показано ниже, существительные с суффиксом 鼓 $t\dot{c}ei^2$ чаще всего употребляются вместе с вспомогательными глаголами и поэтому носят своего рода причастный оттенок, чего нельзя сказать о существительных с суффиксом 毓 twu^1 .

Суффикс $\text{疼 } m_1e^2$ сочетается с глагольными морфемами. С помощью этого суффикса образуются отглагольные имена деятеля, например: $\text{孩 } s_1e^2$ "знать" - $\text{孩疼 } s_1e^2 m_1e^2$ "мудрый", $\text{斂 } s_1on^1$ "заниматься земледелием" - $\text{斂疼 } s_1on^1 m_1e^2$ "земледелец", $\text{堯 } liwu$ "обманывать" - $\text{堯疼 } liwu^1 m_1e^2$ "обманщик", $\text{翻 } kwie^1$ "воровать" - $\text{翻疼 } kwie^1 m_1e^2$ "вор", $\text{拏 } lwə^2$ "продавать" - $\text{拏疼 } lwə^2 m_1e^2$ "продавец", $\text{較 } zia^2$ "покупать" - $\text{較疼 } zia^2 m_1e^2$ "покупатель".

Суффикс $\text{福 } s_1io^1$ сочетается с непереходными глагольными и качественными морфемами тангутского языка. При сочетании с глагольными морфемами образуются имена деятеля, например: $\text{斂 } .a^2$ "следовать" - $\text{斂福 } .a^2 s_1io^1$ "тот, кто следует, член свиты". При сочетании с качественными морфемами образуются существительные, обозначающие лицо, обладающее качеством, указанным в качественной морфеме: $\text{孛 } ndziwu^2$ "гуманный", $\text{孛福 } ndziwu^2 s_1io^1$ "гуманист".

Мы далеки от мысли, что приведенные выше суффиксы составляют полный список суффиксов тангутского языка. Естественно, что и значения этих суффиксов определены лишь в первом приближении. Однако уже на нынешнем уровне исследований по тангутской грамматике можно сказать, что значения некоторых таких суффиксов, как $\text{斂 } t_1ei^2$ и $\text{孛 } ldəw^2$, выходит за пределы словообразования. Исследование их значения или значений должно стать существенной частью синтаксиса.

О словообразовательных префиксах тангутского языка можно сказать очень немного. Видимо, в целом этот способ словообразования не был свойствен тангутскому языку. Единственное, что можно как-то связать со словообразовательной префиксацией, - это префикс $\text{斂 } a^1$, который сочетается, насколько нам известно, только с терминами родства, например: $\text{斂斂 } a^1 pa^1$ "отец", $\text{斂斂 } a^1 ma^1$ "мать", $\text{斂斂 } a^1 ko^1$ "старший брат", $\text{斂斂 } a^1 tsa^1$. В сущности мы имеем право думать, что этот префикс является формообразовательным. Ввиду того, что мы находим его только при терминах родства, можно предположить, что он представляет собой оценочный префикс и обозначает либо ласкательность либо почтительность. Поэтому вопрос о словообразовательных префиксах тангутского языка остается открытым.

Термин "собственные имена", который мы используем здесь, означает как имена людей, так и топонимы, гидронимы и т.п. В этом разделе мы попробуем остановиться на некоторых закономерностях, согласно которым создаются разного рода собственные имена тангутского языка.

Собственные имена возникли из необходимости индивидуального наименования людей или предметов неживой природы, которые имели существенное значение в общественной жизни людей. В тангутском языке, как, вероятно, и в любом другом, имеется два источника пополнения собственных имен: усвоение иноязычного названия и создание собственно тангутского. Различие между ними состояло лишь в том, что в одном случае содержание наименования обозначало только, допустим, название горы или реки, а в другом случае содержание наименования было шире и могло соответствовать каким-то признакам обозначаемого, например, про гору - "острая", про реку - "быстрая" и т.п.

Собственные имена тангутов состоят из двух частей. Первая часть - родовое имя. В тангутском языке существовало сравнительно небольшое число родовых имен или фамилий, перечисленных в особом списке. Закономерностей в построении родовых имен установить не удается. Это обстоятельство, видимо, вызвано тем, что эти имена представляют собой какие-то древние слова тангутского языка. Относительно их собственных значений все тангутские словари не говорят ни слова. Единственным видом пояснения, которое имеется в тангутских словарях, является пояснение "собственное имя". Количественный состав родового имени тангутского языка более или менее постоянен: имя состоит чаще всего из двух морфем и в редких случаях из одной. Вторая часть собственного имени человека - личное имя - также состоит из двух морфем. Это имя всегда значимо, и это значение понятно любому, говорящему по-тангутски. Особых закономерностей в образовании личных имен не существует. Единственно, что можно о них сказать с некоторой достоверностью, - они состоят из двух или иногда из трех качественных морфем или сочетания качественной морфемы с именной.

Закономерности образования остальных собственных имен тангутского языка более очевидны и легко поддаются описанию. Поскольку большинство собственных имен тангутского языка образовано из общепонятных морфем, то при именовании возникает неоднозначность ("острая" - название качества и "острая" - название горы). Эта неоднозначность преодолевается с помощью именных морфем, которые можно рассматривать как своего рода суффиксы, служащие для образования собственных имен.

При изучении географических названий тангутского языка следует различать два ряда названий: названия административных единиц и названия естественных объектов неживой природы. Названия административных единиц образуются с помощью сочетания именной или качественной морфемы, собственно являющейся названием некоторой административной единицы, с морфемами 國 *lhjə²* "государство", 州 *tsjieu¹* "округ", 城 *we²* "город", 木 *vju²* "деревня". Названия объектов неживой природы образуются с помощью сочетания именной или качественной морфемы, собственно являющейся названием этого объекта, с морфемами 山 *ngə¹* "гора", 谷 *ju¹* "долина" и т.п. При образовании гидронимов особое внимание уделяется величине объекта: названия больших рек образуются с помощью морфемы 大 *ldu¹*, а названия малых рек - с помощью 水 *siwa¹*.

Аналогично образуются названия растений, цветов, плодов: названия деревьев - с помощью морфемы 樹 *si¹* "дерево", названия цветов - с помощью морфемы 花 *vja¹* "цветок", названия плодов - с помощью морфемы 果 *ma¹* "плод".

Замечанием о собственных именах мы заканчиваем раздел о словообразовании в тангутском языке. Многосложные слова тангутского языка образуются одним из трех перечисленных выше способов.

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ

Согласно данному выше определению, формообразованием мы считаем любое сочетание знаменательной морфемы или слова со служебной несловообразующей морфемой. Закономерности таких сочетаний составят содержание

раздела о формообразовании. С точки зрения грамматики морфемы и слова тангутского языка интересны не со стороны их индивидуальных особенностей, а со стороны особенностей, присущих значительному количеству морфем и слов. Иначе говоря, занимаясь формообразованием, нельзя пройти мимо проблемы грамматических классов морфем и слов. Более того, выделение такого рода классов становится предварительным условием изучения формообразования и в конечном счете парадигматики.

Грамматические классы морфем и слов образуются из языковых единиц, которые обнаруживают одинаковые свойства в речевой последовательности. Обнаружить одинаковые свойства в речевой последовательности — это значит сочетаться с одними и теми же определенными служебными морфемами. Так, например, все слова и морфемы тангутского языка, характеризующиеся склонением, т.е. способные сочетаться со служебными морфемами, которые мы интерпретируем как падежные суффиксы, образуют грамматический класс существительных. Этот класс противопоставляется всем остальным классам, не способным сочетаться с указанными служебными морфемами. Грамматические классы могут быть общими и частными. Члены частных грамматических классов характеризуются большим количеством признаков по сравнению с членами общих грамматических классов.

Грамматические классы тангутского языка выделяются на основании дистрибутивных признаков, проявляющихся в окружении морфем и слов. Различается левое и правое окружение морфемы или слова. Выражения "левое" и "правое" употребляются здесь терминологически. Ввиду того что в разных видах письменности направление письма может быть различным, левым окружением условно принято считать морфему или слово, предшествующее в речевом потоке изучаемой морфеме или слову, а правым окружением — последующую морфему или слово. Для различных классов левое и правое окружение имеет разное значение. Так, часть грамматических классов тангутского языка характеризуется с помощью правого окружения, т.е. суффиксацией, другая часть классов характеризуется обоими видами окружения, т.е. как префиксами, так и суффиксами. В тангутском языке отсутствуют граммати-

ческие классы, которые характеризовались бы только левым окружением, т.е. исключительно префиксацией.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Грамматический класс существительного тангутского языка представляет собой множество языковых единиц, состоящих из одной или более знаменательных морфем или сочетания знаменательной морфемы со словообразовательным суффиксом. Содержательно существительное характеризуется предметностью значения.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Характерной особенностью тангутского языка, как, впрочем, и других языков аналогичной типологической характеристики, является то, что существительное в тангутском языке обозначает не единичный предмет, а всю совокупность предметов, имеющих такое название. Различие между тангутским и европейскими языками в этом отношении можно легко показать на следующем примере. Когда мы по-русски говорим "конь имеет четыре ноги", то существительное единственного числа "конь" формально обозначает один предмет, хотя в действительности имеет значение множественного числа "кони" или "любой конь". Иначе говоря, в этом случае связь между обозначающим "конь" и обозначаемым в точности такая же, как и в тангутском языке. Поскольку высказывание "кони имеют четыре ноги" равносильно приведенному выше, можно сказать, что в русском языке (а также и во многих европейских) имеет место некоторый класс случаев употребления существительных, где характеристика именной морфемы с точки зрения числа является избыточной. Поскольку в тангутском языке класс таких случаев достаточно широк, характеристика именной морфемы с точки зрения числа оказалась избыточной: в одних случаях соотнесенность с одним предметом или с их совокупностью не является существенной, в других случаях соотнесенность бывает очевидной из ситуации или из контекста. Недостаток такого способа обозначения состоит в том, что индивидуальность предметов, входящих в обозначаемое, недостаточно учитывается. Для уравновешения системы множественного числа в тангутском языке имеется служебная морфема pl^2 ,

которая употребляется для образования множественного числа существительных, обозначающих некоторые индивидуальные предметы или такие предметы, численная характеристика которых важна для говорящего. Ясно, что эта морфема употребляется при существительных, обозначающих лиц, и при местоимениях. Таким образом, мы имеем право рассматривать существительные, обозначающие лиц, как особый подкласс существительного, дистрибутивно характеризующийся тем, что в их правом окружении может находиться служебная морфема **被** ni.

Следует отметить, что в буддийских сочинениях этот суффикс встречается не только при существительных, обозначающих лиц, но также и при других существительных. Однако, мы думаем, что из этих фактов пока что нельзя делать сколько-нибудь ответственных выводов, потому что во всех случаях этот суффикс представляет собой соответствие китайскому **等**, который в свою очередь во многих случаях представляет собой следствие буквализма в переводе с санскрита.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ЧЛЕН

Выше уже упоминалось, что в силу указанной специфики обозначения числа существительного истинное значение числа (в тех случаях, когда это бывает необходимо) устанавливается в определенном контексте. При этом происходит следующее: существительное тангутского языка, не имеющее никаких показателей множественности, в одних контекстуальных условиях со всей очевидностью соотносится с одним предметом, а в других случаях — с несколькими предметами. Во всех тех случаях, когда происходит соотношение с одним предметом, всегда указывается некоторый конкретный единичный предмет, принимающий участие в ситуации. Однако в тангутском языке предусматриваются такие случаи, когда необходимо бывает специально указать не на конкретный индивидуальный предмет, а на любой индивидуальный предмет из множества, соответствующего некоторому означаемому. Такого рода указание осуществляется с помощью служебной морфемы **箇** ngl², которая находится в правом окружении именной морфемы. Связь этой морфемы с существительным слаба, потому что между ними может быть постав-

лено прилагательное, относящееся к существительному. Наличие этой служебной морфемы указывает на то, что говорящий имеет в виду не какой-то конкретный индивидуальный предмет, обозначенный этим существительным, а любой предмет множества, обозначенного этим существительным, но непременно рассматриваемый индивидуально, например: **孩散度河情庸所形影** (В III 342н) $\lambda i e' \quad t h a^2 \quad n b i^2 \quad n g l^2 \quad l d i e^2 \quad n l n^2 \quad . l n' \quad n d a^2 \quad . l'$ "В это время приходит некий великий сановник и говорит князю". Ввиду того что служебная морфема **河** $n g l^2$ по своим функциям соответствует неопределенному артиклю европейских языков, назовем ее неопределенным членом. Членную форму могут иметь все существительные тангутского языка, исключая существительные, обозначающие разного рода абстрактные понятия, существительные обозначающие пространственные отношения, а также единицы измерения.

СЧЕТНЫЕ СЛОВА

Существительное тангутского языка сочетается с числительным особым образом: при подсчете разного рода предметов в тангутском языке пользуются специальными счетными словами в зависимости от того, к какой предметной области относится этот объект, или от того, какой внешней формой он обладает. Аналогичное явление наблюдается и в русском языке, где говорят: "пять голов скота", "три пары брюк" и т.п. Тангутский язык отличается от русского тем, что счетные слова имеют здесь большее распространение. Однако было бы ошибочным утверждать, что при любом сочетании существительного с числительным имеет место то или иное счетное слово. Возможно, что частота употребления счетных слов во многом зависела от характера текста. В буддийских текстах, которые имеются в нашем распоряжении, счетные слова употребляются сравнительно редко и поэтому существительные в таких текстах сочетаются с числительными непосредственно, однако в других текстах, например в переводах китайских классиков, они встречаются значительно чаще, но и в этом случае не при всех сочетаниях существительного с числительным. Вероятно, чаще всего счетные слова употреблялись в разговорном языке.

Числительное всегда находится в левом окружении счетного слова, а сочетание числительного со счетным словом находится справа от существительного. Рассмотрим некоторые счетные слова тангутского языка, которые удалось обнаружить в прочитанных текстах.

Счетные слова употребляются при подсчете:

靴 *pai²* - удлиненных предметов, например: **靴靴靴** *mbei' a' pai²* "одно копьё", **靴靴靴靴** *so' .a² ldiē' pai²* "тридцать стрел";

靴 *ngu²* - предметов вооружения, например: **靴靴靴** *l² a² ngu²* "один лук", **靴靴靴靴靴** *ko' so' .a² tshiew' ngu²* "тридцать шесть колесниц";

靴 *ndzu²* - разного рода строительных сооружений, например: **靴靴靴** *i' mje' a' ndzu²* "один монастырь";

靴 *kho¹* - всего того, что является результатом речевой деятельности человека - фраз, песен, стихов и т.п., например: **靴靴靴** *kja² a' kho¹* "одна песня", **靴靴靴** *nda² a' kho¹* "одно слово";

靴 *thiu¹* - разного рода длинных предметов. По поводу состава этого предметного класса в "Вэньхэе" имеются указания, что сюда входят такие предметы, как волос и палка, например: **靴靴靴** *mei² a' thiu¹* "один волос", **靴靴靴** *rie² a' thiu¹* "одна палка". Отличие рассматриваемого счетного слова от **靴** *pai²* не вполне ясно. На основании этого небольшого числа примеров можно заключить, что **靴** *pai²* употребляется прежде всего при подсчете удлиненных предметов вооружения, между тем как **靴** *thiu¹* имеет более общее значение.

Очевидно, что счетные слова тангутского языка каким-то образом связаны с субъективной оценкой предметов. Один и тот же предмет может быть оценен с разных сторон в зависимости от того, как его воспринимает говорящий. Так, например, копьё может рассматриваться и как удлиненный предмет, относящийся к предметной области оружия, и в этом случае подсчитывается с помощью **靴** *pai²*, и как обычный удлиненный предмет, и в этом случае подсчитывается с помощью **靴** *thiu¹*.

С точки зрения категории счетности все существительные тангутского языка делятся на некоторое количество предметных категорий. Состав этих

категорий не зависит от грамматических свойств существительных, а исключительно зависит от внешних характеристик предметов, которые обозначены этими существительными. Таким образом, категории счетности тангутского языка не являются формально-грамматическими категориями, потому что состав каждой такой категории во многом определяется субъективной оценкой внешних форм тех или иных предметов. Несмотря на то что такие категории не являются формальными, их состав более или менее очерчен, потому что никакая субъективная оценка не может переходить некоторые разумные пределы, вне которых понимание не может быть достигнуто.

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

В тангутском языке имеется сравнительно небольшая категория существительных, которые никогда не сочетаются со счетными словами. Это — существительные, обозначающие те или иные единицы измерения. У тангутов была довольно сложная система, мер, включающая меры длины, веса и объема. Рассматривать эту систему не входит в задачу лингвистического исследования, приведем лишь несколько примеров: меры длины — 吋 *tshjwen'* "дюйм", 呎 *tsia²* "фут" 丈 *mblu²* "миля"; меры веса — 兩 *liwu²* "унция", 斤 *ldl²* "фунт"; меры объема — 釐 *siuo'* "мера" (соответствует кит. "доу"). Существительные, представляющие собой названия единиц мер, могут иметь числительное только в левом окружении в отличие от остальных существительных, которые могут иметь числительное как в правом, так и в левом окружении.

Говоря о единицах измерения, следует также сказать и о таких существительных, которые при известных обстоятельствах могут обнаруживать свойства единиц измерения. Речь идет о существительных, обозначающих разного рода емкости: 盞 *khu'* "чашка", 瓶 *kâ'* "бутылка" и т.п. В тех случаях, когда указанные существительные употребляются в качестве названия некоторого предмета, их свойства не отличаются от свойств любого другого существительного, но когда они употребляются в качестве названия некоторой меры вещества, их свойства совпадают со свойствами единиц измерения: при них никогда не может быть счетного слова, и числительное при них

может находиться только в левом окружении. Таким образом, к формальному грамматическому классу единиц измерения примыкает функциональный класс существительных, которые могут употребляться в функции единиц измерения.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Небольшая группа существительных с пространственным значением характеризуется тем, что указывает на некоторое пространство или место. К этому грамматическому подклассу относятся существительные, обозначающие страны света: 北 li^4 "север", 南 ni^2 "юг", 東 u_i^2 "восток", 西 li^2 "запад"; обозначающие субъективную направленность относительно некоторого лица или предмета: 右 "право", 左 li^4 "лево", и многочисленные географические названия. Все эти существительные характеризуются прежде всего невозможностью сочетания с числительными и неопределенным членом, потому что каждое из существительных, содержащееся в рассматриваемой категории, обозначает некоторый единственный в своем роде предмет, который не может быть объектом подсчета.

ПАДЕЖИ И ПОСЛЕЛОГИ

Отношение двух существительных друг к другу или отношение существительного к глаголу указывается с помощью грамматических средств, которыми могут быть как служебные морфемы, так и порядок знаменательных морфем. Служебные морфемы в зависимости от характера связи со знаменательной морфемой и их взаимного расположения называются падежными аффиксами, предлогами или послелогами.

С точки зрения силы связи между знаменательной и служебной морфемами падежом считаются такие формы существительного, которые образуются служебными морфемами, составляющими единое слово с соответствующей знаменательной морфемой. Те грамматические формы, которые с соответствующей именной морфемой единого слова не образуют, называются предлога-

Существуют два средства обозначения отношений между знаменательными морфемами тангутского языка: служебные морфемы и порядок расположения знаменательных морфем.

В зависимости от средства обозначения отношений можно выделить два класса падежей тангутского языка: падежи суффиксальные и падежи таксематические.

Суффиксальный падеж имеет место в тех случаях, когда отношение между двумя знаменательными морфемами выражено с помощью служебной морфемы, которую в дальнейшем будем называть падежным суффиксом.

Таксематический падеж имеет место в тех случаях, когда отношение между двумя знаменательными морфемами выражено с помощью их порядка.

В зависимости от характера обозначаемого отношения падежи тангутского языка можно назвать приименными и приглагольными. Приименные падежи служат для обозначения отношения между двумя именными морфемами, а приглагольные — для обозначения отношения между именем и глаголом.

Именительный падеж существительного является падежом таксематическим. Существительное в именительном падеже обозначает лицо или предмет, который представляет собой источник некоторого действия или носителя некоторого состояния. В принципе именительный падеж является приглагольным, потому что существительное в именительном падеже всегда соотносено с глаголом. Однако связь существительного в именительном падеже с соответствующим глаголом весьма слаба, потому что их может разделять текст сколь угодно большой величины.

Родительный падеж существительного образуется таксематически. Два существительных тангутского языка, входящие в одну синтагму, связаны отношением, выраженным родительным падежом. Первое существительное этой пары стоит в родительном падеже. Существительное в родительном падеже обозначает предмет, характеризующийся наличием некоторого свойства или принадлежащий к какой-то категории или роду.

Родительный падеж может иметь несколько значений: притяжательное, например: 席龍 *nIn² mIe' "дом князя", 納文溪砂 *khian² kha² mbei' "песок Ганга"; партитивное, например: 籠衆翁 *i' we' lIwu²* "тела всех живых существ"; определительное, например: 屍衆翁 *tshie' sIn' lIwu²* "тело из мяса и крови", 樓衆 *mə' tshon' "небесная музыка"; уподобительное, например: 象龍席 *ka² tsiei² lu²* "трон, сделанный в виде льва", 龍紋龜皮膠 *pa² ma' nge² zIe' "капля величиной с горчичное зерно".****

Дательный падеж образуется с помощью суффикса 而 *·In'*. Различается дательный приглагольный и дательный приименной.

Дательный приглагольный обозначает предмет, для которого совершается некоторое действие, обозначенное глаголом, например: 賦而駁 *mbi' ·In'* *khion' "другому отдать", 惟能而對齊 *ni² ·In' tshIe' vIe' "тебе сказать", 鹿眾而辭 *riu' plu' ·In' tsIe² tshwe²* "Будде поклониться".**

Существует класс переходных глаголов, которые управляют существительными в дательном падеже. В настоящее время трудно с достаточной точностью очертить круг таких глаголов. Однако можно сказать, что это в основном глаголы, обозначающие те или иные восприятия, а также акты речевой и мыслительной деятельности, например: 報教而散 *sIn² ·iu² ·In'* *ndzIe²* "народ наставлять", 執而觀 *tha² ·In' mblow' "за ним наблюдать", 待而彼 *tha' ·In' nge² la²* "о Будде думать", 能而辭 *nga² ·In' plə'* *ngIe' "у меня спросить", 籠衆而救 *i' we' ·In' ngIu²* "спасать все живые существа", 殿而散 *mIe² ·In' mbu²* "советников созвать".**

Дательный падеж может употребляться также синтаксически. Так, при глаголах побудительного залога существительное в дательном падеже обозначает субъект действия этого глагола, например: 觀衆而辭 *tsi' mIe' i' we' ·In' so' kai² lho² phi' "Изучение тайн учения Будды побуждает все живые существа выйти из трех миров". Следует отметить, что существительное предикативной синтагмы, зависящей*

от глагола, также иногда стоит в дательном падеже, например: 惟能而對齊 *ni² nI² ngI² zIe² rIu² ·i' we' ·In'* (В III 2н)

$\cdot iu^2$ $ngle^1$ $\cdot \hat{e}^2$ $s\underset{\cdot}{j}wa^1$ "Долгой ночью вы думаете о том, чтобы все живые существа вечно блаженствовали".

Дательный приименной обозначает предмет, которому нечто принадлежит, например: $\text{佛} \text{年} \text{而} \text{誕} \text{辰} \text{花}$ $phiuo^1$ $ldje^2$ $\cdot in^1$ $\dot{z}lon^2$ kha^1 "возраст Будды", $\text{彼} \text{難} \text{而} \text{怪} \text{產} \text{花}$ lhi^2 we^1 $\cdot in^1$ $phci^1$ $ts\hat{e}^2$ $ldeu^2$ "узы рождения и смерти", $\text{他} \text{而} \text{翁}$ tha^2 $\cdot in^1$ mle^2 "его имя", $\text{能} \text{而} \text{羽} \text{年} \text{花}$ nga^2 $\cdot in^1$ lew^1 $l\dot{c}ei^1$ "мое единственное желание".

Нетрудно заметить, что значение дательного приименного не отличается от притяжательного значения родительного падежа. Это обстоятельство привело исследователей тангутского языка к трактовки суффикса 而 $\cdot in^1$ как суффикса родительного падежа (см. стр.37). Однако для этого суффикса приименное употребление не является характерным. Наоборот, в текстах чаще всего можно встретить его приглагольное употребление. Трактовка этого суффикса как суффикса дательного падежа в приименном употреблении несколько не противоречит основному значению дательного падежа, которое проявляется в абстрактной направленности к предмету, обозначенному существительным в дательном падеже. Такого рода близость родительного и дательного падежа существует не только в тангутском языке, она отмечается также и в русском: "слуга царю, отец солдатам" вместо "слуга царя, отец солдат".

Винительный падеж существительного образуется таксематически. Существительное и глагол тангутского языка, образующие комплетивную синтагму, связаны отношением, выраженным винительным падежом. Существительное в винительном падеже обозначает предмет или лицо, являющиеся объектом действия глагола, например: $\text{執} \text{劍}$ $\cdot a^1$ $\cdot iwe^1$ "меч держать", $\text{能} \text{竟}$ nga^2 $liwu^1$ "меня обмануть", $\text{夢} \text{見}$ $m\dot{c}e^1$ lin^2 "сон видеть", $\text{施} \text{龍} \text{解}$ $l\dot{c}ei^1$ $ndz\underset{\cdot}{j}u^2$ $m\dot{c}e^1$ "дарить пищу и питье".

Существует класс непереходных глаголов, которые управляют существительными в винительном падеже. В этот класс входят глаголы, обозначающие направленное действие или же, наоборот, состояние покоя, например:

能收 *mle' lhiə'* "во дворец вернуться", 能出 *we' lho²* "из города выйти", 至多 *ndje' rphan' ni²* "нирваны достигнуть", 能处 *mle' ndzie'* "во дворце жить". При глаголах, обозначающих направленное действие или состояние покоя, существительное в винительном падеже обозначает место, относительно которого это действие развивается.

Местный падеж I образуется с помощью суффикса 处 *ndo²* и является приглагольным. Существительное в местном падеже обозначает место, где происходит действие, обозначенное глаголом. Это место может быть исходной, промежуточной или конечной точкой действия, характеризующегося направленностью, или же точкой, где осуществляется некоторое состояние или действие, не характеризующееся направленностью, например: 能处 *ngə² ndo² ndzju² si²* "у меня пищу просит", 能处 *nin² ndo² thl² su² .i'* "перед князем говорить", 能处 *lhio² nin² ndo² si²* "к князю отправиться", 能处 *nin² mle' ndo² ndzie'* "в княжеском дворце жить".

Морфема 处 *ndo²* может относиться не только к отдельному существительному, но также и к целой предикативной синтагме, которая приобретает значение придаточного места. При этом глагол такой синтагмы иногда сочетается с субстантивирующим суффиксом 处 *lei²*, например: 能处 *tsiə' tshle' ndo² si²* "Отправиться туда, где толкуют Закон"; 能处 *ngwə' nāi' rju' nion² mbi' swew' lei² ndo² thl' rju' .i' we' .a² nion² sje' .i² ngwə' mi' mba² vie²* "Повсюду, где [свет Будды] озаряет погрязший в пяти пороках греховный мир, все живые существа творят десять грехов и пять преступлений".

Местный падеж II образуется с помощью суффикса 处 *.a²* и является приглагольным. Существительное в местном падеже II обозначает место, где происходит действие, обозначенное глаголом. Точно так же, как и в случае местного I, существительное в местном II обозначает исходную, промежуточную, конечную точку направленного действия или же точку, где

осуществляется некоторое состояние или действие, не характеризующееся направленностью, например: 龍龍龍 $ri^2 \cdot a^2 ni^2$ "берега достигнуть", 龍龍龍 $ri^2 \cdot a^2 s\dot{o}'$ "вдоль берега следовать", 龍龍龍 $mbj\dot{a}^2 k\dot{a}i^2 \cdot a^2 ndzje'$ "через границы перейти".

От местного I этот падеж отличается более широкими функциями. Указанное выше употребление местного II ничем не отличается от соответствующего употребления местного I. Помимо этого местный II принимает участие в глагольном управлении и может употребляться абсолютно.

В настоящее время пока невозможно указать класс глаголов, которые управляют существительными в местном II, однако уже сейчас можно сказать, что некоторые глаголы помышления управляют существительными в местном II, например: 獲反觀於菴菴懷而變憎於龍具肅肅於於輝 $si^2 ka' mo^2 ni^2 phjuo ldje^2 \cdot In'$ $mi' pju' tshia^2 \cdot iuo' \cdot a^2 s\dot{w}\dot{a}' la^2 leu^2 zjon^2 kh\dot{a}' \cdot a^2 \cdot w\dot{e}u^2 lhiwu'nje' sjo^2$ "Я подумал о бесконечности добродетели Будды Шакьямуни и только по поводу бесконечности его жизни у меня возникли сомнения".

В тех случаях, когда морфема 龍 $\cdot a^2$ относится к синтагме в целом, ее значение не связано со значением местного падежа. При абсолютном употреблении эта морфема имеет временное значение и указывает, что действие, обозначенное глаголом такой синтагмы, происходит одновременно с действием главного глагола предложения, например: 龍龍龍 $vi^2 rin^2 \cdot ie^2 tu' khian^2 kha^2$ $mbei' ngu^2 tha' lhi^2 tje' \cdot a^2 riu' k\dot{a}i^2 ngi^2 vi^2$ "Когда пойдешь на восток и минуешь бесчисленное, как число песчинок в Ганге, количество стран, где исповедуют учение Будды, ты попадешь в другой мир".

Творительный падеж существительного образуется с помощью суффикса 報 ngu^2 и является приглагольным. Существительное в творительном падеже указывает на образ или способ действия или же может иметь более конкретное значение орудия действия или материала, которым пользуются в процессе действия, например: 龍龍龍 $kha^2 thon' ngu^2$

Сравнительный падеж существительного образуется с помощью суффикса 𠄎 *su'*. Существительное в сравнительном падеже обозначает лицо или предмет, которые сравниваются по некоторому признаку с другим лицом или предметом. При этом существительное в сравнительном падеже обозначает лицо или предмет, характеризующийся меньшей степенью соответствующего признака, чем то лицо или предмет, с которым проводится сравнение. Сравнительный падеж может иметь два употребления: приадективное, например: 𠄎 *mbe² su' swew¹* "светлее солнца", и приглагольное.

Приглагольное употребление сравнительного падежа связано с глагольным управлением. В настоящее время пока невозможно указать класс глаголов, которые управляют существительными в сравнительном падеже, однако уже сейчас можно сказать, что глаголы 𠄎 *mbu²* "побеждать" и 𠄎 *ndzle¹* "превосходить" требуют сравнительного падежа, например: 𠄎 *mbu²* "себя победить", 𠄎 *ka' lén' phên' kha² ni² su' ndzle¹* "Калавинку превзойти".

Морфема 𠄎 *su'* может относиться не только к отдельному существительному, но также и к целой синтагме, например: 𠄎 *giu' ngwo² ngwo² ·In' kiú' tshwew' su' tsi pŋá' ·iu' ldew² tshja² ·juo' zi² mbu² ngŋn' liá'* "По сравнению с пожертвованиями Будде добродетельные деяния все же выше".

Отложительный падеж I образуется с помощью суффикса 𠄎 *mbu'* и является приглагольным. Существительное в отложительном падеже I обозначает предмет или лицо, представляющее собой исходную точку действия, обозначенного глаголом. При этом всегда имеется в виду не конкретная исходная точка направленного действия, а абстрактный исходный пункт действия, не обязательно являющегося направленным. Например: 𠄎 *tha' mbi' ·é' mbu' zi² no² gai² rié²* "От силы этих лучей все приобретают радость и покой"; 𠄎 *xwa² ndzle¹ tsəw¹ mbu' giú' giá' ngwo² ngu' síjo'* "По каким сезонам возникают болезни?"

Морфема 𠄎 *mbu'* может употребляться не только с отдельными

ла, их значения могут быть описаны в терминах взаимоотношений участников ситуации, передаваемой с помощью высказывания.

Как нам представляется, падежи тангутского языка могут быть описаны с помощью следующих дифференциальных признаков: направленность, контактность, когерентность, содержательность.

Направленность указывает, что предмет, обозначенный существительным с падежным суффиксом, является целью или исходной точкой действия.

Контактность указывает, что предмет, обозначенный существительным с падежным суффиксом, является конечной точкой, которой достигает действие.

Когерентность указывает, что предмет, обозначенный существительным и падежным суффиксом, не является единственным предметом, принимающим участие в ситуации.

Содержательность указывает, что предмет, обозначенный существительным с падежным суффиксом, не обязательно выступает в ситуации как таковой, но может быть упомянут как носитель некоторых своих качеств.

Именительный падеж характеризуется дифференциальным признаком направленности, потому что существительное в именительном падеже обозначает предмет, являющийся источником действия.

Родительный падеж характеризуется тремя дифференциальными признаками: направленностью, когерентностью, содержательностью. Предмет, обозначенный существительным в родительном падеже, представляет собой часть или принадлежность какого-то другого предмета. Поэтому он как бы тяготеет к другому предмету и, следовательно, направлен к нему. Естественно, что такой предмет не может быть единственным в ситуации, и поэтому родительный падеж характеризуется когерентностью. Предмет, обозначенный существительным в родительном падеже, не обязательно реально принимает участие в ситуации. В некоторых случаях, например в случаях определительного или уподобительного употребления, участие такого предмета вообще невозможно.

Дательный падеж характеризуется двумя дифференциальными признаками: направленностью и когерентностью. Предмет, обозначенный существи-

тельным в дательном падеже, представляет собой конечную точку действия. При этом существенно, что этой точки действие не достигает. Этот предмет не может быть единственным в ситуации, потому что должен существовать другой предмет, который представляет собой конечную точку, которой достигает действие.

Винительный падеж характеризуется двумя дифференциальными признаками: направленностью и контактностью. Предмет, обозначенный существительным в винительном падеже, представляет собой конечную точку действия. При этом всегда осуществляется контакт действия и предмета.

Два местных падежа не отличаются друг от друга по значению. Как было уже указано выше, они отличаются функционально, поэтому различие между ними будет рассмотрено в разделе о функциональной системе падежей. Два местных падежа образуют изотопы семантической системы падежей и поэтому они вдвоем занимают одно место в системе. Далее в разделе о семантической системе падежей мы будем говорить об одном местном падеже. По поводу предмета, обозначенного существительным в местном падеже, известно, что он представляет собой нечто такое, что находится в контакте с действием: это может быть исходная, конечная, промежуточная точка действия или же место, где происходит некоторое действие.

Творительный падеж характеризуется тремя дифференциальными признаками: направленностью, когерентностью, контактностью. Предмет, обозначенный существительным в творительном падеже, представляет собой исходную точку действия, если творительный падеж употреблен в орудном значении, или конечную точку действия, если творительный падеж употреблен в значении материала действия. Этот предмет не может быть единственным в ситуации, потому что должен существовать и такой предмет, который представляет собой или конечную точку действия или результат обработки указанного материала. Поскольку действие осуществляется через этот предмет, всегда имеет место контакт действия и предмета.

Совместный падеж характеризуется дифференциальным признаком когерентности. Предмет, обозначенный существительным в совместном паде-

же, не является единственным предметом, принимающим участие в ситуации.

Сравнительный падеж характеризуется дифференциальными признаками когерентности и содержательности. Предмет, обозначенный существительным в сравнительном падеже, естественно, не может быть единственным, принимающим участие в ситуации. Этот предмет существует в ситуации не сам по себе, а как носитель некоторых качеств.

Два отложительных падежа не отличаются друг от друга по значению. Как указывалось выше, они различаются функционально, поэтому различие между ними будет рассмотрено в разделе о функциональной системе падежей. Два отложительных падежа представляют собой изотопы семантической системы, поэтому мы далее будем говорить об одном отложительном падеже.

Отложительный падеж характеризуется двумя дифференциальными признаками: направленностью и когерентностью. Предмет, обозначенный существительным в отложительном падеже, является исходной точкой действия. Этот предмет не может быть единственным, потому что в ситуации должен существовать другой предмет, представляющий собой конечную точку действия.

Семантическая система падежей тангутского языка может быть изложена в виде таблицы (табл.6).

Таблица 6

Падежи	Дифференциальные признаки			
	Направленность	Контактность	Когерентность	Содержательность
Именительный	+	-	-	-
Родительный	+	+	-	+
Дательный	+	+	-	-
Винительный	+	-	+	-
Творительный	+	+	+	-
Местный	-	-	+	-
Совместный	-	+	-	-
Сравнительный	-	+	-	+
Отложительный	+	+	-	-

При своем употреблении падежи тангутского языка вступают во взаимодействие. Взаимодействие падежей не случайно, оно образует систему, которую мы попытаемся рассмотреть в этом разделе. Разумеется, предлагаемая система не может быть полной, потому что для построения полной системы нужно учесть данные всех сохранившихся тангутских текстов.

Функциональная область каждого тангутского падежа делится на следующие три части: прямое употребление падежа, употребление падежа вследствие глагольного управления, абсолютное употребление. Нам представляется существенным при построении функциональной системы говорить не о функции падежа вообще, а различать указанные части функциональной области.

При употреблении падежей часто возникает их нейтрализация. Падежной нейтрализацией называется такое явление, при котором в определенном контексте падеж приобретает значение, свойственное другому падежу, иначе говоря, он начинает обозначать новое, не свойственное ему отношение. Под контекстом в данном случае следует понимать слово, стоящее после падежного суффикса, или точнее — предикативный член синтагмы.

Существуют два рода нейтрализации падежей: нейтрализация прямых употреблений пар падежей и нейтрализация, при которой прямое употребление одного падежа нейтрализуется приглагольным употреблением другого падежа.

Нейтрализация первого рода имеет место при падежах — изотопах семантической системы (местный I и II, отложительный I и II). Поскольку такие падежи характеризуются одинаковым прямым употреблением, значение высказывания не меняется, если будет употреблен любой из такой пары падежей.

Нейтрализация второго рода связана с глагольным управлением. Выше уже указывалось, что некоторые глаголы тангутского языка требуют, чтобы существительное, обозначающее объект действия таких глаголов, стояло не в винительном, а в каком-то другом косвенном падеже. Проблема глагольного управления является одной из наименее разработанных проблем тангут-

ской грамматики, поэтому здесь мы ограничимся только несколькими замечаниями по этому поводу.

Глаголы, управляющие винительным падежом, назовем глаголами прямого управления, глаголы, управляющие остальными падежами, назовем глаголами косвенного управления.

Насколько можно судить по прочитанным тангутским текстам, по признаку управления глаголы тангутского языка делятся на три класса: глаголы прямого управления, управляющие винительным падежом, глаголы косвенного управления, управляющие косвенными падежами, и глаголы смешанного управления, которые могут управлять как винительным, так и косвенными падежами. Примером глагола смешанного управления может служить $\text{𐌆𐌆} \text{ lln}^2$ "видеть", управляющий винительным и дательным падежами: $\text{𐌆𐌆} \text{ mje}' \text{ lln}^2$ "сон видеть" (винительный падеж) - $\text{𐌆𐌆} \text{ tha}' \cdot \text{ln}' \text{ lln}^2$ "Будду видеть" (дательный падеж).

Нейтрализация второго рода имеет место при глаголах косвенного и смешанного управления. При глаголах косвенного управления она имеет место всегда, а при глаголах смешанного управления - только в тех случаях, когда глагол управляет косвенным падежом. При нейтрализации второго рода происходит нейтрализация противопоставления винительного падежа остальным косвенным приглагольным падежам.

Для того чтобы построить функциональную систему падежей тангутского языка, необходимо указать классы глаголов косвенного и смешанного управления, что в настоящее время не может быть сделано с достаточной точностью. Эта задача станет возможной только после того как будут прочитаны все тангутские тексты.

Класс глаголов, управляющих дательным падежом, в общем состоит из глаголов, обозначающих восприятие, например: $\text{𐌆𐌆} \text{ tha}^2 \cdot \text{ln}'$ mblosh' "за ним наблюдать". При глаголах этого класса противопоставление дательного падежа винительному нейтрализуется.

Класс глаголов, управляющих творительным падежом, в общем состоит из так называемых "глаголов с двойным дополнением", например: $\text{𐌆𐌆} \text{ tshweu}'$ tshweu' (В Ш 58н) $\cdot \text{wa}^2 \text{ via}' \text{ tsei}' \text{ ndzlu}^2 \text{ ngu}^2 \text{ kiu}'$ "Ароматные

цветы, пищу и питье пожертвуй". При глаголах этого класса происходит нейтрализация противопоставления винительного падежа творительному.

Класс переходных глаголов, обозначающих направленное движение или же состояние покоя, управляет винительным падежом, например: 席燒 送 $n|n^2 m|e^1 \acute{s}ja^1$ "отправиться [к] князю во дворец". При глаголах этого класса происходит нейтрализация противопоставления винительного падежа местному.

Тангутские падежи, вступающие в отношении нейтрализации, образуют две корреляции. В первую входят дательный и творительный падежи, которые в указанных выше условиях могут нейтрализоваться с винительным. Во вторую входят местный и винительный падежи.

Послелого

В отличие от падежей послелого характеризуются конкретностью своего значения. Они обозначают пространственные отношения между двумя предметами или предметом и действием. Последнее обстоятельство особенно для нас важно, потому что обычно во многих языках существует тенденция к различению служебных морфем, предназначенных для обозначения пространственных отношений между предметами, от служебных морфем, предназначенных для обозначения пространственных отношений между предметом и действием. В некоторых языках все служебные морфемы такого рода делятся на два класса: класс служебных морфем, обозначающих отношения между предметами, и класс служебных морфем, обозначающих отношения между предметом и действием.

Послелого тангутского языка, за исключением одного, характеризуются последовательной локальностью своего значения. Они могут обозначать как пространственное расположение предмета, так и направленность действия относительно какой-то части предмета. Возможно, что тангутский язык - один из немногих известных науке языков, где каждая служебная морфема, предназначенная для обозначения пространственных отношений, может обозначать как пространственное расположение предмета, так и на-

правленность действия относительно какой-то части предмета. Различение этих значений тангутского послелого целиком зависит от глагола соответствующей синтагмы. При глаголах, не обозначающих движения, послелог указывает на пространственное расположение предметов, а при глаголах, обозначающих движение, послелог указывает на направленность относительно какой-то части предмета.

Особенность тангутских послелогов состоит в том, что некоторые из них имеют несколько синонимов, занимающих одно место в системе тангутских послелогов.

Послелог **耕** *kha'* и **悞** *.u'* указывают на нахождение внутри, движение внутрь или движение изнутри какого-нибудь предмета. Эти значения определяются семантикой глаголов, синтагматически связанных с существительными, оформленными этими послелогом.

При глаголах, не обозначающих направленного движения, эти послелог указывают на нахождение внутри какого-нибудь предмета, например: **鞞**
攷糜度悞鞞鞞 (В III 28в) *tha' ndziwu' nin' lda' .u' .wa' .eu' zwon'* "Этот князь в руке держит курильницу для благовоний". В тех случаях, когда существительное с послелогом **耕** *kha'* обозначает не единственный предмет, а их множество или совокупность, этот послелог указывает на нахождение не внутри каждого предмета множества, а среди этих предметов, например: **鞞靡靡耕鞞鞞** (В III 142в) *ma' nguo' nguo' kha' zi' mbu' we'* "Среди всех матерей ты - самая доблестная".

При глаголах, обозначающих направленное движение, эти послелог могут указывать исходную, конечную или промежуточную точку направленного движения, расположенную внутри какого-либо предмета, например: **悞**
悞开音鞞 (В III 40в) *kha' .u' .ei' ton'* "Изнутри колодца исходят звуки"; **鞞悞悞鞞** *mle' rlu' .u' ni'* "прийти во дворец"; **鞞鞞耕鞞** *ma' kha' phi'* "в пруд или в реку вылить", **鞞悞悞鞞** (В III 136в) *ml' rlu' mbu' ndzei' giu' kha' ndzle'* "Бесчисленные доблестные деяния проходят через [весь] мир".

Указанные послелог могут иметь не только пространственное, но также и временное значение: пребывание внутри какого-либо отрезка времени. Это

значение рассматриваемые послелогои имеют при существительных со значением времени, например: 多耕 *ngl² kha¹* "ночью", 夜悔 *kêu¹·u²* "в течение года", 编麻耕 *ndzie¹ tsəu¹ kha¹* "в течение сезона" и т.п.

Послелог 敢 *ngu²*, синонимичный указанным выше послелогам встречается довольно редко и употребляется главным образом в именных синтагмах, не содержащих глагола, либо же в синтагмах с глаголами, не обозначающими движения. Только в редких случаях можно его встретить в синтагмах, содержащих глагол движения, например: 能敢敢敢敢敢 *tshon² nga¹ ngu² nu¹ ldje¹ wa² zi² tôn²* "Укажешь пальцем в воздух и появятся драгоценности".

Послелог 现 *tshiam¹* указывает на нахождение на поверхности, движение в сторону поверхности или от поверхности какого-нибудь предмета. Эти значения послелога определяются семантикой глаголов, синтагматически связанных с существительными, оформленными этими послелогам.

При глаголах, не обозначающих направленного движения, послелог 现 *tshiam¹* указывает на нахождение на поверхности какого-нибудь предмета, например: 敢现现 *mbu² tshiam¹ tsjei²* "привезти на слоне", 现现敢 *mə¹ tshiam¹ wə¹* "обитать на небесах".

Послелог 现 *tshiam¹* не всегда обозначает контакт с поверхностью соответствующего предмета. В некоторых случаях своего употребления с глаголами, не обозначающими направленное движение, этот послелог имеет значение пребывания над поверхностью предмета, например: 敢敢敢现 *zə² ldje¹ sa² tshiam¹ tshjə¹ ldew²* "Над водой и ароматным раствором следует прочитать заклинания".

При глаголах, обозначающих направленное движение, этот послелог может обозначать исходную или конечную точку направленного движения, находящуюся на поверхности какого-либо предмета, например: 敢现敢 *phu² tshiam¹ sje²* "на дерево взобраться", 敢现敢 *ldje² tshiam¹ ·n¹* "на землю броситься".

Послелог 现 *tshiam¹* может иметь не только пространственное, но также и временное значение, например: 敢敢编现敢敢敢敢 *...*

爾爾薜薜 (В III 176в) *v̄i'e'i' ku' ndz̄le' t̄shiau' .wa² v̄i'a' ngu² ri'u'*
tha' ngu² ngu² .in' k̄iu' t̄shweu² "Вечером, после пяти часов, поднеси
в дар всем Буддам ароматные цветы".

Послелог 𪛗 *kh̄iu'* указывает на нахождение под поверхностью, движение под поверхностью или из-под поверхности какого-нибудь предмета. Эти значения послелогоа определяются семантикой глаголов, синтагматически связанных с существительными, оформленными этими послелогоами.

При глаголах, не обозначающих направленного движения, послелог 𪛗 *kh̄iu'* указывает на нахождение под поверхностью какого-нибудь предмета, например: 𪛗𪛗薜薜𪛗𪛗 (В III 32в) *po' t̄e' phu² n̄n² kh̄iu' ndzu²* "[Ты будешь] сидеть под деревом познания - царем всех деревьев".

При глаголах, обозначающих направленное движение, послелог 𪛗 *kh̄iu'* может обозначать исходную или конечную точку направленного движения, находящуюся под поверхностью какого-либо предмета, например: 𪛗𪛗𪛗𪛗 (В III 364в) *t̄shio' ld̄e² kh̄iu' tsu² śia²* "И тогда [субурган] из-под земли появился"; 𪛗𪛗𪛗𪛗 (В III 364в) *t̄shio' ld̄e² kh̄iu' mbu'* "И тогда [субурган] под землю погрузился".

Послелог 𪛗 *kh̄iu'* может иметь не только пространственное, но также и временное значение, например: 𪛗𪛗 *ngl² kh̄iu'* "ночью".

Послелог 𪛗𪛗 *.iu² ri'e²* указывает на нахождение перед поверхностью какого-либо предмета, например: 𪛗𪛗𪛗𪛗 *tha' .iu² ri'e'* "перед Буддой" 𪛗𪛗𪛗𪛗 *ld̄e² .iu² ri'e²* "перед тигром".

Послелог 𪛗𪛗 *z̄la'* указывает на нахождение между двумя определенными предметами, например: 𪛗𪛗𪛗𪛗 *mbe² z̄la'* "между бровей".

Послелог 𪛗𪛗 *nd̄l̄ə²* указывает на нахождение вне некоторого замкнутого пространства или вне предмета, например: 𪛗𪛗𪛗𪛗 *we² nd̄l̄ə²* "вне города".

Послелог 𪛗𪛗 *ri'e²* является единственным нелокальным послелогом тангутского языка, потому что он указывает не место, относительно которого совершается некоторое действие, а направление к некоторому месту, например: 𪛗𪛗𪛗𪛗𪛗𪛗 (В III 106в) *z̄i² phu² t̄shia² t̄shia'*

po' tse' rie² tshweu' "устремиться к высшему и истинному познанию";
 拜敬 斂 斂 (В П 78в) tha' rie² pa' phlou² "к Будде с приветствием
 обратиться". Из примеров видно, что этот послелог может употребляться как
 в конкретном, так и в весьма абстрактном значении. В обоих случаях он весь-
 ма близок по своему значению к падежному суффиксу.

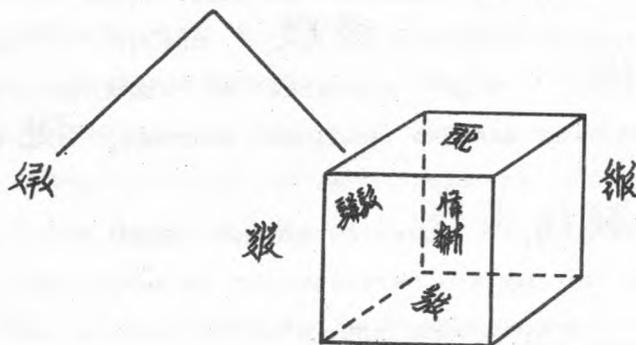
Система послелогов

Послелог тангутского языка образуют систему, основанную на противо-
 поставлении послелогов, характеризующихся локальностью, послелог 斂
 rie², который локальностью не характеризуется.

Локальные послелог тангутского языка образуют пространственную ку-
 бическую структуру. Верхнюю грань этого куба занимает послелог 斂
 tshiau', нижнюю грань - послелог 斂 khii', переднюю грань - по-
 слелог 斂 .iu² rie². Внутреннее пространство куба занято после-
 логам 斂 kha' и 斂 .u²

Послелог 斂 ndlɛ² и 斂 zɛɣ' находятся в пространстве вне ука-
 занного куба. При этом они отличаются друг от друга тем, что для опи-
 сания значения послелого 斂 ndlɛ² достаточно указания на его местопо-
 ложение вне куба, а для описания значения послелого 斂 zɛɣ' необхо-
 димо указать два предмета, между которыми находится точка, соответ-
 ствующая его положению в пространстве тангутских локальных послелогов.
 Система тангутских локальных послелогов может быть изображена в виде
 следующей схемы (схема 5).

Схема 5

Грамматический класс глагола тангутского языка представляет собой множество языковых единиц, состоящих из одной или нескольких знаменательных морфем или же сочетания знаменательной морфемы со служебной.

Содержательно глагол характеризуется тем, что обозначает некоторый процесс, протекающий во времени. Этот процесс протекает в определенной ситуации, в которой принимает участие лицо или предмет, осуществляющие этот процесс, а также лица или предметы, так или иначе связанные с этим процессом. Эта связь может быть различной: предмет или лицо, связанные с процессом, могут представлять собой объект, на который процесс распространяет свое воздействие, место, где этот процесс развивается, и т.п. Процесс, обозначенный глагольной морфемой, может относиться к разным временным планам - в связи с этим обстоятельством мы различаем глагольные времена. Процесс, обозначенный глагольной морфемой, может рассматриваться в различных аспектах своего течения - в связи с этим обстоятельством мы различаем глагольные виды. Лицо, осуществляющее процесс, может по-разному относиться к его осуществлению: оно может желать или не желать, допускать или не допускать его. В связи с этим обстоятельством мы различаем глагольные наклонения. Лицо или предмет, осуществляющие некоторый процесс, могут осуществлять его как самостоятельно, так и через других лиц или через другие предметы, принимающие участие в ситуации. В связи с этим обстоятельством мы различаем залого глагола.

Глагольная морфема тангутского языка, точно так же как и именная морфема, характеризуется некоторой обобщенностью значения. Она может обозначать как единичный процесс, протекающий в некоторой ситуации, так и любое количество тождественных процессов. Глагольная морфема может быть связана с любым количеством лиц или предметов, осуществляющих этот процесс и с любым количеством предметов или лиц, на которых этот процесс распространяется. При этом не имеет значения, участвует ли

это лицо в акте речи или не участвует, является оно автором речи или не является. Иначе говоря, глагол - независимо от того, состоит он из одной или двух знаменательных морфем, - вне языкового окружения не содержит никаких указаний на лицо, время, вид, наклонение. Перечисленные указания можно вывести только из окружения глагола. Это окружение может состоять как из знаменательных морфем, так и из служебных. Лицо глагола определяется только из знаменательных морфем, образующих окружение, поэтому лицо глагола не является формальной категорией. Время и вид глагола определяются главным образом из служебных морфем, образующих окружение. Наклонение глагола тангутского языка определяется только из служебных морфем, образующих окружение.

Таковы общие свойства глагольной морфемы тангутского языка. Грамматический класс глагола содержит в себе несколько подклассов, которые мы рассмотрим ниже.

ПЕРЕХОДНЫЕ И НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Переходные глаголы тангутского языка содержательно характеризуются тем, что обозначают процесс, направленный на некоторый объект. При этом объект либо претерпевает некоторые изменения, либо обнаруживает некоторые свойства. Дистрибутивно переходные глаголы тангутского языка характеризуются тем, что в левом окружении могут иметь существительное во втором таксематическом падеже.

Непереходные глаголы тангутского языка содержательно характеризуются тем, что обозначают процесс, исходящий от некоторого лица или предмета. Этот процесс реализуется в пространстве и может быть связан с объектом, однако при этом объект никаких изменений не претерпевает и никаких свойств не обнаруживает. Всякий раз этот предмет выступает как место, где процесс реализуется, но не более. Дистрибутивно непереходные глаголы тангутского языка характеризуются тем, что в левом окружении могут иметь существительное с послелогом.

Независимо от принадлежности глагола к подклассу переходных или непереходных некоторые из них обнаруживают способность иметь в левом окружении существительное во втором таксематическом падеже (при условии, что оно стоит непосредственно перед глаголом); но если то же самое существительное отделить от глагола другим существительным, оно должно быть оформлено послелогом. Отсутствие послелога в первом случае можно объяснить только тем, что некоторый семантический признак направленности существует в самом значении глагола. Благодаря этому не всегда бывает надобность вторично обозначать направленность с помощью послелога. Существительное, синтагматически связанное с глаголом направленного действия, может обозначать конечную точку движения, например: 𐀓𐀗 𐀓, $we^2 \cdot o^2$ "войти в город", или исходную точку, например: 𐀓𐀗 𐀓 $we^2 \cdot lho^2$ "выйти из города". В состав подкласса глаголов направления действия входят глаголы, обозначающие: движение в горизонтальной плоскости, например: 𐀓𐀗 la^1 "приходить", 𐀓𐀗 si^1 "уходить", 𐀓𐀗 ni^2 "достигать", 𐀓𐀗 lho^2 "выходить", 𐀓𐀗 $\cdot o^2$ "входить", 𐀓𐀗 lhi^1 "возвращаться"; движение в вертикальной плоскости, например: 𐀓𐀗 $tôn^2$ "подниматься". К этому же подклассу относятся глаголы, характеризующиеся нулевой направленностью, например: 𐀓𐀗 $ndzie^1$ "жить, существовать", 𐀓𐀗 ni^1 "жить в доме".

ГЛАГОЛЫ ДЕЙСТВИЯ И МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Выше мы рассматривали грамматические подклассы глаголов, которые выделялись на основании сочетаемости глаголов с именными морфемами. Рассмотрим теперь грамматический подкласс, выделяемый на основании сочетания со служебными морфемами.

Весь грамматический класс глагола тангутского языка в зависимости от сочетаемости со служебными морфемами делится на два неравных подкласса: глаголы, сочетающиеся со служебными морфемами, и глаголы, не сочетающиеся со служебными морфемами. Глаголы, сочетающиеся со служебными морфемами, можно по чисто содержательному признаку определить

как глаголы действия, потому что каждая такая морфема обозначает некоторое действие или состояние. Глаголы, не сочетающиеся со служебными морфемами, можно содержательно определить как модальные, потому что они обозначают желание, возможность и т.п. совершить некоторое действие. Грамматический подкласс модальных глаголов состоит из следующих глаголов: 𑜏𑜃𑜂𑜆 $n|w|^{2}$ "мочь" - обозначает субъективную возможность совершения действия, 𑜏𑜃𑜂𑜆 $w|o^{2}$ "быть возможным" - обозначает объективную возможность совершения действия, 𑜏𑜃𑜂𑜆 $ndz|e^{2}$ "быть дозволенным" - обозначает дозволенность совершения действия со стороны каких-либо лиц или внешних обстоятельств, 𑜏𑜃𑜂𑜆 $k|q|^{2}$ "желать" - обозначает желание или намерение совершить некоторое действие.

ГЛАГОЛЫ-СВЯЗКИ

Содержательно глаголы-связки тангутского языка характеризуются тем, что обозначают не действие или состояние, как остальные глаголы, а существование или наличие некоторого лица или предмета. Дистрибутивно глаголы-связки тангутского языка очень близки глаголам других подклассов. Они отличаются только тем, что не могут сочетаться с залоговыми показателями.

Связка существования 𑜏𑜃𑜂𑜆 ngu^{2} употребляется в предикативных синтагмах, где предикативный член выражен существительным, например: 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 (В III 284в) $nga^{2} nd|j|e|^{2} m|e^{2} ngu^{2}$ "Я - лекарь". Более подробно об употреблении связки существования см. в соответствующем разделе синтаксиса. Указанной связке существования противостоит отрицательная связка 𑜏𑜃𑜂𑜆 $n|a|^{2}$, которая отрицает существование некоторого лица или предмета.

Связка наличия 𑜏𑜃𑜂𑜆 $v|e|i^{2}$ представляет собой служебный глагол, имеющий собственное значение "быть в наличии, иметься", например: 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 𑜏𑜃𑜂𑜆 (В III 166н) $we^{2} r|e^{2} m|i^{2} khwa^{2} si^{2}.wa^{2} ngl^{2} v|e|i^{2}$ "Недалеко от города имеется фруктовый сад". Указанной связке наличия противостоит отрицательная связка 𑜏𑜃𑜂𑜆 $m|n|^{2}$, которая отрицает наличие некоторого предмета или лица.

Основная служебная функция 爰 v_{ie}^2 и 爰 mln^1 состоит в том, чтобы выступать в предикативных синтагмах, где предикативный член выражен отглагольным существительным с суффиксом 爰 v_{ie}^2 . Сочетание этого отглагольного существительного со связкой наличия обозначает, что субъект может совершить действие, выраженное глагольной морфемой.

ГЛАГОЛ «ДЕЛАТЬ»

Глагол "делать" дистрибутивно не отличается от обычных переходных глаголов. Мы выделяем его в особую группу только потому, что он имеет несколько служебных значений, не свойственных другим переходным глаголам.

Собственное значение глагола 爰 v_{ie}^1 - "делать, совершать". В этом значении он употребляется довольно широко. Однако для нас наибольший интерес представляют его служебные употребления.

При сочетании глагола 爰 v_{ie}^1 с именными или качественными морфемами образуются сложные глаголы со значением соответствующего действия, например: 爰 $nwl'n^1$ "горло" - 爰 $nwl'n^1 v_{ie}^1$ "есть, питаться", 爰 na^1 "глубокий" - 爰 $na^1 v_{ie}^1$ "углублять". Следует специально указать, что в языке *Suvarnaprabhasa-sūtra* глагол 爰 v_{ie}^1 употребляется не только с именными и качественными морфемами, но также и с глагольными. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении примерам, морфемы, о которых идет речь, могли употребляться как глаголы, так и субстантивно. Видимо, последнее обстоятельство способствовало тому, что при такого рода амбивалентных морфемах можно было употреблять глагол 爰 v_{ie}^1 .

Собственное значение глагола 爰 we^2 не отличается от 爰 v_{ie}^1 . Значительное сходство в чтении наводит на мысль о том, что 爰 v_{ie}^1 и 爰 we^2 являются родственными. Однако окончательный вывод такого рода возможен только при наличии более широкого материала. Глагол 爰 we^2 употребляется главным образом при именных морфемах, образуя сложный глагол со значением соответствующего действия, например: 爰 m_{le}^2 "имя" - 爰 $m_{le}^2 we^2$ "именовать"

Глаголы 弄 *vje'* и 弄 *we²* могут употребляться как обыкновенные связки в тех случаях, когда предикативный член синтагмы обозначает название должности, чина, занятия и т.п., например: 編 靑 發 弄 奴 慶 弄
 (КМ 83) *mɛi² tsɿ² tshi¹ ndo² mbi² vje'* "Мэн цзы был министром в княжестве Ци"; 能 辨 能 發 該 變 怪 駭 辨 能 能 隨 席 翁 弄 能 席 仰 亦 發 翁 (В III 350в) *nga² la² vja² ra² z̥lou² ml¹ pl̥u¹ ngeʃu² mln¹ ka² tln¹ lhiə² nln² l̥wu² we² tln¹ nln² .ln¹ ngi² we²* "Я вспоминаю, как в прошлом, неизмеримое число калп тому назад, я был то телом князя, то телом княжеского сына".

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Особенности категории времени тангутского языка во многом зависят от изложенных выше особенностей глагольной морфемы. Обобщенность значения глагольной морфемы проявляется, в частности, в том, что она может обозначать действие, относящееся к любому временному плану; точно так же она может обозначать действие в любом аспекте его течения. При этом любое из этих значений она приобретает только в зависимости от знаменательных морфем, образующих ее окружение, или же от контекста — как близкого, так и дальнего.

Влияние знаменательного окружения и контекста состоит в том, что здесь могут быть разного рода прямые указания на время или способ реализации действия, выраженного глагольной морфемой, не имеющей ни временного, ни видового оформления. Примером такого прямого указания могут служить морфемы грамматического класса наречия, скажем 發 *sln¹* "теперь", 能 *sjɛ'* "в прошлом", 發 *ju²* "постоянно" и т.п.

Глаголы тангутского языка располагаются в предложении в так называемом прогрессивном порядке. Это означает, что последовательность глаголов в предложении соответствует последовательности действий в описываемой ситуации. Таким образом, прогрессивная последовательность и обобщенность видо-временного значения глагольной морфемы сами по себе оказываются достаточными для описания любой ситуации в любом временном плане, не прибегая к служебным морфемам, при условии, что в контексте имеют-

ся непосредственные указания на временную отнесенность описываемой ситуации. Однако наличие такого рода грамматических средств создает лишь возможность описания ситуации в любом временном плане. В реальном тексте не всегда возможно и не всегда необходимо содержательно указывать на временной план. Поэтому в тангутском языке всегда сосуществуют и взаимодействуют формальные и неформальные указания на временной план реализации действия.

При наличии временных служебных морфем глаголы тангутского языка относятся к одному из трех временных планов: плану настоящего времени, плану прошедшего времени и плану будущего времени. План настоящего времени совпадает с моментом речи, план прошедшего времени включает все то время, которое предшествовало моменту речи, план будущего включает в себя все то время, которое наступит после момента речи. При рассказе о прошлых событиях эти три временных плана используются условно: при описании каждой ситуации определенная точка на оси времени рассматривается как план настоящего времени, относительно которого бывает легко определить планы прошедшего и будущего времени, имеющих смысл для данной ситуации.

Настоящее время

К сожалению, мы не располагаем записями повседневной речи тангутов, а имеющиеся литературные памятники тангутского языка бедны диалогами. Поэтому все наши сведения относительно настоящего времени тангутского языка почерпнуты исключительно из письменных источников, где рассказывается о прошлых событиях, и в связи с этим употребление настоящего времени имеет некоторые особенности, которые не существовали в разговорном языке.

Настоящее время глагола тангутского языка образуется с помощью суффикса *𐰽* nd/n^2 . Глагол с этим суффиксом обозначает, что действие, выраженное этим глаголом, совершается либо в момент речи, либо в тот момент, который в некоторой ситуации рассматривается как план настоящего времени.

В имеющихся в наличии письменных памятниках тангутского языка глаголы с этим суффиксом употребляются главным образом для указания либо на относительное, либо на абсолютное настоящее время.

Настоящее относительное время имеет место в тех примерах, где описывается ситуация, при которой некоторое действие совершается одновременно с другим. Суффикс **迺** $ndln^2$ указывает на то, что действие, обозначенное глаголом с этим суффиксом, протекает одновременно с действием, обозначенным некоторым другим глаголом, например: **竊婦廉殺 獲龍迺迺** (В III 342в) $ʒi^2 tsai^1 nln^2 ngi^2 tha^2 phi^2 .i^1 ndln^2 mlo^1$ "Я слышал, что говорят: "Младший сын царя исчез". Очевидно, что в этом примере согласно его прямому смыслу действие, обозначенное глаголом **迺** $.i^1$ "говорить", протекает одновременно с действием, обозначенным глаголом **聽** mlo^1 "слушать". Однако в силу существования прогрессивной последовательности глаголов в предложении тангутского языка, о которой говорилось выше, глагол **迺** $.i^1$ "говорить", не имеющий временного суффикса, должен обозначать действие, предшествующее действию, обозначенному глаголом **聽** mlo^1 "слушать". Этого не происходит потому, что после глагола **迺** $.i^1$ "говорить" стоит суффикс **迺** $ndln^2$, который указывает на то, что действие, обозначенное им, происходит не перед действием, обозначенным следующим глаголом, а одновременно с ним.

Настоящее абсолютное время имеет место в тех примерах, где описывается ситуация, которая имеет место всегда и, следовательно, носит вневременной характер. В качестве примера приведем одну довольно длинную фразу из *Suvarnaprabhasa-sūtra*, причем по-тангутски передадим только одну наиболее важную для нас часть, где встречается нужный нам суффикс (перевод этой части дается в круглых скобках): "Эта *Suvarnaprabhasasūtra* в настоящем и в будущем, в городах, в селениях, в горах, в болотах, в пустошах, в лесах, во дворцах князей, в келье отшельника **夜般龍龍迺迺** $ldiŋ^2 ndai^1 ndʒi^1 tʃiei^2 nei^1 tʃhɿn^1 ndln^2 twu^1$ (повсюду распространяется и читается)" (В III 196н). Совершенно очевидно, что суффикс **迺** $ndln^2$, относящийся одновременно к двум

глаголам - 駭能 *ndai' ndzi'e'* "распространять" и 駭能 *thiei' nei'* "читать", указывает на то, что действия, обозначенные указанными глаголами, происходят всегда, независимо от временного плана, в котором совершается акт речи.

Вневременной характер абсолютного настоящего времени очень хорошо бывает замечен в случаях употребления суффикса 迨 *ndln²* со связками, например: 膽駭能迨駭能迨駭能迨駭能迨駭能迨駭能 *kie' ldjei² ndziwo ldiə' ngu² ndln² ndzju' mbi² khjon' liew² njuo' sa' wo² liə'*
"Хотя [он] и храбрый человек, но, из-за того, что не дождался приказа, заслуживает смерти"¹. Здесь постоянство свойств человека, о котором идет речь в примере, подчеркивается суффиксом 迨 *ndln²* при связке.

Таким образом, из приведенных примеров очевидно, что основным отличием относительного употребления настоящего времени от абсолютного является наличие в предложении другого глагола, который обычно находится в правом окружении глагола с суффиксом 迨 *ndln²* при относительном употреблении. Недостаточное количество примеров диалогической речи в прочитанных памятниках тангутского языка не дает возможности утверждать, существовало ли в тангутском языке употребление суффикса 迨 *ndln²* просто для обозначения действия, протекающего в момент речи, но можно предположить, что такое употребление суффикса 迨 *ndln²* было возможно.

Прошедшее время

Особенности видо-временного значения глагольной морфемы тангутского языка оказывают влияние также и на характер прошедшего времени этого языка. Как уже указывалось, глагольная морфема тангутского языка может относиться к любому временному плану, в том числе и к плану, прошедшего времени. Однако для тангутского языка существенно не только указание на то, что некоторое действие протекало в плане прошед-

¹ Пример взят из: Архив востоковедов ЛО ИНА, фонд 69, оп.1, ед.хр.6, стр.236.

шего времени, но необходимо также и указание на отношение этого действия к плану настоящего времени. Для тангутского языка существенно также, каков характер действия: имеются ли какие-нибудь результаты этого действия в плане настоящего времени, или это действие никакого влияния на план настоящего времени не оказывает. Совершенно естественно, что глагольная морфема тангутского языка вне сочетания со служебными морфемами не может передать упомянутые значения.

Прошедшее время тангутского языка образуется с помощью префиксов 維 *viə²*, 覓 *riə²*, 覓 *tha²*. Глагол с одним из таких префиксов обозначает, что действие, выраженное этим глаголом, протекало в плане прошедшего времени, но его результаты налицо в плане настоящего времени. Так, например, в предложении 達覓覓覓 (В II 4в) *tha¹ ndo² riə² siə²* "К Будде подошли" употребление префикса 覓 обозначает, что кто-то подошел к Будде и около него остался. План настоящего времени в отрезке текста, описывающем эту ситуацию, начинается со следующего предложения, где описываются разговоры людей, подошедших к Будде, с самим Буддой. Рассмотрим другой пример: 覓覓覓 (КМ 101) *tshən¹ sɿwo² xju¹ xai² riə² n dziwo² tha² tha² ne²* "Встретившись с Сюй Сином, Чэнь Сян очень обрадовался". Употребление префикса 覓 *tha²* обозначает, что действие, выраженное глаголом 覓 *ne²* "радоваться", относится к плану прошедшего времени, но его результаты сказываются и в плане настоящего времени, потому что Чэнь Сян, судя по контексту, остается в этом состоянии и в плане настоящего времени.

Не вполне понятно, почему прошедшее время в тангутском языке образуется с помощью трех различных префиксов. Для объяснения этого факта можно сделать только следующие два предположения: либо глагольные префиксы различались не функционально, а только дистрибутивно, либо же между ними существует очень тонкое функциональное различие. Первое предположение нам представляется маловероятным, потому что фонологический состав этих морфем слишком различен. Если бы имело место

действительно дистрибутивное различие в употреблении, то в таком случае либо вокалические части этих слогов должны быть совершенно одинаковыми или очень близкими (при условии, если основанием дистрибуции был начальный согласный), либо начальные согласные должны быть одинаковыми или очень близкими (при условии, что основанием дистрибуции была гласная часть слога). Кроме того, в прочитанных текстах нередко употребление одной и той же знаменательной морфемы с разными префиксами прошедшего времени. Второе предположение несколько более вероятно, потому что в прочитанных текстах имеются примеры, где можно уловить некоторое функциональное различие между этими тремя префиксами. Приведем один такой пример. Ввиду того что он довольно велик, часть его воспроизведем в переводе (перевод отрывков примера, которые воспроизведены по-тангутски, дается в круглых скобках). В прежние времена жил некий царь по имени Балендракету. У него был сын Ручиракету. Незадолго до того как передать сыну свой трон, он говорит: "Имеется истинное учение о царских законах, называемое Девендрасамая. Когда в прошлом я, заняв трон моего отца, 薩文那 *tha² we²* (стал во главе государства), мой отец по имени Джнябалендракету 能而不夜能康而能文能清能變能化能多能壽 *nga²·ln¹ thl² nln² tsɿ¹ tshja² ldiə² giə² tshje¹ vje¹* (мне изложил истинное учение о царских законах). Опираясь на это учение, я 變化龍 *giə² mje²* (царствовал) двадцать тысяч лет, и ни разу не было ни одного беззакония" (В Ш 210в). Первое предложение этого отрывка - "В прежние времена жил некий царь по имени Балендракету" - имеет в своем составе содержательное указание на время совершения действия и поэтому, естественно, глагол этого предложения не имеет никакого грамматического оформления.

Грамматическое оформление глагольных морфем появляется в прямой речи, где имеет место план настоящего времени для приведенного отрывка. План настоящего времени здесь - это время речи царя Балендракету. Совершенно естественно, что рассматриваемые префиксы прошедшего времени появляются в тексте лишь в связи с планом настоящего времени. Сама прямая речь содержит в себе указания на три последовательные до-

ли плана прошедшего времени. Первая: "когда в прошлом я, заняв трон моего отца, стал во главе государства", вторая "мой отец по имени Джньябалендракету мне изложил истинное учение о царских законах, называемое Девендрасамая", третья: "опираясь на это учение, я царствовал двадцать тысяч лет". Глагол каждого из перечисленных отрезков речи сочетается с одним из рассматриваемых суффиксов. При этом наиболее удаленная часть плана прошедшего времени соответствует префиксу 𑖀 tha^2 следующая - префиксу 𑖁 ri^2 и последняя - также префиксу 𑖁 ri^2 . Трудно сказать, в этом ли заключается действительное различие между рассматриваемыми префиксами, но такого рода различие можно наблюдать еще в нескольких случаях. Даже если приведенное выше наблюдение действительно верно, оно ничего не говорит нам о том, каково было различие между этими префиксами в случае их употребления вне связи друг с другом.

Давнопрошедшее время тангутского языка образуется с помощью служебных морфем 𑖁 $ndln^2$ и 𑖁 $ndzia'$, которые стоят после глагольных морфем, но, строго говоря, суффиксами не являются; более подробно о статусе этих морфем будет сказано ниже. Глагол, оформленный одной из рассматриваемых морфем, обозначает, что действие, выраженное этим глаголом, протекало в плане прошедшего времени, причем результаты этого действия совершенно не обязательно должны сказываться в плане настоящего времени.

Приведем несколько примеров: 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 (В II 218н) $lhia^2 nln^2 k\ddot{e}i' we' ndzu^2 thl' iu^2 sjo' ndln^2$ "Когда-то владыка Золотого Дракона высказывал такое желание"; 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 𑖁 (В II 38в) $li^2 tha' thl' nda^2 tshle' ndzia' lhia^2 tln' mi' sia^2$ "После того как были произнесены эти слова, Будды четырех стран света молниеносно исчезли". Из этих примеров явствует, что действия, обозначенные глаголами с рассматриваемыми служебными морфемами, либо никак не соотносятся с планом настоящего времени, либо - если даже и соотносятся - результаты этого действия никак не сказываются в плане настоящего времени.

Морфемы 𑖁 $ndln^2$ и 𑖁 $ndzia'$ имеют знаменательное значение "за-

вершить, закончить", при этом 𑖇𑖅 $ndzia'$ довольно часто выступает как независимая морфема и иногда может выступать как член предикативной синтагмы или даже как прилагательное "последний, окончательный", например: 𑖇𑖅 𑖇𑖅 (В II 156) $zi^2 ndzia'$ "самый последний". Морфема 𑖇𑖅 $ndln^2$ в прочитанных текстах как независимая не встречается, однако одна ее особенность говорит о ее глагольном происхождении. Эта особенность состоит в том, что при образовании отрицательной формы глагола с этой служебной морфемой отрицание ставится не перед глаголом в целом, а перед этой морфемой. Примечательно также и то, что при глаголах с этой морфемой возможно только одно отрицание 𑖇𑖅 mln^2 , например: 𑖇𑖅 𑖇𑖅 𑖇𑖅 𑖇𑖅 𑖇𑖅 (КМ 109) $si^2 ei^2 nln^2 \cdot ln lwa^2 vie mln^2 ndln^2$ "Прошлые поколения не хоронили родных".

Точно так же как и в предшествующем случае, не вполне понятно различие между этими двумя служебными морфемами. Можно лишь предположить, что различие между ними целиком находится в области стилистики, причем форма на 𑖇𑖅 $ndzia'$ как менее грамматизованная, принадлежит вероятно, более высокому стилю.

Будущее время

Будущее время тангутского языка представляет собой особую проблему, тесно связанную с наклонением. В различных языках по-разному трактуется проблема будущего времени. В одних будущее время трактуется как объективное, не связанное с волей говорящего. В других языках действие, которое будет реализовано в будущем, так или иначе связывается с волей говорящего. Тангутский язык относится к языкам второго типа. В разделе о наклонениях тангутского языка будет показано, что во многих случаях действие, которое должно быть реализовано в будущем, рассматривается как связанное с тем или иным побуждением говорящего: его волей, желанием, намерением, допущением и т.п. В тангутском языке имеется лишь одна служебная морфема, которую можно трактовать как настоящий показатель будущего времени, правда, с определенными оговорками, о которых мы скажем ниже.

Будущее время тангутского языка образуется с помощью суффикса **𐰇** .In'. Глагол с этим суффиксом обозначает, что действие, выраженное этим глаголом, будет реализовано в плане будущего времени. Структура будущего времени столь же неоднородна, как и структура прошедшего: может существовать будущее время, непосредственно связанное с планом настоящего времени, но возможно также и будущее, не связанное с планом настоящего времени. Рассматриваемый суффикс в зависимости от окружения может иметь любое из этих значений.

В тех случаях, когда в правом окружении этого суффикса находится служебная морфема **𐰇** zIe' "время", глагол с суффиксом **𐰇** .In' обозначает действие, которое реализуется в ближайшем будущем, т.е. действие, обозначенное этим глаголом, непосредственно связано с планом настоящего времени, например: **𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇** ... tha' phi² khies² liwu² In' .In' zIe' ... "Этот бхикшу, перед тем как умереть..."¹.

Во всех остальных случаях глагол с этим суффиксом обозначает действие, не связанное с планом настоящего времени, например: **𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇** (КМ 99) then² ta' ldiə² rja' liwu² zə' ngo' ngi² vio' .In' "Тэц - княжество маленькое и узкое. [Но] неужели [здесь] не будет совершенного человека?"

Однако, как нам представляется, будущее время, образованное с помощью этого суффикса, имеет некоторый субъективный оттенок: действие, обозначенное глаголом с этим суффиксом, реализуется в результате намерения или желания некоторого лица, например: **𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇 𐰇** (КМ 99) ngo' .In' ndzwl' ndziwu' ndzie "Твой государь введет (хочет ввести) гуманное управление". Субъективный оттенок формы будущего времени с этим суффиксом объясняется тем, что морфема **𐰇** .In' не вполне грамматизовалась. Ввиду того что в прочитанных текстах она встречается довольно редко, у нас нет примеров, где эта морфема выступала бы как обыкновенный модальный глагол, однако имеется пример, который напо-

¹ Пример взят из кн.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.409.

минает о том, что до грамматизации эта морфема была знаменательной:...

𐎎𐎗𐎚𐎛𐎜𐎝 (КМ 108) ... ndziwo² siə'nga² ·In' "... пойду увидеть-ся". В этом примере между глаголом 𐎎𐎗 siə' "уходить" и морфемой 𐎛𐎜 ·In' стоит служебная морфема 𐎚 nga², обозначаемая иероглифом, с помощью которого передается местоимение 1-го лица. По всей вероятности, в этом, а также во многих примерах, где эта морфема 𐎚 nga² стоит в конце предложения или перед глаголом, она представляет собой не местоимение, а своего рода эмфатическую частицу. Для нас в этом случае наиболее существенным является то, что между глаголом и рассматриваемой морфемой может быть поставлена эмфатическая частица, что несколько напоминает свойства модальных глаголов.

В заключение раздела о будущем времени в тангутском языке следует сказать, что, если исключить непосредственное будущее, которое образуется с помощью 𐎛𐎜 ·In', общим значением будущего времени, обозначаемого с помощью этого суффикса, будет гипотетичность: действия, обозначенные глаголами с суффиксом 𐎛𐎜 ·In', могут реализоваться, но могут и не реализоваться.

КАТЕГОРИЯ ВИДА

Как уже упоминалось, глагольная морфема тангутского языка может обозначать не только действие, относящееся к любому временному плану, но также и действие, характеризующееся любым способом течения. Способы течения действия, или вид, может быть обозначен как формальными, так и неформальными средствами. Неформальными средствами обозначения вида являются знаменательные морфемы, образующие окружение глагола, или же контекст. Формальные средства обозначения вида — глагольные префиксы. В тех случаях, когда по тем или иным причинам глагольная морфема рассматривается вне окружения, ее вид может быть любым. Аналогично тому, как мы говорили о всевременном характере глагольной морфемы, можно также говорить о ее всевидовом характере.

Категории вида и времени тангутского языка находятся во взаимод. действии: каждая из них имеет свою область применения, причем эти об-

вида или времени, в сущности также можно вывести из основной значимости служебной морфемы **爰** kl^1 . Значение уступительности как раз состоит в том, что говорящий считает совершившимся то действие, реализация которого в действительности ему представляется невозможной, например: **爰** (В III 272н) $\cdot i^1 ngwo^2 ldi^1 tha^2 lie^1 ndzai^1 ndlei^2 kl^1 n|wl^2 ndln^2 thl^1 vi^2 ndziwa^2 siwa^1$ "Пусть даже может лечить все болезни, а также четыре великих опухоли и истощения, он уже стал стар и немощен". Префикс **爰** kl^1 при модальном глаголе **爰** vi^2 "мочь" в этом случае указывает вовсе не на то, что действие этого глагола реально проведено от начала и до конца, а на принципиальную возможность (об этом свидетельствует суффикс **爰** $ndln^2$), но фактическую неосуществимость этого действия. Таким образом, различие между видовым и уступительным значениями этого префикса состоит только в оценке характера действия говорящим. В том случае, когда говорящий считает это действие реально осуществимым, имеет место видовое значение; в том случае, если говорящий считает это действие реально неосуществимым, имеет место уступительное значение.

Совершенный начинательный вид

Совершенный начинательный вид образуется с помощью префикса **爰** na^1 . Глагол с этим префиксом обозначает, что действие началось и продолжается в некотором временном плане.

В тех случаях, когда префикс **爰** na^1 относится к глаголам плана прошедшего времени, он обозначает, что действие или состояние, выраженное глагольной морфемой, начиналось; однако в имеющихся в нашем распоряжении примерах нет никаких свидетельств относительно завершенности указанного действия или состояния: **爰** (В III 324в) $vi^2 ra^2 zi^n \cdot a^2 lhi^2 nln^2 ngl^2 ndju^1 mje^2 ta^1 tha^2 ko^1 lo^2 tha^2 ngl^n^1 je^2 u^2 na^1 swu^2$ "В древности жил царь по имени Махаратха. Его богатства были огромны. Драгоценности наполняли сокровищницы". Очевидно, что префикс **爰** na^1 в этом примере показывает, что действие, обозначенное глаголом **爰** swu^2 "наполнять",

tʃ ei² a¹ wɯo¹ pa¹ phɿou² ndzɿə¹ rai² "Затем он встал со своего места и, сложив ладони, приветствовал [Будду]".

В плане настоящего времени префикс 殺 na¹ также имеет значение однократности, но при этом не исключена возможность того, что действие, обозначенное глаголом с этим префиксом, может повторяться неаколько раз, например: 精藉殺漏干地務絕這殺刻 (В III 360н) kɿe¹ mə¹ kɿ¹ nɿ² su² a¹ mə¹ .jei² na¹ ? "Они ведут себя так, словно со всех сторон окружены огнем: то вскакивают, то снова падают ниц".

В плане будущего времени глаголы с префиксом 務 a¹ употребляются сравнительно редко.

Виды тангутского языка очень легко интерпретировать с помощью отрезков и точек на оси времени. Очевидно, что видовое значение глагольной морфемы, не имеющей видового оформления и не связанной с определенным окружением, можно интерпретировать как луч - бесконечную прямую. Видовое значение глагола с префиксом 殺 kɿ¹ можно интерпретировать как отрезок, т.е. часть прямой, ограниченной с двух сторон точками. Видовое значение глагола с префиксом 殺 na¹ можно интерпретировать как полупрямую, т.е. часть прямой, ограниченную точкой с одной стороны. Видовое значение глагола с префиксом 務 a¹ можно интерпретировать как точку на оси времени.

Глагольные виды тангутского языка противопоставляются друг другу по нескольким признакам. При этом вид неформенной глагольной морфемы как ничем не ограниченный противопоставляется всем остальным видам, которые характеризуются указанными выше ограничениями. Внутри системы, состоящей из совершенного, начинательного и однократного вида, однократный вид противопоставляется остальным двум видам по признаку длительности: однократный вид обозначает недлящееся действие, остальные виды - ддящееся действие. В свою очередь совершенный вид противопоставляется начинательному по признаку числа ограничивающих точек.

Систему тангутских глагольных видов по трем дифференциальным

признакам: ограниченность-неограниченность, длительность-недлительность, односторонность-двусторонность можно представить в виде таблицы (табл.7).

Таблица 7

Дифференциальные признаки	Префиксы			
	發	發	務	0
Ограниченность	+	+	+	0
Длительность	+	+	-	0
Односторонность	-	+	0	0

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Категория залога связывает действие, обозначенное глаголом, с субъектом действия, т.е. описывает целую ситуацию. В тех случаях, когда описывается ситуация, где субъект совершает действие, обозначенное глаголом, имеет место действительный залог; в тех случаях, когда субъект с помощью чисто языковых средств предстает в качестве объекта действия, обозначенного глаголом, имеет место страдательный залог. Нетрудно заметить, что как действительный, так и страдательный залог описывают одну и ту же ситуацию, которая в каждом из этих случаев рассматривается с разных точек зрения. В тангутском языке, где вообще заметная тенденция к соответствию грамматических конструкций и реальных ситуаций, страдательный залог отсутствует, вероятно, потому, что он не описывает никакой новой ситуации по сравнению с действительным залогом. В этом отношении следует заметить, что при переводе китайских сочинений на тангутский язык страдательные конструкции китайского языка регулярно переводятся действительным залогом тангутского языка.

В тангутском языке существуют три залога: действительный, побудительный и взаимный.

Действительный залог глагола тангутского языка имеет место во всех тех случаях, когда глагольная морфема выступает без какого-либо залогового оформления, иначе говоря, характеризуется нулевой формой. Как уже упоминалось, действительный залог связывает действие с субъектом, который совершает это действие, или же связывает некоторое состояние, обозначенное глаголом, с субъектом, который испытывает это состояние. Существенно отметить, что ситуации, описываемые с помощью глаголов действительного залога, можно охарактеризовать как одночленные, т.е. действие, обозначенное глаголом, связывается с одним субъектом (или же с некоторым множеством субъектов, которые рассматриваются как тождественные). Примеры действительного залога тангутского языка мы специально приводить не будем, потому что глаголы действительного залога находятся в большом числе примеров, встречающихся в других разделах.

Побудительный залог

Побудительный залог глагола тангутского языка образуется с помощью суффикса 𐌒𐌗 phi'. Этот суффикс обозначает, что субъект не сам совершает действие или испытывает состояние, а прямо или косвенно побуждает другого субъекта совершить действие или испытать состояние, обозначенное глаголом, например: 𐌒𐌗 𐌒𐌗 𐌒𐌗 𐌒𐌗 𐌒𐌗 (КМ 86) Kwan' *šiu' jen' zəu' šia' phi'* "/Чжоу Гун/ послал (букв. побудил ехать) Гуань Шу инспектировать царство Инь". В этом примере суффикс 𐌒𐌗 phi' при глаголе 𐌒𐌗 *šja'* "уйти, уехать" обозначает, что Гуань Шу предпринял это путешествие не по своей инициативе, а в результате воздействия со стороны Чжоу Гуна.

Однако не следует думать, что членом ситуации, от которого исходит побуждение, может быть только какое-нибудь лицо или какой-нибудь предмет. В целом ряде случаев побуждение может исходить от целой ситуации, например: 𐌒𐌗 𐌒𐌗 𐌒𐌗 𐌒𐌗 𐌒𐌗 (КМ 55) *tšhjo' ndzwo' ta' me'*

i' ku' rai' phi' "Поэтому, если люди имеют мудрых отцов и старших братьев, то [это обстоятельство] заставляет их радоваться".

Глагол с суффиксом побудительного залога употребляется также в тех случаях, когда он синтагматически связан с другим глаголом, имеющим побудительное значение, например: *奸邪黠淫安能配祀* (КМ 99) *pi' tsia' phje' kha' ldzə' iə' phi'* "[Князь] послал Би Чжана спросить о системе "цзин-тянь". В этом примере глагол *问 iə'* "спрашивать" оформлен побудительным суффиксом, потому что связан с глаголом *黠 phje'* "посылать", имеющим побудительное значение.

Следует заметить, что побудительность значения глаголов понимается очень широко и поэтому может обозначать не только повеление, но также и просьбу, например: *施种善女在文能叙祀多行祀* (В II 92в) *riu' tha' ple' ngle' zi' thioŋ' tsɿ' tshje' phi'* "У всех Будд проси, чтобы они высказали совершеннейшие дхармы". В этом примере глагол *说 tshje'* "говорить, изрекать" оформлен побудительным суффиксом потому, что синтагматически связан с глаголом *种花 ple' ngle'* "просить, увещевать".

Забегая вперед, скажем, что при употреблении суффиксов побудительного залога в тех случаях, о которых идет речь, последовательность глаголов в предложении несколько отличается от обычной последовательности синтагматически связанных глаголов. Обычно глаголы, детерминирующие появление других глаголов, стоят в конце предложения, а детерминированные глаголы стоят перед ними в той же синтагме. Из приведенных примеров нетрудно убедиться, что глагол с побудительным значением находится в одной синтагме, а синтагматически связанный с ним глагол с побудительным суффиксом - в другой.

Глаголы с побудительными суффиксами описывают ситуацию, которую можно назвать двучленной, потому что такая ситуация предполагает участие не менее чем двух нетождественных лиц, отношения которых сводятся к тому, что одно из них побуждает к совершению действия, а другое совершает это действие. Ввиду того что побуждение всегда предшествует самому действию, описанная ситуация характеризуется также

торой одно действие, принимающее участие в ситуации, совершается ранее другого.

Систему тангутских залогов по дифференциальным признакам одночленность-двучленность и одновременность-разновременность можно представить в виде таблицы (табл.8).

Таблица 8

Дифференциальные признаки	з а л о г и		
	действительный	побудительный	взаимный
Одночленность	+	-	-
Одновременность	+	-	+

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Категория наклонения указывает на специальный характер связи субъекта действия, принимающего участие в ситуации, с действием, обозначенным глаголом. Связь субъекта и действия может быть самой разнообразной. Она может обозначать желание или намерение субъекта совершить некоторое действие, необходимость его совершить и т.п. В различных языках число наклонений может быть различным. Одни языки характеризуются небольшим числом наклонений, другие, к которым, в частности, принадлежит и тангутский, - довольно развитой системой наклонений.

Изъявительное наклонение

Глагольная морфема тангутского языка не содержит сама по себе никаких указаний на характер связи действия, обозначенного этим глаголом, с субъектом этого действия. С точки зрения субъекта, который в принципе может совершить любое действие, поддающееся описанию средствами языка, все действия делятся на актуальные, которые либо осуществлены либо осуществляются в данный момент, и эвентуальные, которые могут быть осуществлены. Совершенно очевидно, что глагольная морфема тангутского языка, не имеющая какого-либо грамматического оформления, может обозначать только виртуальные действия или состояния. В тех случаях, когда субъект действия связан с глаголом, обозначающим некоторо-

виртуальное действие, имеет место изъявительное наклонение. Мы не будем приводить специальных примеров, которые иллюстрировали бы употребление изъявительного наклонения, потому что в большинстве приведенных примеров глаголы находятся именно в изъявительном наклонении.

Желательное наклонение

Желательное наклонение, или оптатив, тангутского языка образуется с помощью префиксов 奔 $ndln^2$, 報 $vjei^2$, 婦 kin^1 , 伎 ln^1 , 婦 rie^2 . Не вполне понятно, почему в тангутском языке желательное наклонение образуется с помощью пяти различных служебных морфем.

Может быть несколько объяснений этому явлению.

Первое состоит в том, что в эпоху, предшествующую изобретению письменности, в тангутском языке существовало пять различных наклонений, значение которых так или иначе сводилось к желательности, но к моменту создания тех текстов, которыми мы пользовались, различий между ними более не существовало. Осталось только пять разных служебных морфем, которые употреблялись одинаково. Префикс 奔 $ndln^2$ употребляется чаще остальных. Если наше предположение справедливо, то можно считать, что он вытесняет другие префиксы желательного наклонения.

Второе объяснение состоит в том, что различия в употреблении этих префиксов все же имеют место, но они настолько тонки, что мы не смогли обнаружить их: для их обнаружения необходим текст большего объема.

Третье объяснение состоит в том, что указанные префиксы различаются функционально. Нетрудно заметить, что вокализм слогов, составляющих эти морфемы, обнаруживает определенное сходство — все вокалические части указанных слогов представляют собой гласные переднего или среднего ряда, подъем которого несколько ниже i , но выше e . Несмотря на то что эти слоги относятся к разным рифмам, вполне вероятно, что в языке конца XII в. их вокалические части не отличались друг от друга. Если это предположение справедливо, то употребление того или иного префикса зависит от характера начального согласного той морфемы, к которой

ство обратил внимание еще Н.А.Невский, который рассматривал префиксы 後 $.ln^1$ и 後 rie^2 как служебные слова вероятного будущего времени¹.

Таким образом, желательное наклонение тангутского языка характеризуется дифференциальным признаком эвентуальности: действие, обозначенное соответствующей глагольной морфемой, может быть реализовано только в плане будущего времени, при этом реализация может наступить, а может и не наступить.

В каждом примере употребления префиксов оптатава имеет место совершенно определенное волеизъявление, исходящее от субъекта действия, который желает, чтобы действие, обозначенное глагольной морфемой, реализовалось. Таким образом, можно сказать, что желательное наклонение тангутского языка характеризуется также дифференциальным признаком волеизъявления и дифференциальным признаком направленности от субъекта.

Префикс 奔 $ndln^2$ употребляется намного чаще остальных. Поэтому мы знаем об употреблении этого префикса больше, чем об употреблении остальных. Глагол с этим префиксом может употребляться в бессоюзных условных придаточных предложениях, например: 奔 願 春 亂 奔 願 春 亂 奔 願 春 亂 (В III 248в) $l'wə' ndwə' ndln^2 ndiu' tsI' m'le^2 mi' xja' l'ho'sə'$ "Если вдруг появятся враги, то, услышав это имя, они поспешно разбегутся в разные стороны". Из контекста, предшествующего этой фразе, следует, что говорящий считает ситуацию нападения врагов маловероятной, но для большей убедительности он конструирует пример, в котором упоминается нападение врагов. Такого рода употребление желательного наклонения возможно лишь благодаря наличию в его значении дифференциального признака эвентуальности. В отличие от обычных условных придаточных предложений с союзами бессоюзное придаточное предложение с глаголом в желательном наклонении обозначает условную реализацию действия в будущем. Обычно эта реализация представляется говорящему малореальной. Префикс 奔 $ndln^2$ встречается также в вопросительных предложениях, где задается вопрос о лице или предмете, которые, по мнению говорящего, может быть и не сущест-

¹ См. Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.162.

вуют в действительности. Примером такого рода может служить следующая фраза: 𑖀𑖂𑖄𑖆𑖈𑖊𑖌𑖎𑖐𑖒𑖔𑖖𑖘𑖚𑖜𑖞𑖠𑖢 (В III 232н) $ldiə' tsôn' tsɿ' ndzje^2 ndln^2 tshjə' ndzje'$ "Не здесь ли живет законоучитель Джинендрагхоша?".

Из контекста, предшествующего этой фразе, следует, что спрашивающий не вполне уверен в реальности существования этого законоучителя, потому что это имя он услышал от явившемуся ему во сне Будды. Такого рода употребление желательного наклонения возможно только благодаря наличию в его значении дифференциального признака эвентуальности.

Допустительное наклонение

Допустительное наклонение, или пермиссив, тангутского языка образуется с помощью префикса 𑖀 $riə'$. Глагол с этим префиксом обозначает, что реализация действия, выраженного им, допустима со стороны внешних обстоятельств, например: 𑖀𑖂𑖄𑖆𑖈𑖊𑖌𑖎𑖐𑖒𑖔𑖖𑖘𑖚𑖜𑖞𑖠𑖢 (В II 84в) $ɿln' ndzwei' vje' ku' a' tshū' no' zle' ndzju^2-ja^2 vje' mln'$ "Если грех совершен, то недопустимо скрывать его даже на мгновение". Таким образом, налицо волеизъявление, исходящее от внешних обстоятельств и направленное на субъект действия. Допустительное наклонение тангутского языка характеризуется также эвентуальностью: действия, обозначаемые глаголами с префиксом, могут реализоваться только в плане будущего времени. Следовательно, мы можем сказать, что допустительное наклонение тангутского языка характеризуется дифференциальными признаками волеизъявления, направленности к субъекту и эвентуальностью. От желательного наклонения допустительное отличается только одним дифференциальным признаком.

Гипотетическое наклонение

Гипотетическое наклонение тангутского языка образуется с помощью префикса 𑖀𑖂 ma' . Глагол с таким префиксом обозначает, что реализация действия, выраженного им, вероятна, например: 𑖀𑖂𑖄𑖆𑖈𑖊𑖌𑖎𑖐𑖒𑖔𑖖𑖘𑖚𑖜𑖞𑖠𑖢 (В III 324н). $thl^2 mbo' kha' vjei' nōn^2 ma' ndju'$ "Сейчас, вероятно, в этом лесу есть злые звери". В отличие от желательного и допустительного наклонений, которые могут употребляться только в плане будущего

или вообще вне времени, гипотетическое наклонение может употребляться в любом временном плане, однако чаще всего оно употребляется в плане будущего времени. В частности, глагол в гипотетическом наклонении встречается в разного рода риторических вопросах, где речь идет о действиях, которые должны быть реализованы в плане будущего времени, например: 兀覽散弁菱而能汝能疑能強文 (КМ 95) $nda^2\ tha^2\ ndzia^1\ phi^1\ ma^1\ mi^1\ n\lrcorner\ wi^2\ mo^2$ "Неужели не смогу я завершить великое дело?". Таким образом, мы можем сказать, что гипотетическое наклонение тангутского языка характеризуется дифференциальным признаком эвентуальности.

Уступительное наклонение

Уступительное наклонение, или concessiv, образуется с помощью префикса 敵 $ld\lrcorner^1$. Особенность concessiva состоит в том, что субъект при этом связывается не с одной ситуацией, как это имело место при рассмотрении других наклонений, а с двумя. Первая ситуация описывается предложением, в котором находится глагол с уступительным префиксом, и представляет собой условие или предпосылку осуществления второй ситуации, которая обозначена следующим предложением. Уступительность состоит как раз в том, что вторая ситуация не осуществляется или осуществляется не так, как можно было предполагать, несмотря на то что первая ситуация создает условия для ее осуществления, например: 成骨劫交能垂效劫敵敵趁蔽 殺敵 (КМ 101) $then^2\ ndzwi^2\ ta^1\ z\hat{e}^1\ me^2\ ndzwi^2\ ld\lrcorner^1\ ndln^2\ tsja^1\ mln^2\ mi^1$ "Хотя князь Тэн и является мудрым правителем, [истинного] учения он еще не слышал". Ситуация, описанная первым предложением, служит предпосылкой осуществления ситуации, описанной вторым предложением, но, несмотря на это, вторая ситуация не осуществляется. Связь между субъектом и первой ситуацией может быть только актуальной, т.е. глаголы в уступительном наклонении могут обозначать действие, относящееся к плану настоящего или прошедшего времени.

Вторым дифференциальным признаком уступительного наклонения является то, что субъект в таком случае связывается не с одной, а с двумя ситуациями. В этом отношении уступительное наклонение противопоставляется

всем остальным, которые связывают субъект только с одной ситуацией. Ввиду того что невозможно найти удобопроизносимый термин, который бы указывал на связь с двумя ситуациями, назовем этот дифференциальный признак концессивностью, имея в виду все же не само значение уступительности, складывающееся из двух указанных дифференциальных признаков, а только связь субъекта с двумя ситуациями.

Выше мы говорили о концессивном значении видового префикса 𑖠 *ki'*. Сейчас уместно вернуться к концессивному значению этого префикса и показать, чем видовой префикс отличается от префикса уступительного наклонения. В рассматриваемом случае мы имеем дело с бессоюзным уступительным предложением с глаголом в форме совершенного вида. Уступительность в этом случае создается реальным наличием двух предложений, из которых первое описывает ситуацию, являющуюся предпосылкой осуществления второй. Отличие рассматриваемого случая от уступительного наклонения тангутского языка состоит в том, что здесь связь субъекта с ситуацией эвентуальна, т.е. может быть осуществлена в плане будущего времени. Интересно также различие между этими двумя префиксами и с точки зрения синтагматических отношений. Наличие префикса 𑖠 *ldiə'* детерминирует появление второго простого предложения, т.е. наличие этого префикса является необходимым и достаточным условием появления второго простого предложения. Что же касается префикса 𑖠 *ki'*, то его появление представляет собой необходимое, но отнюдь не достаточное условие для появления второго простого предложения. Более того, сама концессивность возникает только в результате появления второго простого предложения.

Наклонение долженствования

Наклонение долженствования тангутского языка образуется с помощью суффикса 𑖠 *ldew²*. Глагол с этим суффиксом обозначает, что действие, выраженное им, должно быть осуществлено субъектом, например: 𑖠𑖠𑖠𑖠𑖠𑖠 (В III 18в) *thl² nln² ndo² kju' tshwew' ngu' sjo' ldew²* "Этому царю всех священных книг дары поднести следует".

Как уже указывалось, с помощью суффикса 𠄎 *ldew*² образуются отглагольные существительные со значением объекта действия. Нам представляется, что нет основания предполагать наличие двух различных служебных морфем, обозначенных одним и тем же иероглифом. Значение суффикса отглагольного существительного вполне естественно вытекает из значения суффикса наклонения: 𠄎 𠄎 *thwə'ldew*² "топливо" - это то, что следует сжечь, 𠄎 𠄎 *ngwi²ldew²* "одежда" - это то, что следует надевать, и т.п. Различие в дистрибутивных характеристиках глагола в наклонении долженствования и отглагольного существительного соответствует различию в дистрибутивных характеристиках глагола и существительного. Поэтому, вероятно, можно сказать, что отглагольное существительное с суффиксом представляет собой глагол в наклонении долженствования, употребляемый просубстантивно.

Связь между субъектом и ситуацией, которая описывается с помощью глагола в наклонении долженствования, можно охарактеризовать как актуальную, потому что во всех случаях употребления глагола в этом наклонении речь идет о действии, которое должно быть обязательно осуществлено в любом временном плане.

Наклонение возможности

Наклонение возможности тангутского языка образуется с помощью суффикса 𠄎 *tʃei*². Глагол с этим суффиксом обозначает, что действие, выраженное им, может быть осуществлено говорящим.

С помощью суффикса 𠄎 *tʃei*² образуются существительные со значением места действия. Вероятно, и в этом случае нет оснований предполагать наличие двух различных служебных морфем, обозначенных одним и тем же иероглифом. Значение отглагольного суффикса существительного вполне естественно вытекает из значения суффикса наклонения: 𠄎 𠄎 *ndzu²tʃei²* "сидение" - это то, где можно сидеть, 𠄎 𠄎 *ndzje²tʃei²* "жилище" - это то, где можно жить, и т.п. Различие в дистрибутивных характеристиках глаголов в наклонении возможности и отглагольных существительных с суффик-

сом 𠵹 $t\dot{e}i^2$ примерно соответствует различию между глаголами и существительными. Неполнота соответствия состоит в том, что в значительном количестве случаев употребления глаголов с суффиксом наклонения возможности в качестве предикативных членов синтагмы в его правом окружении находится связочный глагол 𠵹 $khiu^2$ "иметь" или 𠵹 min^1 "не иметь", например: 𠵹 𠵹 𠵹 𠵹 𠵹 𠵹 𠵹 𠵹 (КЛ 3)
 $tha^1 s\dot{e}^2? t\dot{e}i^2 khiu^2 tha^1 wei^1? t\dot{e}i^2 min^1$ "Можно быть равным ему по мудрости, но нельзя быть равным по глупости". Мы, вероятно, имеем право считать, что отглагольное существительное с суффиксом 𠵹 $t\dot{e}i^2$ представляет собой глагол в наклонении возможности, употребленный просубстантивно, однако при этом процесс субстантивации этой глагольной формы зашел насколько далеко, что в основной массе случаев употребления глагол в этой форме уже не может выступать без связки в качестве предикативного члена синтагмы.

Связь между субъектом и ситуацией, которая описывается с помощью глагола в наклонении возможности, можно охарактеризовать как актуальную, потому что во всех случаях употребления глагола в этом наклонении речь идет о действии, которое может быть осуществлено в любом временном плане.

Апеллятивное наклонение

Апеллятивное наклонение тангутского языка образуется с помощью суффиксов 𠵹 ni^2 и 𠵹 na^2 . Для тангутского языка имеет существенное значение, констатируется некоторая ситуация или же пересказывается собеседнику. Глагол с суффиксом 𠵹 ni^2 или 𠵹 na^2 обозначает, что действие, выраженное им, встречается в составе такой ситуации, содержание которой излагается какому-то собеседнику.

Суффиксы 𠵹 ni^2 и 𠵹 na^2 в общем сходны по своим грамматическим свойствам, но различаются по употреблению. Различия в употреблении вызваны, вероятно, внеязыковыми соображениями и поэтому не всегда для нас понятны. На основании употребления этих суффиксов в прочитанных тан-

гутских текстах можно судить только о самых общих закономерностях их сочетаний с глаголами.

Суффикс **跪** ni^2 употребляется, как правило, в речи низшего по отношению к высшему, при этом наиболее часто встречающимся способом обращения является простое повествование или просьба, например: **能年夜御席跪**
跪跪跪而跪跪跪跪 (В Ш 8н) $ni^2 ni^2 ldie' nln^2 thi^2 su^2 ? rai^2 \cdot ln' tln'$
 $nln^2 ni^2 li^2$ "Вы, четыре небесных царя, конечно, сможете охранить эту сутру";
跪跪而跪跪跪 $nga^2 ni^2 \cdot ln' vi^2 nglu ni^2$ "Спаси нас!"¹

Суффикс **跪** na^2 употребляется в речи высшего по отношению к низшему: отца к сыну, мужа к жене, царя к чиновнику и т.п., при этом наиболее часто встречающимся способом обращения является повеление или вопрос, например: **夜能跪跪跪跪跪跪跪跪跪跪** (В Ш 196в)
 $thi^2 \cdot ieu' nluo mbu' ml' pliu' ldie' tsha^2 lhju^2 riuo' na^2$ "По этой причине ты обретешь в воздаяние бесконечное счастье"; **能跪跪跪** (В Ш 206н) $ni^2 xwa^2$
 $s'iuo' na^2$ "Что тебе нужно?"; **跪跪跪跪跪跪跪跪跪跪**
而跪席跪跪跪跪跪跪 (В Ш 318в) $tha' zlon^2 ngu^2 a' na' thon' \cdot ln' \cdot l' ni^2$
 $tha' phu^2 khju' nga^2 \cdot ln' ndzu^2 lu^2 kl^2 thu' phln' na^2$ "Будда оказал своему ученику Ананде: "Поставь мое сиденье под то дерево". Этот суффикс, вероятно, как-то связан с речью женщин. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения: во всех встречающихся в наших текстах случаях обращения мужчины к женщине употребляется только суффикс **跪** na^2 . Более того, в единственном в наших текстах примере обращения женщины к женщине также употребляется этот суффикс. В разговоре царицы и ее служанки в легенде о царевиче, отдавшем себя на съедение тигру, служанка, услышавшая на улице разговор о том, что царевич исчез, говорит царице: **跪跪**
跪跪 (В Ш 340н) $a' tshia' ndwju^2 na^2$ "Знай же!". Такое употребление суффикса **跪** na^2 должно обозначать, что при обращении женщин друг к другу - независимо от их социального положения - пользовались суффиксом **跪** na^2 .

Разумеется, приведенного факта недостаточно для сколько-нибудь

¹ Последний пример взят из Архива востоковедов ЛО ИНА, фонд 69, оп.1, ед.хр.8, стр.16а.

серьезного вывода, но, мы думаем, что такое предположение имеет право на существование.

Другим возможным объяснением наличия двух суффиксов для образования апеллятива является их истолкование как алломорф. Такое объяснение вполне вероятно ввиду значительной фонологической близости указанных морфем. Судя по их фонологическому составу – при условии, что наше предположение верно, – употребление того или иного суффикса зависит от вокализма слога, к которому относится суффикс.

Итак, связь между субъектом и сообщаемой ему ситуацией всегда актуальна. Вторым дифференциальным признаком апеллятивного наклонения является направленность, потому что в каждом случае употребления рассматриваемых суффиксов некоторая ситуация в целом обращается к субъекту.

Система наклонений

Наклонения тангутского языка образуют систему, внутри которой первым противопоставлением является противопоставление уступительного наклонения, где субъект связывается с двумя ситуациями, всем остальным наклонениям, где субъект связывается с одной ситуацией. В свою очередь уступительное наклонение на *撤* $ld_{1ə}^1$ противопоставляется уступительному наклонению на *𪛗* ki^1 по дифференциальному признаку эвентуальности-актуальности.

Наклонения, которые связывают субъект с одной ситуацией, противопоставляются по признаку эвентуальности-актуальности. Желательное, допустительное, гипотетическое наклонения, которые характеризуются дифференциальным признаком эвентуальности, противопоставляются наклонениям долженствования, возможности, апеллятиву, которые характеризуются дифференциальным признаком актуальности.

Наклонения, характеризующиеся дифференциальным признаком эвентуальности, противопоставляются по дифференциальному признаку волеизъявления. Желательное и допустительное наклонения, характеризующиеся дифференциальным признаком волеизъявления, противопоставляются гипотетическому, которое не характеризуется этим дифференциальным признаком.

Наклонения, характеризующиеся дифференциальным признаком актуальности, также противопоставляются по дифференциальному признаку волеизъявления. Наклонения долженствования и возможности противопоставляются апеллативу, который не обладает дифференциальным признаком волеизъявления.

Желательное наклонение, характеризующееся дифференциальным признаком направленности от субъекта, противопоставляется допустительному наклонению, которое характеризуется направленностью к субъекту. Наклонение долженствования, характеризующееся дифференциальным признаком направленности к субъекту, противопоставляется наклонению возможности, которое характеризуется дифференциальным признаком направленности от субъекта.

Дифференциальные признаки наклонений тангутского языка можно представить в виде таблицы (табл. 9).

Таблица 9

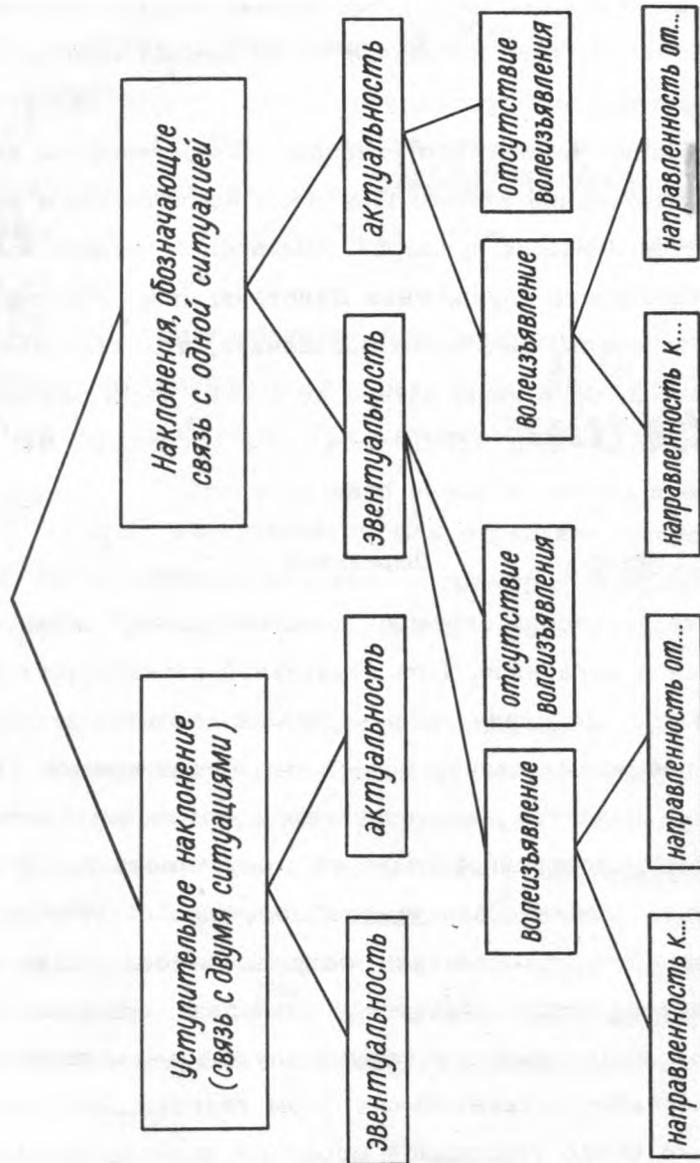
Дифференциальные признаки	Аффиксы наклонений							
	𐌒	𐌒	𐌒	𐌒	𐌒	𐌒	𐌒	𐌒
Эвентуальность	+	+	+	-	-	+	-	-
Волеизъявление	+	+	-	+	+	-	-	-
Направленность к...	-	+	-	+	-	-	-	+
Направленность от...	+	-	-	-	+	-	-	-
Концессивность	-	-	-	-	-	+	+	-

Систему наклонений тангутского языка можно представить также в виде дерева (схема 6).

Примечательной особенностью системы наклонений тангутского языка является то, что ветви, выходящие из точки, обозначающей наклонения, связывающие субъект с одной ситуацией, изоморфны.

Эмфатическая форма глагола

Эмфатическая форма глагола тангутского языка образуется с помощью префикса 𐌒 *tʃhiə'*. Из имеющихся в нашем распоряжении примеров употребления этого префикса следует, что его основная функция состоит в

В тангутском языке имеются четыре различных по своему значению отрицания.

Отрицание **𐰇𐰏** *mi'* употребляется для отрицания реализации любого действия, относящегося к любому временному плану, независимо от связи субъекта с описываемым действием, например: **𐰇𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏** *xwa² njuo' mi' gai²* "Почему ты не радостен?"¹

Отрицание **𐰇𐰏** *mln²* употребляется для отрицания реализации действия в плане прошедшего времени, например: **𐰇𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏**
(В II 250в) *zi²ei' nja² phei' tsia² mbê² lhes² mln² rje'* "От беспокойства и суеты освобождения еще не получили".

Отрицание **𐰇𐰏** *ml'* употребляется для отрицания возможности реализации действия в любом временном плане, например: **𐰇𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏**
(КЛ 15) *we' ml' nwa' si' thln² nwa'* "О жизни не знаем, откуда знать о смерти!"

Отрицание **𐰇𐰏** *kjei'* употребляется для отрицания допустимости реализации действия в любом временном плане, например: **𐰇𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏𐰏**
thu' khâ' ndziwâ' ku' ldei' kjei' via² "Если в стрельбе слаб, стрелу не выпускай"².

Из приведенных примеров очевидно, что наличие такого числа отрицаний обусловлено структурными причинами. Отрицания тангутского языка находятся в прямой связи с категориями времени и наклонения. Нетрудно заметить, что отрицание **𐰇𐰏** *mi'* соответствует во временном и диатетическом отношении неформальной глагольной морфеме. Отрицание **𐰇𐰏** *mln²* отрицает реализацию действия в плане прошедшего времени и соответственно связано с планом прошедшего времени. Отрицания **𐰇𐰏** *ml'* и **𐰇𐰏** *kjei'* явно связаны с наклонением, причем первое связано с наклонением возможности, а второе - с

¹ Пример взят из: Архив востоковедов ЛО ИНА, фонд 69, оп.1, ед.хр.6, стр.9а.

² Пример взят из кн.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.2, стр.77.

наклонением долженствования. Таким образом, система отрицаний тангутского языка параллельна системе глагола. Отрицание 𐌎𐌌 *mi'* универсально и соответствует как во временном, так и в диатетическом отношении неформленной глагольной морфеме. Отрицание 𐌎𐌌 *min²* характеризуется связью с категорией времени, а отрицания 𐌎𐌌 *mi'* и 𐌎𐌌 *kjei'* характеризуются связью с категорией наклонения.

Первым противопоставлением системы отрицаний будет противопоставление универсального отрицания 𐌎𐌌 *mi'* остальным неуниверсальным отрицаниям. В свою очередь неуниверсальные отрицания противопоставляются по признаку связи с категорией времени. Отрицание 𐌎𐌌 *min²*, связанное с категорией времени, противопоставляется отрицаниям 𐌎𐌌 *mi'* и 𐌎𐌌 *kjei'*, не связанным с категорией времени. Последние два отрицания связаны с категорией наклонения и поэтому характеризуются теми же дифференциальными признаками, что и наклонения, которым они соответствуют: волеизъявлением и направленностью. Дифференциальный признак волеизъявления присутствует в обоих отрицаниях, поэтому они противопоставляются друг другу по признаку направленности. Систему отрицаний тангутского языка можно представить в виде схемы (схема 7).

Схема 7

Грамматический класс прилагательного тангутского языка представляет собой множество языковых единиц, состоящих из одной или двух знаменательных морфем. Содержательно прилагательное характеризуется тем, что обозначает признак предмета. Прилагательное тангутского языка близко к глаголу. Эта близость проявляется в том, что основные глагольные категории свойственны также прилагательным тангутского языка.

Сходство грамматических свойств прилагательного и глагола основано на том, что они имеют много общего в своем значении. Как глагол, так и прилагательное обозначают в конечном счете некоторый признак предмета. Различие между ними состоит в том, что глагол обозначает процесс, характеризующий некоторый предмет, а прилагательное обозначает признак, характеризующий некоторый предмет. Однако сходство между ними состоит в том, что в тангутском языке признак, обозначаемый глаголом, и признак, обозначаемый прилагательным, рассматриваются как изменяющиеся во времени. Это обозначает дистрибутивную близость глагола и прилагательного тангутского языка, потому что все служебные морфемы, с которыми способны сочетаться глаголы, могут также сочетаться и с прилагательными.

Прилагательное тангутского языка в дистрибутивном отношении отличается от глагола своей способностью сочетаться со служебной морфемой, обозначающей более высокую, чем обычно, степень проявления признака.

Ниже будет показано, что в плане парадигматических отношений глагол и прилагательное тангутского языка имеют много общего. Почти все категории, свойственные глаголу, свойственны также и прилагательному.

В плане синтагматических отношений глагол весьма существенно отличается от прилагательного. Единственной общей чертой, сближающей глагол и прилагательное в синтагматическом плане, является то, что как глагол, так и прилагательное могут выступать в предикативной

синтагме в качестве предикативного члена без связки. В отношении прилагательного эта возможность реализуется не всегда (об этом подробнее см. ниже, в главе о синтаксисе).

Прилагательное тангутского языка выступает главным образом в атрибутивных синтагмах, и здесь его синтагматическая характеристика существенно отличается от синтагматической характеристики глагола. В предиктивном отношении односложное прилагательное тангутского языка характеризуется тем, что всегда детерминирует наличие существительного слева, а двусложное прилагательное характеризуется тем, что всегда детерминирует наличие существительного справа.

Глагол тангутского языка выступает главным образом в предикативных синтагмах. В предиктивном аспекте глагол находится во взаимозависимости с существительным.

Таким образом, прилагательные тангутского языка, попавшие в предикативную синтагму, обнаруживают свойства глагола, а глаголы, попавшие в атрибутивную синтагму, обнаруживают свойства прилагательного. Что же касается тех случаев, когда прилагательные и глаголы находятся в соответственно атрибутивных и предикативных синтагмах, то их свойства весьма существенно отличаются друг от друга: прилагательные характеризуются детерминацией и сильной синтагматической связью, а глаголы характеризуются взаимозависимостью и слабой синтагматической связью.

Установив различия, существующие между глаголом и прилагательным тангутского языка, перейдем к рассмотрению грамматических категорий прилагательного. Ко всему последующему изложению следует сделать одно существенное замечание. Прилагательные, сочетающиеся со служебными морфемами, обозначающими время, вид и другие общие с глаголом категории, встречаются — по крайней мере в исследованных текстах — только в составе предикативных синтагм. Прилагательные с префиксом особой интенсивности проявления признака могут встречаться как в предикативных, так и в атрибутивных синтагмах.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Не следует думать, что прилагательные тангутского языка сочетаются с временными показателями так же часто, как и глаголы. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, прилагательные весьма редко сочетаются с временными показателями в неоригинальных текстах и несколько чаще в оригинальных. Сочетаемость прилагательных с временными показателями, вероятно, зависела от стиля, потому что в тексте *Suvarnaprabhasa-sūtra* нет примеров такого рода сочетаний, а в тангутских пословицах такие примеры можно встретить.

К сожалению, мы располагаем очень небольшим материалом, не достаточным для окончательных суждений по поводу времен тангутского прилагательного.

Прошедшее время прилагательного тангутского языка образуется с помощью тех же префиксов, что и прошедшее время глагола.

Настоящее время прилагательного тангутского языка образуется с помощью суффикса **迭** *ndln²*. Имеется единственный пример такого рода, из которого явствует, что прилагательное с этим временным суффиксом имеет значение постоянного проявления этого признака: **停亦不能看报**
嫩迭惟移纹能最庵结 *ngðn² kə² vjə'ln² ldiə' tsiqn² ndl n².u² swew¹ ni²² lln²*
mje² mln² "Хотя раковина и некрасива, никто не видит, что внутри имеется светлая жемчужина"¹.

Примеров употребления прилагательного с суффиксом будущего времени пока не обнаружено.

КАТЕГОРИЯ ВИДА

Прилагательные тангутского языка способны сочетаться с теми же видовыми показателями, что и глаголы. Исключение составляет совершенный вид на **类** *kl¹*. Отсутствие примеров такого рода объясняется, вероятно, не ограниченностью материала, а несовместимостью этого префикса с прилагательными. В самом деле, видовой префикс **类** *kl¹* обозначает, что дей-

¹ Пример взят из: Архив востоковедов ЛО ИНА, фонд 69, оп.1, ед. хр.6, стр.236.

ствии, обозначенное глагольной морфемой, совершилось в некотором временном плане от начала и до конца. Поскольку прилагательное обозначает постоянный признак предмета или лица, такого рода префикс при нем невозможен.

Начинательный вид прилагательного тангутского языка образуется с помощью префикса 殺 na^1 , который обозначает наступление признака, обозначенного качественной морфемой.

Однократный вид прилагательного тангутского языка образуется с помощью префикса 榜 a^1 , который обозначает однократное проявление признака, обозначенного качественной морфемой.

Приведем пример, в котором одновременно встречаются префикс 殺 na^1 и префикс 榜 a : 箭殺遠端榜, 箭殺尾殺 $ka^2 ? ta' ldi^2 a' mbi^2 na^1 mbln^2 ngu^2$ "Обрывистое место - это такое место, где земля то низкая, то высокая"¹

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Прилагательные тангутского языка способны сочетаться с теми же префиксами наклонений, что и глаголы.

Желательное наклонение тангутских прилагательных образуется с помощью префиксов 奔 $ndln^2$, 報 $vjei^2$, 婦 $kl'n'$. Прилагательное с префиксом желательного наклонения обозначает, что обнаружение качества, выраженного прилагательным, желательно для субъекта, например: 要報報比國婦婦報 $a'vjei^2 khwa' mbi' kl'n' nin'$ "Мы хотим быть далеко [от препятствий] и хотим, чтобы противник был близко [к препятствиям]"².

Особенностью префикса желательного наклонения при прилагательных является то, что он может сообщать прилагательному значение уступительно-

¹ Пример взят из кн.: Н. А. Невский, Тангутская филология, кн.2, стр.339.

² Там же, стр.555

сти, например: 孰能後者謂存焉 *rié' s'le² ndln² lu² kiu² ndzié¹* "Как бы ни был беден ученый, его намерения искренни"¹.

Уступительное наклонение прилагательных тангутского языка образуется с помощью префикса 微 *ldié¹*. Пример такого рода был приведен выше, см. стр. 227.

Остальные наклонения тангутского языка в исследованных текстах при прилагательных не встречаются. Вполне вероятно, что прилагательные тангутского языка не могут сочетаться со служебными морфемами, образующими допустительное и гипотетическое наклонения, а также наклонения возможности и долженствования.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Прилагательные тангутского языка способны сочетаться с теми же заголовыми служебными морфемами, что и глаголы.

Побудительный залог прилагательных тангутского языка образуется с помощью суффикса 能 *phi¹*. Прилагательное с этим суффиксом может обозначать, что некий предмет испытывает побуждение, в результате которого приобретает качество, обозначенное прилагательным, например: 干能變級能鋒艾能變并能能 (КЛ 34) *k'ie¹ ts'iu'ngwi² ng'le² ndje² ku¹ ndje² s'ie¹ ngiu² ndzié² phi¹* "Если мастер хочет хорошо работать, то он прежде всего точит (букв. побуждает быть острым) свой инструмент".

В тех случаях, когда именной член синтагмы бывает выражен существительным, относящимся к категории лиц, суффикс 能 *phi¹* при прилагательном имеет особое значение: некое лицо считает указанных лиц носителями признака, обозначенного прилагательным, например: 能能能能能 (КМ 69) *ngó' no² te² phi²* "Конфуций считал [их] мудрыми". При этом носители признака обычно в синтагме непосредственно не обозначаются.

¹ Пример взят из: Архив востоковедов ЛО ИНА, фонд 69, оп.1, ед. хр.6, стр.316.

ОТРИЦАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные тангутского языка могут выражать признак как позитивно, так и негативно. Негативное выражение признака осуществляется с помощью отрицаний, которые были рассмотрены в разделе о глаголах.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные тангутского языка обозначают признак, который может изменяться не только во времени, но также и по интенсивности проявления. Обычно в языках различают три формы, зависящие от степени интенсивности проявления признака, обозначенного прилагательным: форму положительной, сравнительной и превосходной степени проявления признака. В тангутском языке дело обстоит несколько иначе: прилагательное, не имеющее при себе какой-либо служебной или знаменательной морфемы, указывающей на степень интенсивности проявления признака, находится в положительной степени. Прилагательное с префиксом **孛** zi^2 обозначает, что степень проявления признака, обозначенного этим прилагательным, большая по сравнению с обычным проявлением. У нас нет сколько-нибудь веских аргументов в пользу того, что прилагательное с указанным префиксом обозначает именно высшую степень проявления признака, потому что в китайских параллельных текстах морфеме соответствует как **甚**, так и **最**. Поэтому мы считаем, что в тангутском языке положительной степени проявления признака противопоставляется неположительная степень проявления признака, которая покрывает все те случаи, которые в других языках обозначаются с помощью превосходной степени и сочетания со словом "очень".

Приведем несколько примеров: **孛** nga^2 "хороший" - **孛孛** $zi^2 nga^2$ "очень хороший, самый хороший", **孛** nda^1 "быстрый" - **孛孛** $zi^2 nda^1$ "очень быстрый, самый быстрый", **孛** $ndziw^2$ "слабый" - **孛孛** $zi^2 ndziw^2$ "очень слабый, самый слабый".

Вторым способом выражения относительно большей степени проявления признака, обозначенного прилагательным, является удвоение прилагательного, например: **孛** nga^2 "хороший" - **孛孛** $nga^2 nga^2$ "весьма хороший", **孛** nda^1 "быстрый" - **孛孛** $nda^1 nda^1$ "весьма быстрый".

наречия образуются с помощью служебной морфемы 干施 su^2 . Морфема 干施 su^2 имеет собственное значение "быть подобным, быть схожим", но чаще всего выступает в служебном значении.

Постоянное место качественного наречия относительно предикативного члена синтагмы открывает широкие возможности для употребления прилагательных в качестве наречий без какого-либо дополнительного оформления. Поэтому можно сказать, что в тангутском языке действует принцип, согласно которому любое прилагательное, поставленное в позицию наречия относительно глагола, становится наречием в том смысле, что само по себе обозначает не признак предмета, а признак признака, например: 緩緩化變 $ndzia^2 tshi^2 ldwon^2 ldwei^2$ "Пехота передвигается медленно"¹. Здесь прилагательное 緩化 $ldwon^2$ "медленный", стоящее перед глаголом 變 $ldwei^2$ "передвигаться", в силу своего положения в синтагме обозначает не признак предмета, а признак действия.

В роли наречий могут употребляться не только односложные, но также и редуцированные прилагательные, которые обозначают большую интенсивность проявления качества. Например, 引引引 $nga^2 nga^2$ имеет значение "весьма хорошо", однако в том случае, когда это редуцированное прилагательное стоит перед глаголом, оно обозначает признак не предмета, а действия, причем в этой форме интенсивность проявления этого признака большая по сравнению с обычной: 引引引懶 $nga^2 nga^2 səm^2$ "весьма тщательно разведать".

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Количественные наречия тангутского языка указывают количественный признак некоторого признака, обозначенного глагольной морфемой. Количественные наречия образуются от существительных со значением меры с помощью служебной морфемы 計多 zje' . Служебная морфема 計多 zje' имеет собственное значение "несколько", однако в собственном значении эта

¹ Пример взят из кн.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.235.

морфема употребляется очень редко. Приведем несколько примеров образования количественных наречий: 瓦 *khwə'* "половина" - 瓦半 *khwə' z̥le'* "наполовину", 折 *tshên'* "короткий промежуток времени" - 折半 *tshên' z̥le'* "на короткий промежуток времени, временно". Служебная морфема 半 *z̥le'* может присоединяться не только к отдельным односложным существительным, но также и к сочетанию существительного с прилагательным, например: 報 *z̥ie'* "малая доля" - 報半 *z̥ie' z̥le'* "на малую долю".

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Обстоятельные наречия тангутского языка обозначают разного рода пространственные и временные отношения. Пространственные обстоятельные наречия по функциям и по значению напоминают существительные из подкласса существительных с пространственным значением, но отличаются от них дистрибутивно: после пространственных обстоятельных наречий не может находиться ни морфема 報 *z̥ie'* "сторона", ни послелоги.

Обстоятельные наречия времени могут быть как односложными, например: 前 *sié'* "раньше", 后 *n|wə'* "теперь", так и двусложными, например: 前前 *sié'.u'* "раньше", 后后 *ih|² n|wə'* "теперь". Очень часто обстоятельные наречия времени выступают в редуцированной форме. Наиболее частым случаем редупликации является употребление существительного из подкласса существительных с пространственным значением в редуцированной форме в качестве обстоятельного наречия места, например: 報新蘇列緝緝交交交交乃乃乃乃 *n|uo' tshio' sl' siə² ndziwə' siə' a' we² we² tsôn' phi'* "Поэтому прикажи вязать траву в вязанки и повсюду складывать в кучи"¹.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Грамматический класс числительных представляет собой множество языковых единиц, состоящих из одной или большего числа морфем, служащих для количественной характеристики объектов.

Дистрибутивно числительные тангутского языка связаны с существитель-

¹ Пример взят из кн.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.2, стр.348.

ными. Как уже указывалось в разделе о счетных словах, числительное может находиться как в левом, так и в правом окружении существительного. Причины, по которым числительное может находиться как в правом, так и в левом окружении существительного, нам не вполне понятны. Пока что с уверенностью можно констатировать только одно: если числительное сочетается со счетным словом, оно находится в правом окружении. Числительное без счетного слова может находиться как в правом, так и в левом окружении существительного.

Нашим единственным источником информации о тангутском языке являются письменные тексты религиозного и философского содержания. В повествовательных частях исследованных текстов числительные со счетными словами встречаются довольно часто, между тем как в других частях текстов не встречаются вообще. Это обстоятельство дает нам основание предполагать, что в тангутском разговорном языке числительные со счетным словом находились в правом окружении существительных, а числительные без счетного слова находились в левом окружении существительных, относящихся к подклассу единиц измерения.

Рассмотренные дистрибутивные свойства числительного тангутского языка наводят на мысль об их близости дистрибутивным свойствам прилагательного, которое тоже содержательно обозначает некоторый признак предмета (только не количественный, а качественный) и может находиться как в левом, так и в правом окружении существительного. Поскольку прилагательное тангутского языка не является именем прилагательным, а входит в категорию предикатива, то и числительное, следовательно, не представляет собой имя числительное, а тоже относится к категории предикатива.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Рассмотрим количественные числительные тангутского языка. Изложение нам придется начать с перечисления известных числительных тангутского языка. Это необходимо сделать, потому что по поводу числительных тангутского языка имеется несколько исследований, причем результаты нашего исследования несколько отличаются от результатов предшествующих исследований.

Для обозначения числа "один" в тангутском языке имеется несколько морфем: 𠂇 a' , 𠂈 il' , 𠂉 leu' . Различия между ними не вполне понятны, потому что они употребляются в одинаковых условиях контекста. По поводу числительного 𠂇 a' можно сказать, что оно может употребляться просубстантивно, без какого-либо дополнительного оформления, и в этом случае сочетается со служебными морфемами, характерными для существительных, например: 𠂇𠂈𠂉𠂊𠂋𠂌𠂍 (В III 340в) $a' ? ngi^2 tshiei' nja'$ $tha^2 ngeu' lde^2$ "Одного из них ястреб схватил, другой перепугался".

Иногда морфема 𠂎 $liə'$ трактуется как числительное "один"¹. Как нам представляется, такого рода трактовка не имеет подтверждения в исследованных текстах. Под этим иероглифом скрываются по меньшей мере две разные морфемы. Первая из них - предикативная связка, о которой мы будем подробно говорить в соответствующем разделе синтаксиса. Вторая - местоименная морфема, которая встречается в оригинальных текстах, но пока не встретились ни разу в переводных. В частности, эта морфема часто встречается в тангутском своде законов и имеет значение "любой, всякий". В переводных текстах встречается редупликация этой морфемы 𠂎𠂎 $liə' liə'$, которая имеет значение "все, любые" и, соответственно, часто является эквивалентом китайскому выражению — — "все, любые". Видимо, такое соответствие и привело к отождествлению морфемы 𠂎 $liə'$ с китайским числительным — — "один".

Остальные числительные тангутского языка не имеют никаких дополнительных особенностей. Приведем остальные числительные в пределах десятка: 𠂏 nja' "два", 𠂐 so' "три", 𠂑 $ldie'$ "четыре", 𠂒 $ngwə'$ "пять", 𠂓 $tshieu'$ "шесть", 𠂔 $siwə'$ "семь", 𠂕 ia' "восемь", 𠂖 $nglə'$ "девять", 𠂗 a^2 "десять".

Числительные тангутского языка образуют десятичную систему. В основе системы лежит число десять. Любое число состоит из одного или большего числа десятичных разрядов. Первое число каждого десятичного разряда

¹ См. T. Nishida, The numerals of the Hsi-Hsia language, - "The memoirs of the Toyo Bunko", Tokyo, 1960, N 19, p. 137.

представляет собой степень числа десять; например, первое число первого десятичного разряда представляет собой десять в нулевой степени, т.е. единицу, первое число второго десятичного разряда представляет собой десять в первой степени, т.е. десять, первое число третьего десятичного разряда представляет собой десять во второй степени, т.е. сто, и т.д.; первое число n -го десятичного разряда представляет собой десять в степени n минус единица.

В европейских языках имеются следующие специальные морфемы для обозначения первых чисел десятичных разрядов: десять, сто, тысяча, миллион, миллиард, т.е. первые числа пятого и шестого разрядов специального обозначения не имеют и создаются с помощью сочетаний "десять тысяч" и "сто тысяч". В тангутском языке дело обстоит несколько иначе. Здесь имеются специальные морфемы для обозначения первых чисел пяти десятичных разрядов: 後 $.a^2$ "десять", 純 $.ie^2$ "сто", 辰 tu' "тысяча", 處 khI^2 "десять тысяч". Числа с шестого по восьмой десятичный разряд обозначаются с помощью сочетаний: 純辰 $.ie^2 tu'$ "сто тысяч", 純處 $.ie^2 khI^2$ "миллион", 辰處 $tu' khI^2$ "десять миллионов". Для обозначения первого числа девятого десятичного разряда имеется морфема 純 rie^2 "сто миллионов", которая иногда обозначается с помощью сочетания 處處 $khI^2 khI^2$.

Вероятно, в повседневной жизни тангутам редко приходилось иметь дело с числами вроде 純 rie^2 , поэтому их чаще всего приходится встречать в буддийских сочинениях, где действующими лицами выступают различного рода мифические существа в огромных количествах. Поэтому было бы правильнее считать число 純 rie^2 и иногда встречающееся число 處處 $khI^2 khI^2$ просто обозначением некоторого огромного количества, не поддающегося точному подсчету.

Дробные числительные тангутского языка образуются с помощью послелога 耕 kha' "середина" и существительного 積 ? "доля". Знаменатель дроби представляет собой числительную морфему в сочетании с именной морфемой 積 ? "доля" и послелогом 耕 kha' . Числительная морфема, стоящая после послелога, представляет собой числитель. Так, напри-

мер, половина по-тангутски будет **惟新度精羽** $n|ə'kha' ? lew'$ (букв. "среди двух долей одна"), треть - **散新度精羽** $so' ? kha' lew'$ (букв. "среди трех долей одна"). Соответственно: 0,1- **散新度精羽** $.a' ? kha' lew'$, 0,01- **姪新度精羽** $.ie' ? kha' lew'$, 0,001- **姪新度精羽** $tu' ? kha' lew'$ и т.д.

Счет может быть не только точным, но также и приблизительным. До сих пор мы рассматривали случаи точного счета. В исследованных текстах имеются также примеры приблизительного счета. Вероятно, в тангутском языке существовал приблизительный счет с недостатком и приблизительный счет с избытком. В исследованных текстах мы не обнаружили примеры счета с недостатком. При счете с избытком обычно используется морфема **後** $ndz|e'$, имеющая значение "избыток, остаток" или же "переходить, переправляться". Эта морфема ставится после числительного и обозначает, что действительное количество исчисляемых объектов несколько превышает указанное числительной морфемой.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Порядковые числительные служат для обозначения порядкового номера объектов в некотором упорядоченном множестве. Образование порядковых числительных тангутского языка осуществляется с помощью суффикса **序** $tsew'$, например: **刻序** $ti' tsew'$ "первый", **惟序** $n|ə' tsew'$ "второй", **散序** $so' tsew'$ "третий". Сочетание с порядковым суффиксом является основным дистрибутивным признаком числительного, на основании которого легко отделить морфемы, действительно входящие в грамматический класс числительного, от морфем с количественным значением, не являющихся членами этого класса.

МОРФЕМЫ-ЗАМЕСТИТЕЛИ

Параллельно классам знаменательных морфем тангутского языка существуют классы морфем-заместителей, которые характеризуются дейктической функцией в плане содержания и субститутивной функцией в плане выражения. Дейксис - это способность морфемы обозначать предмет, не называя, а только указывая на него. Субститутивная функция морфем-заместителей состо

ит в том, что морфема-заместитель может заменять в составе некоторого высказывания любую знаменательную морфему соответствующего класса. В зависимости от того, знаменательные морфемы каких классов способны замещать морфемы-заместители, мы выделяем морфемы-заместители для существительных, морфемы-заместители для глаголов и т.д. Внутри грамматических классов морфем-заместителей иногда можно выделить подклассы, соответствующие подклассам знаменательных морфем.

Морфемы-заместители делятся на две разновидности: дейктические и дейктически-вопросительные. Различие между дейктическими и дейктически-вопросительными морфемами лежит в чисто интенциональном плане. В первом случае имеет место простое указание, во втором случае — указание с вопросом о названии предмета, процесса, качества или с комментарием по их существу. Вопросительно-дейктические морфемы-заместители образуют те же грамматические классы, что и дейктические морфемы.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимениями называются дейктические и вопросительно-дейктические морфемы-заместители, способные замещать морфемы, принадлежащие категории существительного.

Как уже указывалось, внутри грамматического класса существительных мы различаем подклассы существительных, обозначающих лиц, существительных, не обозначающих лиц, и существительных с пространственным значением. Соответственно этому делению класса существительных класс местоимений делится на подклассы личных местоимений, указательных местоимений, локативных местоимений.

Личные местоимения

Примечательной особенностью тангутских местоимений является то, что в каждом лице имеется не менее, чем по две морфемы.

Имеются четыре морфемы 1-го лица: 𐌗𐌆 nga^2 , 𐌗𐌆 $.a'$, 𐌗𐌆 nga^2 , 𐌗𐌆 mi^2 . Из них первые две употребляются чаще остальных, а последние две весьма редки. Интересной особенностью этих последних

морфем является то, что они объединяются в сложное местоимение $ngā^2 mi^2$, которое служит для обозначения некоторого собирательного множества ("мы, наше"). Как нам представляется, различие между двумя первыми местоимениями чисто функциональное. Согласно нашим наблюдениям, $ngā^2$ употребляется чаще в общем падеже, а $ngā^2 .a'$ - во всех остальных падежах. Однако следует особо подчеркнуть, что здесь идет речь лишь об общих тенденциях в употреблении этих морфем. Видимо, в разговорном языке существенной разницы между ними не было.

2-е лицо может быть обозначено с помощью двух морфем: ni^2 и na^2 . Различия между ними такие же, как и различия между указанными выше местоимениями 1-го лица. Поэтому оговорка, сделанная выше, полностью относится и к этим местоимениям.

3-е лицо может быть обозначено с помощью двух морфем: tha^2 и tha' . Различия между ними те же, что и в рассмотренном выше случае.

К личным местоимениям непосредственно примыкают прономинативы. Прономинативами называются морфемы, не принадлежащие классу слов-заменителей, но употребляющиеся вместо местоимений. Известны прономинативы 1-го и 2-го лица. Прономинативы обычно употребляются при общении лиц, находящихся на различных социальных уровнях или в разных специальных обстоятельствах. В зависимости от адресата, к которому обращена речь, бывают маэстивные и уничижительные прономинативы. Из маэстивных прономинативов 1-го лица известен только один, которым пользовался тангутский император: je' . Уничижительный прономинатив 1-го лица представляет собой морфему класса прилагательного wei' "глупый".

Указательные местоимения

Указательные местоимения тангутского языка соотнесены с существительными, образующими подкласс нелиц. Для обозначения предмета, независимо от того, на каком расстоянии от говорящего он находится, используется морфема thi^2 "этот, тот".

Помимо этого в тангутском языке имеется указательно-дистрибутивное местоимение 𐌆 *twɥ'* "каждый" и обобщающее местоимение 𐌇 *zi²* "все". Эти два местоимения соотносятся со всеми морфемами класса существительного независимо от их принадлежности к тому или иному подклассу.

Локативные местоимения

Локативные местоимения тангутского языка соотносятся с существительными, образующими подкласс существительных с пространственным значением. Для указания на место, находящееся рядом с говорящим или с лицом, о котором идет речь, пользуются локативным местоимением 𐌈 *thiu²*; для указания на место, удаленное от говорящего или того лица, о котором идет речь, пользуются локативным местоимением 𐌉 *ɥe'* или 𐌊 *tha²*. Различие между этими локативными местоимениями не вполне ясно. Говоря о значении локативно-дейктических местоимений, следует особо отметить, что они могут обозначать не только место, но также и направление, независимо от того, сочетаются они с падежными суффиксами или послелогами или нет.

Неопределенное местоимение

До сих пор мы рассматривали местоимения, соотносящиеся с грамматическими подклассами существительного тангутского языка. Однако помимо этого существует неопределенное местоимение 𐌋 *mbi¹* "кто-то, другой, иной", которое соотносится с грамматической категорией неопределенности.

Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения тангутского языка, так же как и дейктические, соотносятся с грамматическими подклассами существительного. Так местоимения 𐌌 *swl¹* и 𐌍 *swl²* "кто" соотносятся только с существительными, принадлежащими подклассу лиц. Различие между этими двумя морфемами, видимо, в разговорном языке не ощущалось, однако в лексикографической литературе поддерживалось. Это ясно из комментария "Гомофонов", где говорится, что морфема 𐌌 *swl¹* употребляется чаще всего в именительном падеже, между тем как значение морфемы 𐌍 *swl²* поясняется с помощью

сочетания: 魂係 $swl^2 \cdot ln^1$ "чей". Такое сочетание свидетельствует о том, что эта морфема употреблялась в косвенных падежах.

Вопросительные местоимения 霞 xwa^2 и 解 $s[wo^2$ "что" соотносятся с существительными, не принадлежащими подклассу лиц. Различие между ними в наличных текстах установить не удалось, однако можно предположить, что различие между ними более графическое, чем функциональное.

ПРОПРЕДИКАТИВЫ

Пропредикативами называются дейктические и вопросительно-дейктические морфемы-заместители, способные замещать морфемы, принадлежащие к грамматическому классу предикатив, т.е. глаголы и прилагательные.

Дейктический пропредикатив тангутского языка указывает на некоторый признак предмета. Он образуется с помощью специального суффикса 此 su^2 от указательного местоимения 衣 ihl^2 .

Вопросительно-дейктические пропредикативы тангутского языка обозначают вопрос по поводу качеств некоторого предмета или по поводу некоторого процесса. В тангутском языке известны неизменяемые и производные вопросительно-дейктические пропредикативы. Неизменяемые пропредикативы — это 衣 $ihln^2$ и 霞 $ldlon^2$. Производные пропредикативы образуются от вопросительных местоимений с помощью суффикса 此 su^2 .

ПРОНУМЕРАТИВЫ

Пронумеративами называются дейктические и вопросительно-дейктические морфемы-заместители, способные замещать морфемы, принадлежащие грамматическому классу числительного.

Дейктический пронумератив указывает на некоторую количественную характеристику предмета, не называя ее. Пронумератив "столько" образуется от указательного местоимения 衣 ihl^2 с помощью 修 $z[e^1$.

Вопросительно-дейктический пронумератив обозначает вопрос по поводу количественной характеристики некоторого предмета. В тангутском языке

же имеются производные пронумеративы **𪛗𪛗** $xwa^2 \dot{z}le'$ и **𪛗𪛗𪛗** $\dot{z}le' thln^2$
 "сколько", образованные от вопросительного местоимения **𪛗** xwa^2 и вопро-
 сительного пропредикатива **𪛗** $thln^2$, но в последнем случае **𪛗𪛗** $\dot{z}le'$
 стоит перед местопредикативом, например: **𪛗𪛗𪛗𪛗𪛗𪛗** (КЛ 43)
 $tshjon' nie' ngo' \dot{z}le' thln^2 me^2$ "Конфуций на сколько умнее [тебя]?".

Глава IV

СИНТАКСИС

Деление грамматики на морфологию и синтаксис является искусственным, потому что при сложении языковых единиц различных уровней господствуют одни и те же принципы. Однако при исследовании уровней языка, лежащих выше уровня слова, обнаруживается, что в действие вступают новые закономерности, которые необходимо учитывать особо. Эти новые закономерности вызываются тем, что реализация языка представляет собой акт, обусловленный многими внелингвистическими обстоятельствами. Назначение языка — служить орудием передачи мыслей, поэтому говорящий стремится передать собеседнику мысль в такой форме, чтобы тот легче усвоил ее. Для этого он не только передает какую-то информацию, но также как-то высказывает свое отношение к ней, наконец, хочет выразить ее "красиво", rozumeeтся, в меру своего понимания красоты выражения. Отсюда очевидно, что однозначного соответствия между актами мысли и речи не существует. Исследование синтаксиса тесно связано с такими дисциплинами, как логика и стилистика.

Таким образом, в синтаксисе налицо три аспекта: грамматический, или собственно лингвистический, логический и стилистический.

Грамматический аспект синтаксиса - это некоторая совокупность языковых средств, с помощью которых можно соединять лингвистические единицы разных уровней в предложения, которые в свою очередь могут быть как простыми, так и сложными.

Логический аспект синтаксиса - это тоже некоторая совокупность языковых средств, с помощью которых можно указывать на разные дополнительные обстоятельства, связанные с этим высказыванием.

Стилистический аспект синтаксиса не имеет собственных средств выражения, которые были бы свойственны только ему. Этот аспект проявляется лишь в выборе тех или иных лексических, морфологических и логических средств; в результате такого выбора предложение приобретает свойства, удовлетворяющие эстетическим требованиям говорящего или требованиям литературного жанра. Так, например, выбор указанных выше средств будет различным для прозы и стихов.

Если мы попытаемся установить различие между рассмотренными тремя аспектами синтаксиса, то легко обнаружим, что чисто формальным аспектом является грамматический аспект синтаксиса, потому что располагает собственными средствами. Логический аспект синтаксиса обычно не располагает никакими другими средствами, кроме интонации (как мы увидим ниже, в тангутском языке это не так). Однако при изучении древних языков интонацию учесть невозможно. Тангутский язык в этом отношении находится в несколько ином положении, потому что в тангутских памятниках письменности имеются некоторые особенности, которые позволяют нам судить о паузах в речи и, следовательно, также об интонации. Более подробно об интонации тангутского простого предложения будет сказано ниже. Таким образом, интонационная сторона тангутского языка не остается для нас полностью недостижимой. Стилистический аспект никакими собственными средствами не располагает. Все стилистические эффекты достигаются лишь путем выбора и группировки грамматических средств разных аспектов синтаксиса и разных уровней грамматики.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

Синтагматические отношения - это отношения между единицами языка одного и того же уровня, в которые они вступают в последовательности речи. Синтагматические отношения определяются внутри синтагмы, т.е. сочетания двух грамматически и семантически связанных языковых единиц некоторого уровня. Синтагматические отношения можно охарактеризовать в двух аспектах: содержательном и предиктивном. Содержательный аспект синтагматических отношений - это указание на некоторое обобщенное, но реальное отношение между единицами плана содержания. Предиктивный аспект - это указание с некоторой вероятностью на появление или непоявление в тексте элемента плана выражения при наличии какого-то другого элемента. Известны три предиктивных вида синтагматических отношений: взаимозависимость, детерминация, констелляция.

Изложение синтагматических отношений мы будем вести в терминах грамматических классов. Для краткости в дальнейшем мы будем пользоваться следующими обозначениями: S - существительные, V - глаголы, A - прилагательные, Ad - наречия, N - числительные.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В тангутском языке имеется пять грамматических классов. Согласно нашему определению, синтагма - это сочетание двух грамматически и семантически связанных единиц. Отсюда нетрудно определить потенциальные возможности образования синтагм в тангутском языке. Очевидно, что количество мыслимых синтагм будет равно числу размещений с повторением из пяти элементов по два, т.е. 25. Фактически в тангутском языке используются далеко не все вычисленные здесь возможности, потому что на состав синтагм и последовательность элементов внутри них налагаются различного рода ограничения.

Здесь мы рассмотрим те синтагмы, которые состоят только из знаменательных слов. Отношения между этими знаменательными словами регу-

лируются их порядком, который в тангутском языке является формально-грамматическим средством.

Синтагма типа SV неоднозначна. Отношения между членами такой синтагмы могут быть как предикативными, например: 緜凌 *mbe² tɔn²* "солнце восходит", так и комплетивными, например: 仍敲 *mba' tsɿwu'* "бить в барабан". Для различения характера отношений между членами такой синтагмы необходимо знать, к какому подклассу принадлежит глагол этой синтагмы. Если глагол переходный, то возможна синтагма с комплетивными отношениями между ее членами. Если глагол непереходный, то возможна синтагма с предикативными отношениями между ее членами. В действительности же дело обстоит намного сложнее, потому что даже при наличии переходного глагола в синтагме описываемого типа отношения между ее членами могут быть предикативными, а при наличии непереходного глагола они могут быть комплетивными (например, в том случае, если S представляет собой существительное со значением места без послелoga). В сущности единственным надежным способом различения этих двух типов связи является трансформация. Синтагма рассматриваемого типа с предикативной связью характеризуется слабой связью между элементами и поэтому может быть преобразована в две синтагмы с одним и тем же глаголом, между тем как синтагма рассматриваемого типа с комплетивной связью характеризуется сильной связью между элементами и не может быть преобразована в две синтагмы. Более подробно об этом будет сказано в разделе о предиктивном аспекте синтагматических отношений. Следует оговориться относительно понимания трансформации применительно к древнему языку. Поскольку мы не имеем права по своему усмотрению трансформировать синтагмы древнего языка (даже в том случае, если трансформация проводится по правилам этого языка), правильнее было бы говорить о том, что при изучении достаточно большого языкового материала мы можем обнаружить в тексте синтагму с нужной нам трансформацией.

Синтагма типа VS характеризуется атрибутивным отношением между ее членами. При этом глагол служит определением по отношению к существ-

вительному, например: 畚穽器效 *lhju² rje² ma' tsha²* "полученные следствия".

Синтагма типа VV, если ее члены не являются однородными (правда, в этом случае они уже не образовывали бы синтагму), характеризуется комплетивной связью. Второй глагол в таких синтагмах бывает модальным, например: 恍發 *kâi' la'* "желать прийти".

Синтагмы типа Adv характеризуются атрибутивным отношением между ее членами. При этом, как уже указывалось, наречие указывает на признак действия, обозначенного глаголом, например: 張張懶 *ngâ² ngâ² sew²* "тщательно разузнать".

Синтагмы типа AV представляют собой разновидность синтагм типа Adv. По существу они ничем не отличаются друг от друга, потому что, как упоминалось выше, прилагательное, стоящее на месте наречия, само становится наречием, например: 該肅潔潔 *ngi¹ sei' ndw² ndz²jeu¹ lhu¹* "чисто вымытая одежда".

Синтагма типа SS характеризуется атрибутивным отношением между ее членами. Первый член такой синтагмы стоит в родительном таксематическом падеже, второй - в именительном. Подробнее об этом см. в разделе о падежах.

Синтагма типа SA неоднозначна. Отношения между членами такой синтагмы могут быть как предикативными, так и атрибутивными. Так, например, синтагма 該窮窮 *ndz²wo² i² .ia²* может обозначать как "человек устал", так и "усталый человек". Единственным надежным способом различения этих типов связи является трансформация. В том случае, если отношения между членами синтагмы предикативны, прилагательное может сочетаться со служебными словами, характерными для грамматического класса предикатива. Если отношения между членами синтагмы атрибутивны, прилагательное сочетается только с префиксом превосходной степени. Последовательность AS не характерна для тангутского языка, хотя и встречаются такие сочетания, как: 該矮 *zi² ndz²wo²* "низкий человек", 該大 *tha² ld²je²* "великая земля", 該大 *tha² mbi²* "великий сановник, министр" и т.п. Очевидно, что приведенные синтагмы представляют собой

кальки соответствующих китайских сложных слов. Этим, видимо, вызван такой порядок морфем.

Синтагма типа NS характеризуется атрибутивным отношением между ее членами, например: 兩隻, *njə' mbei'* "два копия".

Синтагма типа SN представляет собой разновидность синтагмы NS и встречается в тех специальных случаях, о которых подробно говорилось в разделе о числительном.

Мы рассмотрели здесь простейшие синтагмы тангутского языка. Любые, даже самые сложные, предложения тангутского языка могут быть сведены к перечисленным выше синтагмам. И наоборот, любая из этих синтагм может быть развернута в более сложное целое посредством подстановки целых синтагм на место члена какой-либо синтагмы.

ПРЕДИКТИВНЫЙ АСПЕКТ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Предиктивный аспект синтагматических отношений состоит в том, что слово, принадлежащее некоторому грамматическому классу, предсказывает или, наоборот, не предсказывает появление слова, принадлежащего другому или тому же самому грамматическому классу.

Наряду с предиктивными отношениями единиц разных грамматических классов мы рассмотрим также силу связей между этими единицами. Связь называем сильной, если между рассматриваемыми единицами не может быть поставлена никакая третья. Связь называем слабой, если между рассматриваемыми двумя единицами может быть поставлена третья единица.

Упоминание о третьей единице может вызвать некоторое недоумение, так как выше отмечалось, что синтагма — это сочетание двух лингвистических единиц одного и того же уровня. Наличие третьих единиц возможно потому, что синтагмы тангутского языка нелинейны, т.е. единицы, образующие синтагму, могут находиться рядом в речевом потоке, но могут и не находиться рядом. Синтагматические связи могут действовать на расстоянии, заполненном другими знаменательными или служебными морфемами. Сила синтагматической связи измеряется величиной этого расстоя-

ния. В том случае, если оно равно нулю, имеет место сильная связь и, следовательно, линейная синтагма; в том случае, если оно не равно нулю, имеет место слабая связь и, следовательно, нелинейная или разрывная синтагма. Так, например, если мы возьмем речевой отрезок $\text{遼}^2 \text{嶽}^2 \text{龍}^2 \text{龍}^2 \text{龍}^2 \text{龍}^2$ (КЛ 18) $lu^2 \text{ ndz}^2 \text{ } \text{wo}^2 \cdot \text{ } \text{u}^2 \text{ } \text{z}^2 \text{ie}^2 \text{ } \text{v}^2 \text{ie}^1$ "Жители [царства] Лу кладовые длинные построили" и разделим его на синтагмы, то обнаружим нелинейные синтагмы: $\text{遼}^2 \text{嶽}^2 \dots \text{龍}^2$ $lu^2 \text{ ndz}^2 \text{ } \text{wo}^2 \dots \text{v}^2 \text{ie}^1$ "жители [царства] Лу... построили", $\text{龍}^2 \dots \text{龍}^2$ $\cdot \text{u}^2 \dots \text{v}^2 \text{ie}^1$ "кладовые ... построили" и линейные синтагмы: $\text{遼}^2 \text{嶽}^2$ $lu^2 \text{ ndz}^2 \text{ } \text{wo}^2$ "жители [царства] Лу" и $\text{龍}^2 \text{龍}^2$ $\cdot \text{u}^2 \text{ } \text{z}^2 \text{ie}^2$ "длинные кладовые". При этом нетрудно заметить, что одна и та же единица может входить в более чем одну синтагму.

Грамматические классы тангутского языка делятся на две разновидности в зависимости от своей способности детерминировать единицы других грамматических классов. Грамматические классы с активной детерминацией – прилагательное, наречие, числительное. Грамматические классы без активной детерминации – существительное и глагол.

Прилагательное тангутского языка детерминирует наличие существительного слева в той же синтагме. Связь между прилагательным и существительным следует охарактеризовать как сильную, потому что никакая третья единица не может быть поставлена между ними (исключая, естественно, служебные морфемы). В тех случаях, когда существительное слева отсутствует, прилагательное детерминирует глагол, находящийся справа. Связь между прилагательным и глаголом следует охарактеризовать как слабую, потому что между прилагательным и детерминированным им глаголом может стоять по меньшей мере одно существительное.

Наречие тангутского языка детерминирует наличие глагола справа. Связь между наречием и глаголом следует охарактеризовать как слабую, потому что между наречием и детерминированным им глаголом может стоять по меньшей мере одно существительное.

Числительное тангутского языка детерминирует наличие существительного как справа, так и слева, в зависимости от свойств существительного.

Грамматические классы, характеризующиеся отсутствием активной детерминации, находятся во взаимозависимости: существительное детерминирует наличие глагола, а глагол в свою очередь детерминирует наличие существительного. Взаимозависимость между существительным и глаголом следует охарактеризовать как слабую в том случае, если между ними имеют место предикативные отношения, и тогда существительное может быть отделено от глагола любым числом знаменательных и служебных морфем, относящихся к любым грамматическим классам. В письменных текстах существительное предикативной синтагмы может быть названо только один раз на протяжении довольно длительного отрезка текста и, следовательно, детерминировать более чем один глагол. Однако глагол может детерминировать только одно существительное, с которым он связан предикативной связью. Сильная взаимозависимость имеет место в том случае, если между глаголом и существительным имеют место комплетивные отношения, и тогда между существительным и глаголом не может быть поставлена ни одна знаменательная морфема.

Таким образом, в тангутском языке мы находим два основных грамматических класса слов: существительное и глагол, которые могут детерминировать только друг друга, но не детерминируют единиц, принадлежащих другим грамматическим классам. Прилагательные, наречия, числительные тангутского языка не детерминируют друг друга, но всегда детерминируют либо существительные, либо глаголы.

РАСШИРЕНИЕ СИНТАГМ

До сих пор рассматривались только простейшие синтагмы, где каждый их член представляет собой либо одну морфему, либо сложное слово. Однако каждая синтагма тангутского языка может быть расширена. Расширенной синтагмой называется такая синтагма, у которой по меньшей мере один член представляет собой синтагму более высокого уровня, чем сложное слово. Здесь мы рассмотрим основные закономерности расширения синтагм.

Поскольку замещение члена синтагмы целой синтагмой происходит не произвольно, а согласно определенным закономерностям, введем понятие эк-

вивалента синтагмы. Под эквивалентом синтагмы будем понимать способность синтагмы некоторого типа регулярно замещать единицу определенного грамматического класса.

Синтагма типа SV, независимо от того, связаны ее элементы предикативной или комплетивной связью, регулярно выступает как эквивалент единицы, принадлежащей классу существительного, и замещает ее в синтагмах типа SS, SV, SA. Такое употребление рассматриваемой синтагмы в дальнейшем будем называть просубстантивным. Так, в расширенной синтагме 龍 殿 我 們 住 (В III 26н) *nga² ni² ndzi² t²ei² m²je²* "Дворец, в котором мы живем" первый элемент S замещен синтагмой рассматриваемого типа с предикативной связью 龍 殿 我 們 住 *nga² ni² ndzi²* "Мы живем". Аналогичным образом происходит замена в синтагме типа SV, например: 我 想 這 些 魚 能 活 下 來 (В III 292н) *tha² z²iu² kh²a² ng²ju² ri²u² ngwo² ndz²wo² z²lon² kh²a² ri²e² a² t²in² nd²in² we²* "Я хочу, чтобы спасение этих рыб было равно спасению болящих".

Различие между этими случаями состоит в том, что при замещении существительного в синтагме типа SS просубстантивно употребленная синтагма никогда не сочетается с падежными суффиксами, между тем как в синтагме типа SV просубстантивно употребленная синтагма всегда сочетается с тем или иным падежным суффиксом, который относится к синтагме в целом. В таких случаях просубстантивность может быть как личной, т.е. указывать на некоторое лицо, так и неличной, т.е. указывать на некоторый предмет или обстоятельство.

Синтагмы типа SS, SV, SA эквивалентны единице, принадлежащей классу существительного. Синтагмы типа AV, Adv эквивалентны единице, принадлежащей классу глагола.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что противопоставление существительного и глагола как главных частей речи, являющихся объектом детерминации, находит свое выражение также и в закономерностях расширения синтагм. Любая синтагма тангутского языка независимо от состава может быть эквивалентной только существительному или глаголу.

ны синтагмы ассоциированы с определенными логическими единицами. Так, в отношении простого нераспространенного предложения можно сказать, что именной член синтагмы, образующей это предложение, является предметом высказывания или его субъектом, а предикативный член синтагмы является предикатом высказывания, в котором содержится нечто, характеризующее субъект. Отсюда нетрудно сделать вывод, что синтагма отличается от предложения тем, что она представляет собой лишь минимальную синтаксическую единицу, не ассоциированную с логическими категориями. Синтагма становится предложением тогда, когда ассоциируется с логическими категориями мышления. Логический субъект может быть выражен не только отдельным существительным, но также и целой синтагмой или группой синтагм.

Исследование простого предложения тангутского языка целесообразнее всего построить на исследовании синтагм. Поскольку мы уже рассмотрели простейшие синтагмы, состоящие только из двух знаменательных слов, здесь мы рассмотрим синтагмы, в которых помимо знаменательных слов находятся также и служебные морфемы. Мы не предприняли такого описания одновременно с изложением синтагматических отношений потому, что в синтагмах, которые мы будем рассматривать ниже, отдельные члены могут быть расширенными.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ПРЕДИКАТИВНАЯ СИНТАГМА

Предикативная синтагма тангутского языка состоит из двух членов: именного члена и предикативного члена. Исследование предикативной синтагмы мы построим соответственно этим двум членам синтагмы.

ИМЕННОЙ ЧЛЕН ПРЕДИКАТИВНОЙ СИНТАГМЫ

Именной член предикативной синтагмы может быть выражен отдельным существительным или синтагмой, эквивалентной существительному. Как уже указывалось, он представляет собой субъект некоторого высказывания.

Аналогично морфеме **識** *ta'* может употребляться послелог **識** *šiei'*, например: **尾衣識短維高年識能識** *phi' tšhiu' thln² s'wo² ndziu' si².o' šiei' ml' nda²* "Монахи не знали, кто оставил надпись"¹

ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЧЛЕН ПРЕДИКАТИВНОЙ СИНТАГМЫ

В зависимости от характера предикативного члена предикативной синтагмы мы различаем два вида синтагм: синтагмы, у которых предикативный член выражен глаголом или прилагательным, и синтагмы, у которых предикативный член выражен существительным.

В синтагмах, где предикативный член выражен глаголом, именной член может находиться в именительном падеже или же сочетаться с морфемами **識** *ta'* или **識** *šiei'* согласно правилам, приведенным выше. В тех случаях, когда именной член синтагмы рассматриваемого типа выражен синтагмой типа SV наличие морфемы **識** *ta'* после него обязательно.

В предикативных синтагмах, где предикативный член выражен существительным, имеется связка. Такие синтагмы противоречат нашему определению синтагмы как сочетания двух знаменательных слов. Выходом может послужить только признание связки служебным элементом, что само по себе является некоторой натяжкой, потому что связка свободно сочетается со служебными видо-временными морфемами.

При наличии именного предикативного члена со связкой существования именной член синтагмы сочетается с морфемой **識** *ta'*. Содержательно отношения между именным и предикативным членом состоят в том, что именной член либо отождествляется с чем-либо, либо подводится под какую-нибудь категорию. При этом именной член может быть выражен как отдельным существительным, так и целой синтагмой, например: **龍識能** *thl² ta' na² nwə' ldeu² n'auw²* "Это есть то, чего ты не дол-

¹ Пример взят из кн.: Н.А. Невский, Тангутская филология, кн.1, стр.442.

воря, каждая каплевидная запятая соответствует некоторой экстремальной точке интонационной кривой тангутского предложения.

Общая закономерность расстановки точек в тангутском тексте сводится к тому, что точки обычно ставятся против иероглифов, обозначающих последние морфемы синтагм. Это означает, что в принципе интонационная кривая каждой синтагмы характеризуется наличием единственного экстремума.

Несколько более сложно дело обстоит в случае предикативной синтагмы. Во всех тех случаях, когда именной член предикативной синтагмы сочетается с морфемой ta', после нее мы встречаем точку, которая свидетельствует об изменении интонации. Это означает, что в таких синтагмах интонационная кривая имеет две экстремальные точки. Такая конфигурация интонационной кривой в предикативных синтагмах с морфемой ta' объясняется, вероятно, тем, что в тангутском языке существовала не только синтагматическая интонация, с помощью которой синтагмы отличались друг от друга, но также и интонация предложения в целом. Мы полагаем, что понижение интонации на морфеме ta' является выражением интонации тангутского предложения.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. КОМПЛЕТИВНАЯ СИНТАГМА

Содержательно комплетивная синтагма характеризуется тем, что именной ее член обозначает предмет, представляющий собой объект действия, обозначенный глаголом. Поскольку неизменной член комплетивной синтагмы может быть выражен только глаголом, мы будем называть его глагольным членом.

В зависимости от характера глагола комплетивной синтагмы отношения между ее членами могут несколько видоизменяться. При переходных глаголах именной член обозначает объект действия, выраженного глаголом, при непереходных глаголах именной член обозначает место, относительно которого развивается некоторое действие.

Именной член комплетивной морфемы представляет собой существительное, находящееся не в именительном падеже. Следует особо рассмот-

треть такие последовательности, где глагол синтагматически связан не с одним, а с двумя существительными. В последнем случае глагол и два существительных образуют две синтагмы, в которых глагол является общим членом. При этом характер связи таков, что существительное, стоящее в винительном падеже (с нулевым суффиксом) располагается, как правило, непосредственно перед глаголом, между тем как существительное, стоящее в одном из суффиксальных падежей, может быть отделено от глагола, например: 娘送能礼轿轿 (КЛ 12) *ngaw' lu² no² ndo² ko' kju'* "Янь Лу у Конфуция повозку попросил"

В тех случаях, когда одно из двух существительных, синтагматически связанных с глаголом, указывает на место действия, оно бывает всегда отделено от глагола вторым существительным, и независимо от того, в каком падеже оно находится, например: 睡睡在能礼轿轿 (КМ 94) *šje' swen' ndo² .a' mēi² tsɿ² rje² nda² rje² vje²* "Когда-то в [царстве] Сун я с Мэн-цзы разговаривал".

В тех случаях, когда именной член комплетивной синтагмы выражен просубстантивной синтагмой, последняя всегда оформлена суффиксом какого-либо падежа.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. АТРИБУТИВНАЯ СИНТАГМА

Атрибутивные синтагмы тангутского языка насчитывают несколько разновидностей, в зависимости от того, к каким грамматическим классам относятся члены атрибутивной синтагмы.

Содержательно атрибутивная синтагма тангутского языка характеризуется тем, что один из ее членов указывает на некоторые постоянные свойства другого. Соответственно мы будем называть их определяющим и определяемым членом синтагмы.

Если оба члена выражены существительным, то в таких случаях определяющий член синтагмы указывает на некоторую характеристику определяемого члена или на принадлежность его к определенной предметной области, например: 海海 *ngôn² žje'* "морская вода". Определяющий член атрибутивной синтагмы может находиться в применном падеже на

而 *.ln'* и в этом случае указывает на принадлежность определяемого члена определяющему, например: 需齊而風 *.wq²·ln'* "суть вещей".

Если определяющий член выражен прилагательным, а определяемый — существительным, то определяющий член указывает на некоторый постоянный признак определяемого члена. При этом определяющий член располагается после определяемого, например: 報級 *kē'kwi'* "древние установления".

Если определяющий член выражен глаголом, а определяемый — существительным, то, как уже указывалось, определяющий член стоит перед определяемым и указывает на изменяющийся во времени признак предмета, например: 報獲純財 *lhiu² rie' tshia²·iuo'* "приобретенные заслуги".

Если определяющий член выражен наречием, а определяемый — глаголом, мы различаем два случая в зависимости от характера определяющего члена. Когда определяющий член выражен качественным наречием или прилагательным, он содержательно указывает на некоторый признак действия, обозначенного глаголом. Как уже указывалось выше, определяющие члены слабо связаны с определяемым и поэтому между ними может быть поставлено отдельное существительное или же просубстантивная синтагма. В некоторых случаях прилагательное, выступающее в качестве определяющего члена рассматриваемой синтагмы, может быть оформлено падежным суффиксом 報 *ngu²*, например: 登報解勤 *zja' ngu² nda²·l'* "правдиво рассказать". Когда определяющий член бывает выражен наречием с пространственным или временным значением, он содержательно указывает на место или время действия, обозначенного глаголом.

ВОПРОС И УТВЕРЖДЕНИЕ

До сих пор мы рассматривали повествовательные предложения тангутского языка, которые содержательно представляют собой констатацию некоторого факта. Те предложения тангутского языка, которые по своему содержанию представляют собой вопрос относительно некоторого факта, называются вопросительными. Те предложения тангутского языка, которые

представляют собой категорическое утверждение некоторого факта, мы назовем утвердительными.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вопросительное предложение тангутского языка, вероятно, характеризовалось особой вопросительной интонацией, установить которую мы не можем. Поэтому мы рассмотрим только те способы образования вопроса, которые получили отражение на письме.

Различаются два вида вопроса: общий и частный. Общий вопрос относится ко всему предложению в целом, частный вопрос — к одному из членов предложения.

Общий вопрос в тангутском языке выражается с помощью вопросительной морфемы **𐄂𐄃** mo^2 , стоящей на конце предложения. При общем вопросе говорящий спрашивает о существовании некоторой ситуации в целом, например: **𐄂𐄃 𐄄𐄅 𐄆𐄇 𐄈𐄉 𐄊𐄋 𐄌𐄍 𐄎𐄏 𐄐𐄑 𐄒𐄓 𐄔𐄕 𐄖𐄗 𐄘𐄙 𐄚𐄛 𐄜𐄝** (КМ 93) $šjei' no^2 \cdot a' nda^2 ndžei^2 mo^2$ "Сомневается ли наследник в моих словах?".

Частный вопрос в тангутском языке выражается с помощью морфем-заместителей или других средств, о которых будет сказано несколько ниже. Образование частного вопроса с помощью вопросительных морфем-заместителей состоит в том, что некоторый член синтагмы заменяется соответствующей морфемой-заместителем. Некоторая особенность в порядке слов заключается в том, что все вопросительные местоимения стоят перед глаголами, а все вопросительные местопредикативы стоят перед существительными, например: **𐄂𐄃 𐄄𐄅 𐄆𐄇 𐄈𐄉 𐄊𐄋 𐄌𐄍 𐄎𐄏 𐄐𐄑 𐄒𐄓 𐄔𐄕 𐄖𐄗 𐄘𐄙 𐄚𐄛 𐄜𐄝** (КМ 99) $ngo' s[wi' m]n' n[gl]n^2 ndz[wo]^2 swi' m[le]^2$ "Если нет совершенного человека, то кто будет управлять варварами?"; **𐄂𐄃 𐄄𐄅 𐄆𐄇 𐄈𐄉 𐄊𐄋 𐄌𐄍 𐄎𐄏 𐄐𐄑 𐄒𐄓 𐄔𐄕 𐄖𐄗 𐄘𐄙 𐄚𐄛 𐄜𐄝** (КМ 86) $tšiew' kon' xwa' su^2 ndz[wo]^2$ "Чжоу Гун — что за человек?". В первом примере вопросительное местоимение замещает именную член предикативной синтагмы, но, несмотря на это, стоит перед глаголом; во втором предложении вопросительный пропредикатив замещает прилагательное, но стоит перед существительным.

Особое место занимают частные вопросы, относящиеся к предикативному члену предикативной синтагмы. Частный вопрос к предикативному члену

ну может быть образован с помощью морфемы **𐄂** a' , стоящей перед предикативной морфемой, например: **𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂** (КМ 85) $\cdot ian^2 \cdot ldie^2 \cdot a' \cdot wo^2$ "Можно ли написать на [царство] Янь?"; **𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂** (В П 127н) $tha^2 \cdot nda^2 \cdot a' \cdot zje'$ "Действительно ли это правда?"

Другим видом частного вопроса к предикативному члену предикативной синтагмы является альтернативный вопрос, возможный лишь тогда, когда предикативный член выражен глаголом. При альтернативном вопросе после глагола ставится тот же глагол с отрицанием. В таких случаях отрицание может быть как **𐄂** mi' , так и **𐄂** $mi'n^2$, т.е. может относиться как к плану настоящего, так и к плану прошедшего времени, например: **𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂** (В III 278в) $ngwo^2 \cdot thl' \cdot kha' \cdot o^2 \cdot zje' \cdot ndjei^2 \cdot vjei' \cdot mi' \cdot vjei' \cdot swln'$. "Когда болезнь войдет внутрь, то сможешь ли (букв. сможешь - не сможешь) вылечить?"; **𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂** (В III 310н) $tha' \cdot kdn' \cdot u^2 \cdot a^2 \cdot tu' \cdot ziu^2 \cdot tha^2 \cdot si^2 \cdot mi'n^2 \cdot si^2$ "Он отправился, желая посмотреть, погибли ли (букв. умерли еще не умерли) те десять тысяч рыб в пруду?".

УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Утверждение может иметь множество различных оттенков и, строго говоря, представляет собой такую модальность, которая выражается средствами глагольного наклонения. Однако в тангутском языке имеется еще один оттенок утверждения, который близок, но не совпадает с утверждением, содержащимся в повествовательном предложении. Этот оттенок утвердительности назовем выделительным утверждением.

Выделительное утверждение тангутского языка образуется с помощью морфемы **𐄂** lia' , стоящей на конце предложения. Эта морфема встречается как после глаголов (включая связки), так и после прилагательных.

Употребление морфемы **𐄂** lia' после глаголов обозначает намерение говорящего подчеркнуть, что совершено именно то действие, которое обозначено глаголом, а не какое-либо иное, например: **𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂𐄂** (КМ 96) $zje' \cdot ndzwo^2 \cdot tshia^2 \cdot ta' \cdot sia^2$

этом лесу, вероятно, есть дикие звери, [поэтому] мы, вероятно, можем пострадать”.

Бессоюзное сложносочиненное предложение обозначает целевую связь между ситуациями, описанными в простых предложениях, образующих его, например: 衣龍耐發 乃難報較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 (В Ш 310н) *thl' nda² mi' tshjə² rja² ndzlwə² zəw² tha' ngi² rje² sə' sə' phi'* “Услышав эти слова, царь немедленно послал людей, [чтобы они пошли] вместе с царевичами”.

Бессоюзное сложносочиненное предложение обозначает последовательность существования ситуаций, описанных в простых предложениях, образующих его, например: 龍 龍 龍 龍 龍 龍 龍 龍 龍 龍 龍 龍 (В Ш 328н) *rai² ndzle' kl' lie².ln' twu' tha² rə²* “Долгое время они стояли в нерешительности, [а затем] ушли”.

Бессоюзное сложносочиненное предложение обозначает противопоставление ситуаций, описанных в простых предложениях, образующих его, например: 較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 (КЛ 19) *sə' ta' ndzaw'sjə' ta' ml' ni²* “Конфуций сказал: / Ши - чрезмерен, Шан - недостаточен”.

Сложносочиненные предложения, объединенные не только интонацией, но также и союзами, в предиктивном аспекте можно охарактеризовать как взаимосвязанные, потому что при наличии сочинительного союза любое из связанных предложений детерминирует появление другого.

Рассматриваемые сложносочиненные предложения образуются с помощью сочинительного союза 亦 *tsi¹* “и, также”. Синтаксической особенностью этого союза является то, что он обычно стоит после именного члена предикативной синтагмы, например: 龍 龍 較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 (В II 30н) *ka² mbu² ? mln' su² zlon² rln² tsi¹ thl² su²* “Подобно тому как калпа границ не имеет, не имеет их и возраст [Будды]”. Сочинительный союз 亦 *tsi¹* указывает на равноценность или одновременность ситуаций, описанных в простых предложениях, образующих сложное, например: 龍 龍 較 較 較 較 較 較 較 較 較 較 (В II 38-40) *zi² na' tsi¹ ldiu² nei'* *tshje' vie' ldeuŋga² tsi¹ ne² lhiu²* “Прежде всего проповедуй законы и я буду рад”.

Иногда вместо сочинительного союза 亦 *tsl'* можно встретить дву-
 сложный союз 惟亦 *nluo' tsl'*, например: 衣冠禮樂教養愛愛艾衣冠
 衿者亦惟亦 肅敬 禮 變 冠 冠 帶 能 統 禮 變 冠 衣 冠 難 (В II 20н) *thl' ?*
ndo' tshja' mje' kl' ndje' thl' tshja' rie' nluo' tsl' sjia' rln' pju na' riu' tsan' tsln' ?
wai' mje' tsju' wai' "Тот, кто читает эту священную книгу, непременно при-
 обретет заслуги, и Будды десяти стран света, и дальновидно действующие
 бодисатвы будут поддерживать обладателя священной книги".

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложноподчиненные предложения тангутского языка характеризуются
 в предиктивном аспекте детерминацией. Предложение, детерминирующее
 появление другого предложения, называется придаточным; предложение,
 представляющее собой объект детерминации, называется главным. Слож-
 ноподчиненные предложения тангутского языка образуются с помощью
 подчинительных союзов и интонации. Содержательно сложноподчиненные
 предложения обозначают: ситуацию, которая имеет место одновременно с
 ситуацией главного предложения, ситуацию, которая представляет собой при-
 чину существования ситуации главного предложения, и т.п. Классифика-
 цию сложноподчиненных предложений тангутского языка проведем по приз-
 наку содержания.

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Придаточные предложения времени указывают на время существова-
 ния ситуации, о которой говорится в главном предложении. Следует разли-
 чать две разновидности указания времени: одновременность и неодноре-
 менность.

Придаточные предложения, обозначающие ситуацию, которая имеет
 место одновременно с ситуацией, описанной в главном предложении, обра-
 зуются с помощью союзов 變 *zjon'* или 後 *zje'*, которые ставятся
 после придаточного предложения, например: 衣冠禮樂教養愛愛艾衣冠
lie' lwə' zjon' ngl' ndju' thl' mln' "Когда Ли умер, гроб был, а саркофага не
 было"; 衣冠禮樂教養愛愛艾衣冠 (КЛ 12)
 衣冠禮樂教養愛愛艾衣冠 (КЛ 18) *thl' ndzwo' mi' ngwu' ngwu' zje' ndje'*

愧 *n|uo'* после условного придаточного предложения соответствует русско-
му "то", однако в тангутском языке союзы 請 *ku'* и 愧 *n|uo'* не детермини-
руют друг друга и, видимо, не являются регулярной синтаксической кон-
струкцией.

До сих пор мы рассматривали такие придаточные предложения, кото-
рые описывали ситуации, представляющие собой реальные условия осуществ-
ления каких-то других ситуаций. Однако этим не исчерпывается содержа-
ние категории условности в тангутском языке, где имеется специальный
союз для образования условного придаточного предложения, обозначающе-
го нереальное условие, - 刻 叢 *u¹.wai²* Этот союз стоит в начале
условного предложения, например: 刻 叢 匪 叢 惜 死 茲 辨 毅 炭 叢 反 叢
而 毅 研 考 惜 愧 疑 乞 疼 頌 (В II 30н) *u¹ wai² tshon² nga' p₁u¹ mbiu² ? si'
u₁e² v₁ei² śi₁a² ka' .In' z₁lon² tseu² p₁u¹ nwa' n₁wi² m₁e¹ m₁ln'* "Если даже и
можно измерить пространство и найти его пределы, то нет того, кто смог
бы измерить возраст Будды".

Морфема 叢 *wai²* иногда образует вместе с условным союзом
請 *ku²* рамочную конструкцию, в которую бывает заключено придаточное
условное предложение, например: 叢 假 年 疑 愧 惜 死 假 年 而 交 疑 交 疑 交 疑 惜 乞 疼
而 交 疑 惜 毅 愧 疑 假 年 疑 惜 愧 乞 疼 (KM 55-56) *wai² ngu² ta' mi' ngu² .In'
ndzie² r₁n² ta' mi' r₁n² .In' ndzie² ku' me² mi' s₁e¹ n₁a² .nie' tsh₁wen' z₁e'
mi' z₁ju²* "Если разумные станут отвергать неразумных, а талантливые -
неталантливых, то между мудрецом и невеждой не будет различия ни
на дюйм".

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИЧИНЫ

Придаточные предложения причины обозначают ситуацию, которая
представляет собой причину возникновения ситуации, описанной в главном
предложении.

Придаточные предложения причины образуются с помощью морфемы
報 *n|uo'*, стоящей после придаточного предложения, например: 報 毅 疑

誦善交好親報報報而壽壽既壽壽則報報報矣終 (В II 34в) nəu²ndzɿwo²

ngi² zja² nje² tjei² ngu² so² ldiə²·In' kju² tshwew²tjei² wə² mIn' njuo² mbu² ngle² ndIn²

"Один добрый человек от чистого сердца принес жертвы Трем Драгоценностям; по причине того, что у него нет денег, он позвал меня". В целях

усиления значения причинности главное предложение в таких случаях может начинаться с союза 新 tshio², например: 因父而教多子後後皆能

龍龍親報報報新夜能懷夜能教多矣 (В II 34в) ml'·In' phe² tshje² pjo² tsIn² mi' sjo² phi² kəi² njuo² tshio² thl' ku² ldje² thl² zjon wje²

"По причине того, что [Будда] призывал людей пресечь зло и скверну, его жизнь была

коротка". Особо следует отметить случаи, когда причинный союз состоит

из двух морфем: 報 njuo² и условного союза 諸 ku², например:

夜能親報報報諸諸因因形形能? 報報報報諸諸報報報報報報報報 (В III

12в-н) thl' tshja² tsje² zə² zə² liew² phu² ? mi² rje² njuo² ku² ni² ni² ljuw² nje² mbi² .ə' wai² lie²

"По причине того, что вы вкусили сладостную росу истинного закона, ваши телесные и духовные силы возрастут".

С придаточными предложениями причины тесно связаны придаточные предложения следствия. В предложениях следствия главное предложение представляет собой описание ситуации, являющейся причиной ситуации,

описанной в придаточном предложении, например: 既拜反翁報報報報新夜能

新拜報報報報報報報報報報報報報報 (В II 22в) rju² tha²·ən² sja² mbu² tshio² thl' tsiwa² rja² tsje²·rai² ni² .o' rje²

"Все Будды отзываются о нем с похвалой,

следовательно, он достоин слушать эту священную книгу и познать путь

искупления грехов". Союз 新 tshio², рассматриваемый здесь как следственный, имеет несколько более широкие функции: он может обозначать не только последовательность в причинно-следственном плане,

но также и последовательность во временном плане, например: 徹報

報報報報報報報報報報報報報報 (В II 4н) ldiu² nga² .i' ? tshio² tsje² mba² tsjuw²

"[С небес] спустились полчища демонов и затем принялись бить в священные

барабаны". Из приведенных примеров следует, что именно отмеченная

широта значения позволила этой морфеме принимать участие в сочетаниях

с сочинительным союзом 此 njuo².

В заключение раздела о придаточных предложениях причины следует остановиться на аналогии, которая наблюдается между придаточными временными и придаточными причинными. В силу прогрессивного порядка расположения синтагм в предложении, который лежит в основе тангутского синтаксиса, простые предложения, входящие в состав сложных, располагаются таким образом, что предложения, описывающие ситуации, произошедшие раньше, стоят перед предложениями, описывающими ситуации, которые произошли позднее. В силу этого же прогрессивного порядка предложения, обозначающие причину чего-либо, всегда располагаются перед предложениями, обозначающими следствие, независимо от того, являются они главными или придаточными.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- В - тангутский перевод *Suvarnaprabhasa-sūtra* из публикации 王静如:
西夏研究, 北平, II, 1932; III, 1933. (Следующие после сокращения цифры и буквы обозначают: римская цифра - том, арабская - страницу. Буква "в" или "н" - соответственно верхнюю или нижнюю половину страницы.)
- КЛ - тангутский перевод "Лунь юя" из публикации "Китайская классика в тангутском переводе". Предисловие, словарь и указатели В.С.Колоколова и Е.И.Кычанова. (Следующая после сокращения арабская цифра обозначает страницу публикации.)
- КМ - тангутский перевод "Мэн цзы" из публикации "Китайская классика в тангутском переводе". Предисловие, словарь и указатели В.С.Колоколова и Е.И.Кычанова. (Следующая после сокращения арабская цифра обозначает страницу публикации.)
- ВЯ - "Вопросы языкознания".
- КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии".
- ЛО ИНА - Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР.
- JNCB - «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society».
- JRAS - «Journal of the Royal Asiatic Society».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Метод реконструкции	5
Фонетическая реконструкция	6
Грамматическая реконструкция	9
Раскрытие значений иероглифов	12
История исследования тангутского языка	12
Глава I. Тангутская письменность	43
История создания тангутской письменности	43
Структура тангутской письменности	48
Графическая структура	48
Графемы	48
Графические элементы	51
Иероглифы	59
Семантическая структура	64
Глава II. Фонология	69
Фонетическая реконструкция	69
Источники реконструкции	69
Внешние источники	70
Китайская транскрипция тангутских иероглифов, тангутская транскрипция китайских иероглифов.	70
Тибетская транскрипция тангутских иероглифов.	74
Внутренние источники	81
Фонетические таблицы	82
"Вэньхай"	85
"Вэньхай цза лей"	86
"Гомофоны"	87
Рукописный словарь без названия	89
Синхрония и диахрония при фонетической реконструкции.	90
Проблема тонов тангутского языка	92
Согласные	97
Шумные	98

Смычные	99
Аффрикаты	100
Щелевые	100
Сонанты	101
Носовые сонанты	102
Неносовые сонанты	104
Нуль согласного	105
Проблема стечения согласных	106
Медналя	110
Гласные	114
Проблема ауслата	118
Проблема дифтонгов	123
Простые гласные	130
Фонемы тангутского языка	138
Согласные фонемы	138
Гласные фонемы	142
Глава III. Морфология	145
Морфемы	145
Словообразование	151
Образование имен нарицательных	151
Сложение знаменательных морфем	151
Сложение знаменательных морфем со служебными	154
Образование имен собственных	157
Формообразование. Грамматические классы	158
Существительное	180
Категория числа	180
Неопределенный член	181
Счетные слова	182
Единицы измерения	184
Существительные с пространственным значением	185
Падежи и послелоги	185
Падежи	187
Система падежей	174
Семантическая система	174
Функциональная система	178
Послелоги	180
Система послелогов	184
Глагол	185
Переходные и непереходные глаголы	186

Глаголы направленного и ненаправленного действия . . .	187
Глаголы действия и модальные глаголы	187
Глаголы-связки	188
Глагол "делать"	189
Категория времени	190
Настоящее время	191
Прошедшее время	193
Будущее время	197
Категория вида	199
Совершенный вид	200
Совершенный начинательный вид	202
Совершенный однократный вид	203
Категория залога	205
Действительный залог	206
Побудительный залог	206
Взаимный залог	208
Система залогов тангутского языка	208
Категория наклонения	209
Изъявительное наклонение	209
Желательное наклонение	210
Допустительное наклонение	213
Гипотетическое наклонение	213
Уступительное наклонение	214
Наклонение долженствования	215
Наклонение возможности	216
Апеллятивное наклонение	217
Система наклонений	219
Эмфатическая форма глагола	220
Отрицания	222
Прилагательное	225
Категория времени	227
Категория вида	227
Категория наклонения	228
Категория залога	229
Отрицания прилагательных	230
Степени сравнения прилагательных	230
Наречие	231
Качественные наречия	231
Количественные наречия	232

Обстоятельственные наречия	233
Числительное	233
Количественные числительные	234
Порядковые числительные	237
Морфемы-заместители	237
Местоимение	238
Личные местоимения	238
Указательные местоимения	239
Локативные местоимения	240
Неопределенное местоимение	240
Вопросительные местоимения	240
Пропредикативы	241
Пронумеративы	241
Глава IV. Синтаксис	243
Синтагматические отношения тангутского языка	245
Содержательный аспект синтагматических отношений	245
Предиктивный аспект синтагматических отношений	248
Расширение синтагм	250
Однородные члены синтагмы	252
Простое предложение	253
Простое предложение. Предикативная синтагма	254
Именной член предикативной синтагмы	254
Предикативный член предикативной синтагмы	256
Несколько замечаний относительно интонации	257
Простое предложение. Комплетивная синтагма	258
Простое предложение. Атрибутивная синтагма	259
Вопрос и утверждение	260
Вопросительные предложения	261
Утвердительные предложения	262
Сложное предложение	263
Сложносочиненные предложения	264
Сложноподчиненные предложения	266
Придаточные предложения времени	266
Придаточные предложения условия	267
Придаточные предложения причины	268
Условные сокращения	271

Михаил Викторович Софронов
ГРАММАТИКА ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА
Книга I

*Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор Л.С. Гингольд
Технический редактор Г.С. Шавелева
Корректоры В.В. Воловик и Л.Л. Родичев

Сдано в набор 22/ХП 1966 г. Подписано к печати 23/П 1968 г.
А-01733 Формат 84 x 108¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 17,25. Уч.-изд. л. 14,77.
Усл. п. л. 28,98. Тираж 1100 экз. Изд. № 1780. Зак. 62. Цена 1 р. 18 к.

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер. 2
Офсетное производство 3-и типографии издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер. 2